

ДЖОРДЖ КАТСИФИКАС

**НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ.
ЕВРОПЕЙСКИЕ АВТОНОМНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И
ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Реферативный перевод Вячеслава Яценко

Волгоград 2002

ДЖОРДЖ КАТСИФИКАС – ВОИНСТВЕННЫЙ СТОРОННИК МИРА

Джордж Катсификас, ученик Герберта Маркузе, доктор философских наук, профессор Вентворского Института Технологии (Бостон) и Института 18 Мая Чоннэмского Национального Университета (Южная Корея), главный редактор журнала «New Political Science», в начале 70-х годов активно разыскивался полицией и ФБР. По программе американской контрразведки COINTELPRO его классифицировали по наивысшему баллу «Priority 1 ADEX». Владелец подобного статуса подлежал немедленному аресту. За что же молодой грек удостоился такой чести?

Отец Джорджа был военным. Сын офицера детство провёл в разъездах по местам национальных интересов США. Довольно часто ему приходилось сталкиваться с примерами социальной несправедливости и угнетения. Этот мир несовершенен, его необходимо преобразить – такие мысли часто посещали Джорджа, поэтому не удивительно, что в эпоху студенческих бунтов конца 60-х годов Катсификас оказался на стороне Новых Левых.

11 лет он работал в радикальной контркультурной коммуне на калифорнийском побережье. Коммунары боролись против войны во Вьетнаме, против насилия полицейских и изнасилований. Им удалось создать сеть альтернативистских институтов: бесплатная школа, продуктовая лавка, культурный центр и т.п.

Репрессии не заставили себя долго ждать. Активистов убивали на улицах и в тюрьмах. По отношению к ним

устроивались провокации. В 1972 году агенты ФБР и полицейские незаконно обыскали квартиру Джорджа. Они взломали дверь, изъяли его дневники и документы. В это время Катсификас находился с друзьями в Сан-Диего. Здесь была взорвана его машина. Оставаться в «свободной» Америке молодому активисту было уже небезопасно. Джордж уезжает в Германию. За полтора года проживания в Берлине Катсификас принял деятельное участие в акциях и проектах новорождённого автономистского движения. В рядах активистов он боролся за права палестинского народа. Политическая работа соседствовала с научной. Итогом его пребывания в Берлине стала диссертация «Облик Новых Левых: Глобальный Анализ 1968 года».

Тема его настоящих исследований – восстание в Южной Корее 1980 года, эволюция партии «Чёрная Пантера», ситуация в Судане, проявления современного империализма и т.п.

Джордж продолжает активную борьбу с существующей системой угнетения. В одном из писем он написал: «Будучи по природе поборником мира, я, в то же время, не мог допустить несправедливость. Я беспрестанно трудился ради осуществления моих идеалов!»

Завидное постоянство!

Вячеслав Яценко

1. ОТ 1968 ГОДА К АВТОНОМИИ

В современной политической системе Западной Европы существует множество политико-культурных и контркультурных объединений которые работают над изменением существующего строя. Все они стремятся преобразить этот мир, сделать его более справедливым и удобоваримым для человека. Вся эта разношёрстная кавалькада имеет одну праматерь, о которой большинство граждан даже не догадывается. Это неведение - плод не столько нашей неосведомлённости, сколько следствие тотального поглощения оппозиции средствами массовой информации, которые работают в угоду Общества Потребления. Ещё одной немаловажной причиной «засекреченности» этого «маточного» движения является его самомаргинализация, самовыпадение из обывательского мира.

Настало время назвать имя этой матери-невидимки. АВТОНОМНОЕ ДВИЖЕНИЕ. Многие плоды её великих побед приписывались другим партиям. Например, в Германии партия зелёных добилась невероятных парламентских успехов, беспардонно приписывая победы автономистов на свой счёт. Большинство «старых» активистов этой партии раньше были членами автономистских групп. Затем они расстались со своими радикальными взглядами и легализовались. В то время как зелёные бросились осваивать офисы, радикалы поселились в сотнях пустующих домов, используя их как базу для

радикализации движений за мир, экологию и феминизм. Зелёные устремились в комфортабельный парламент, автономисты - на захват улиц, на баррикады. Первые пытаются трансформировать общество посредством реформ, вторые - преобразуют мир, создавая самоуправляющиеся центры. Для многих автономистов зелёные являются не движением в правительстве, а правительством в движении. По их мнению, «зелёные» представляют реальную угрозу экологическому движению, т.к. они снимают радикальный потенциал активистов, часто сотрудничая с полицией и чиновниками.

Автономисты создают новую невозможную реальность, новые ценности и стили жизни. Они предлагают свою социокультурную программу основанную на реальной свободе, плюрализме, разнообразии, чуждой всякой иерархии, корысти и карьеризма. Автономисты - маргиналы. Они на периферии общества, но в центре общественных перемен. Они не бьют себя в грудь: «Вот мы какие!» - Незачем. Не дают интервью СМИ - всё равно перевернут! Они не пишут мемуаров и научных эссе о себе любимых - всё равно не поймут! Они просто идут к людям. Они действуют вместе с людьми и во имя людей.

Непосредственно «здесь и сейчас» автономисты показывают эффективность «прямого действия», справедливость горизонтальных связей, возможность реализации Утопии. Феминизм, сексуальное освобождение, равенство с иностранцами и экология - вот основные сферы их деятельности. Автономисты чрезвычайно мобильны. В короткий срок они способны организовать свои разрозненные группы в мощную ударную силу способную сокрушить безликую повседневность.

К концу 60-х годов капитализм вступил в свою новую стадию: создание государства всеобщего благоденствия и умиротворения стало целью правительств всего мира. Появляется новая форма несвободы, сладкая и заманчивая форма комфортабельного тотального рабства. Как писал Г. Маркузе: «отличие современного общества в том, что оно усмиряет центробежные силы скорее с помощью Техники чем Террора, опираясь одновременно на сокрушительную эффективность и повышающийся жизненный стандарт ... тесная взаимосвязь между техникой и политико-манипулятивным ноу-хау, между прибыльной производительностью и господством даёт победе над нуждой оружие для сдерживания освобождения»¹ Борьба с этой разновидностью несвободы и породила автономное движение.

Изменившиеся условия существования общества выявили неспособность профсоюзов и рабочих партий контролировать ситуацию. Новая стадия позднего капитализма породила новые формы борьбы и новые ценностные ориентиры. Наиболее ярко это проявилось в Италии. После II-й мировой войны за 40 лет здесь сменилось 48 правительств. Ни одно из них не могло справиться с конфликтом между рабочими и управляющими предприятий, а так же между женщинами и Ватиканом. В Италии студенческое и рабочее движения не исчезли и не интегрировались в систему после 68-го года, как это случилось в других странах. Здесь они сформировали мощную популярную базу и наработали богатый опыт борьбы и альтернативного образа жизни. Именно из Италии автономное движение начало своё грандиозное шествие по Европе.

¹ Г. Маркузе Одномерный человек, М.1998. С.ХI, 37.

2. ИТАЛЬЯНСКАЯ АВТОНОМИЯ

Пролетарские корни автономии

Спорадические студенческие выступления 1968 года в Европе больше походили на бунт, чем на революцию. Почти везде эти выступления носили узко студенческий характер. И только в Италии студенты получили мощную поддержку рабочих и служащих. Вот как это происходило.

В течение всей Горячей Осени 1969 года по Италии прокатились многочисленные забастовки рабочих. Их интенсивность была настолько высока, что вскоре они полностью парализовали местную промышленность. 4 года длилась борьба между рабочими и менеджерами предприятий за право контроля продукции и доходов. На помощь рабочим пришли феминистки и контркультурная молодёжь. Всех их объединяло желание избавиться от патернализма и нищеты.

Бунт рос и множился. Вскоре, повстанцев стали называть «второе общество».

На заводах Турина и Милана рабочие впервые применили новые разновидности забастовок: «икающая» и «шахматная доска». В первую вовлекалась вся фабрика. Неожиданно производство прекращалось. Администрация в ужасе. Оно приказывает рабочим вернуться на свои рабочие места - что те и делают. Но через полчаса акция повторяется вновь. И так целый день. «Шахматная доска» охватывала только одну часть производства. Рабочие определённого цеха бросают работу. Начальство возвращает их на рабочие места, но в это время другой цех полным составом уходит на перекур. И так до тех пор, пока директора не хватит инфаркт.

Осенью 69-го бунт начинает набирать обороты. 25 сентября 50 тыс. рабочих-инженеров приняли участие в национальной демонстрации. В начале октября в Милане рабочие сотен фабрик блокировали важные магистрали города. Тысячи студентов вышли на улицы. Повсеместные забастовки и широкая поддержка общественности заставили Министерство Труда удовлетворить все требования рабочих. Но борьба продолжалась. На заводах создавались рабочие банды «красные платки». Боевые группы защищали своих коллег от произвола администрации и нападений неофашистов, избивали штрейкбрехеров и несговорчивых мастеров. В конце концов, им удалось разрушить иерархию управления заводом и создать автономную силу контролирующую производство. Борьба увенчалась успехом: за год зарплата подскочила на 23.4%. Но победа эта была мнимой, т.к. инфляция тут же свела на нет все завоевания рабочих. В это же время во всей Европе начинается

процесс возрождения неонацистских организаций. В Испании, Португалии и Греции к власти приходят откровенные чернорубашечники. В Италии они начинают применять стратегию «нагнетания напряжённости». Они убивают левых активистов, устраивают провокации и подлоги. Так, в одном из банков Милана 12 декабря 1969 года была взорвана бомба. По подозрению в терроризме за решётку были брошены два анархиста, которых вскоре полностью оправдали. Но, несмотря на явный коричневый след, СМИ продолжали обвинять левых.

В ответ на усиление реакции некоторые левацкие маоистские группы начинают вооружённую борьбу. Ярким примером итальянского левого экстремизма стали «Красные Бригады». Череду своих похищений они начали с премьер-министра Альдо Моро. За период с 1969 по 1979 годы ими было убито 415 и ранено 1181 человек.

Послевоенная разруха оставила в Италии богатое наследство - массовую нищету. Голодные сельские жители южных районов бросились в сытые северные города. Жить там было негде. Бездомные крестьяне стали захватывать пустующие помещения и образовывать в них сквоты-коммуны. Так, в Милане в 1977 году в 50 захваченных зданиях ютилось около 2000 постоянных и до 35000 временных поселенцев. Такая насыщенность и концентрация радикально настроенных сквотеров превратила Милан в контркультурную столицу Италии. Здесь зарождался национальный андеграунд, здесь планировались грандиозные битвы с капиталом и патриархатом.

Попытки властей выселить сквотеров из зданий имели порой самые непредсказуемые последствия. Так, в 1971 г. 1000

полицейских вознамерились выдворить 70 иммигрантских семей из захваченных ими помещений. Сделать это они смогли, только разгромив баррикады защитников и наполнив ими местную тюрьму. Рабочие соседних фабрик активно поддержали своих товарищей. Студенты миланского университета в знак протеста захватили помещение архитектурного факультета. Разгромить сквотеров так и не удалось, так как они тут же переселились в другие пустующие здания. Именно во время этой битвы женская часть повстанцев придумала новый тип сопротивления - возникло движение самопонижения цен. Кстати, инициативу коммунарок резко осудили коммунисты. Семьи сами стали устанавливать цены за коммунальное обслуживание и транспорт.

Не смотря на критику действий сквотеров, итальянская компартия решила воспользоваться плодами автономного движения. Они сумели подчинить созданные в 1969 году автономные советы, которые, впрочем, в середине 70-х годов уже полностью бюрократизировались.

Давайте теперь разберёмся в структуре левого спектра Итальянской политической палитры 70-х годов. Справа налево: За компартией Италии следовала партия “Продолжающаяся Борьба” (*Lotta Continua*), выступающая за истинный советский коммунизм. Обе эти группы постепенно бюрократизировались и маргинализировались, несмотря на кажущуюся популярность в обществе (на выборах 1972 они набрали более миллиона голосов). Далее располагалась группировка “Власть Рабочих” (*Potere Operaio*). И замыкали левый спектр радикальные маоистские группы. Самыми известными из них были “Красные Бригады”, начавшие свой кровавый путь в 1970 г.

Особняком от этих иерархических потомков коммунизма XIX века стояла “Автономия Рабочих” (Autonomia Operaia - АО). Появилась она в 50-х г.г. в северных промышленных районах страны как стихийное движение рабочих независимое как от администрации и каких-то государственных структур, так и профсоюзов, возглавляемых коммунистами. Массовый характер движение АО приобрело после событий Горячей Осени. В 1972 году рабочие и студенты в Риме организовали штаб-квартиру комитетов АО. Борьба приняла серьёзный оборот. Представители АО верили в “растущий уровень борьбы с госаппаратом”. Они предпочитали лобовой конфликт и не брезговали применять силовые методы контрударов против нарастающего фашистского террора. Вопросы тактики были основным камнем преткновения в спорах автономистов с коммунистами. Радикализм АО можно проиллюстрировать на прекрасном примере. 2 февраля 1973 года 20 000 рабочих захватили завод Мирафиори. Такой метод спора с руководством оказался очень заразителен - пошла волна захватов предприятий. Спустя неделю, на улицы Рима вышло пол миллиона демонстрантов с лозунгом “Вся власть рабочим!”. Они выступали за сокращение рабочей недели и за увеличение зарплаты. Власти задумались, но мер не приняли. 29 марта 1973 года военизированные отряды рабочих захватили этот завод полностью. В руках рабочих Турина так же оказалось большинство фабрик. Администрация и профсоюзы попытались урегулировать конфликт, но на собрания явилось менее половины рабочих.

Захваты предприятий отличались от “красногвардейских атак на капитал” эпохи гражданской войны в России и рабочего

движения 20-х годов в Италии. Фабрики им были нужны не для работы, а для организации революционной борьбы! Поэтому их мало волновала рентабельность предприятий. Сначала нужно было сломать шею капитализму и надвигающемуся тоталитаризму в лице фашизма и коммунизма. Борьба шла на трёх направлениях. К 1974 г. почти все фабрики Фиат оказались без управления. Мастера были запуганы. Инспектора избивались отрядами самообороны предприятий. Автономия развивалась по своим правилам, не смешиваясь с классовой теорией и не адаптируясь с партиями. Большую роль в формировании автономистской теории сыграло феминистическое движение.

Феминистические корни автономного движения

В то время Италия представляла собой самую патриархальную страну Западной Европы. Горячая Осень 69-го разбудила прекрасную, но угнетённую половину человечества. И на следующий год рассерженные женщины вышли на городские улицы. Женское восстание особенно сильно проявило себя в Риме, Милане и Падуе. Повсеместно в стране организовывались группы подъёма сознательности: женские центры, книжные магазины, клубы по интересам. Именно в этих местах и началась жаркая дискуссия о радикальной трансформации повседневности, которая актуальна до сих пор. Несмотря на то, что все партии и левые группировки игнорировали обсуждение этих “приземлённых вопросов”, эта проблема стала очень популярна среди молодёжи, и, особенно, среди женской её части. Этому способствовала в большей мере деятельность альтернативных центров здоровья.

В то время почти во всей Европе были запрещены аборт и контрацептивы. Нелегальное их существование часто приводило к печальным последствиям. Ежегодно в одной только Италии от нелегальных абортов погибало до 20 000 женщин. Феминистки не собирались с этим мириться. Началась кампания за легализацию абортов. Январь 1974 стал началом борьбы. В Тренто на демонстрацию вышло 263 женщины. Смелчаков не поддержала ни одна партия. На следующий год 6 декабря уже 25 000 женщин устроили марш протеста. Союз Женщин Италии поддержал акцию, и, уже после марша, компартия включилась в процесс сбора подписей за референдум об аборте. Всего было собрано около миллиона подписей. Началась трансформация общества, трансформация сознания. Всё меньше людей поддерживало позицию церкви, считающей аборт смертным грехом, за который, кстати, по закону полагалось 5 лет тюрьмы. Люди шли на нарушение закона. Самоуправляющиеся легальные клиники принимали на этот счёт автономное решение, основанное не на законе, а на здравом смысле. Эти клиники были первым шагом на пути к независимости от существующей патриархальной системы. Газеты тех лет твердили о том, что женщины колонизируют патриархальную систему страны.

Феминистки боролись вопреки скептическим и порой враждебным высказываниям своих товарищей по партии. Так, в 78 году коммунистическое большинство парламента пошло на уступку движению против абортов. Они легализовали докторов, но забыли узаконить деяния женщин. Движение за Освобождение Женщин входившее в Радикальную партию назвало этот закон “ударом по зубам женщин”. Началась

ожесточённая борьба с мужским шовинизмом. В результате в Италии был принят самый лучший закон об аборте в Европе. В ходе борьбы женщины очень разочаровались в своих мачо-товарищах. Движение за Освобождение Женщин вскоре вышло из Радикальной партии, а Союз Женщин Италии из Компартии.

Порой во взаимоотношениях между женщинами и мужчинами внутри партий происходили абсолютно абсурдные вещи. Так, на демонстрации партии Продолжающаяся Борьба в ноябре 1975 года отряд самообороны рабочих, который должен был охранять демонстрантов от происков полиции и фашистов, напал на активисток марша протеста против аборта. Мужчины утверждали, что активистки не выражают мнение пролетариата. Они реакционны так же как и студенты. В ответ феминистки выдвинули лозунг: “Нет революции без освобождения женщин. И нет освобождения женщин без революции”. Требования феминисток вскоре стали носить более радикальный характер. Они вышли на арену борьбы против эксплуатации женщин вне фабрик. Мужчины-революционеры совсем забыли о том, что домашняя работа является так же формой порабощения. Группы Lotta Feminista и Autonomia Feminist выдвинули требование установить зарплату женщинам за их домашний труд.

Итак, можно подвести небольшой итог. За 10 лет своего существования феминизм в Италии добился некоторых успехов. Активистки добились сохранения легальности развода, узаконили аборт и выдвинули требование оплаты домашней работы. К 1983 году в Италии насчитывалось уже до тысячи женских клубов и центров. Их работа строилась на автономистских анархических принципах. Существовавшие

многочисленные группы принимали совместные решения на генеральных ассамблеях. При этом никогда большинство не навязывало своё мнение меньшинству. Горизонтальные связи обеспечивали интерактивный стиль обсуждения проблем, в отличие от ораторского у левых партий. Движение носило явно неиерархический характер. Началось сближение позиций феминисток с мужской половиной борцов за свободу. Призывы разрушить семью и патриархальное общество, а так же антимилитаризм, объединили феминизм с движением хиппи.

Результатом кропотливой работы Автономного и феминистского движений стал очевидный факт: теперь политика проистекала не от одного лидера, партии или класса, а от всех участников движения. Тактика борьбы эпохи промышленной революции канула в лету. На этот счёт есть хорошее высказывание Антонио Негри: “Феминистское движение с его практикой коммунизма и сепаратизма, с его критикой политики и общественного проявления власти, с его глубоким недоверием к какой-либо форме “генерального представительства”... с его любовью к разнообразию, должно быть похоже на чистейшую форму архетипа этой новой фазы движения. Оно является источником вдохновения... для новых движений пролетарской молодёжи середины 70-х годов. Сам референдум о разводе (1974) бы первым добрым знаком для “автономии” социального движения”². Таким образом, феминизм стал самым примечательным источником автономного движения.

Студенческие и молодёжные корни автономного движения

Со времён Муссолини в Вузах Италии не было факультетов социологии, поэтому государство не было готово радикальным акциям итальянских студентов. Воинственность и лёгкая возбудимость этих людей не была напрямую связана с их южным темпераментом. Радикализация студентов имела социальные корни. Самой высокой в Европе была безработица среди итальянской молодёжи. Несоответствие системы образования изменившимся условиям системы труда, дефицит квартир, а так же феодальные семейные отношения и репрессии правительства – всё это стало главной причиной бунта «молодых». Молодёжь пошла другим путём, путём борьбы против существующей системы.

Первыми камень в правительство запустили студенты Католического Университета. В Ноябре 1968 года они захватили учебное заведение и выставили свои требования: признать автономию и самоуправление студенческого движения; отменить дисциплинарные взыскания по отношению к активистам; гарантировать свободу слова и признать власть студенческого генерального собрания. Подобные требования для 1968 года были неоригинальны, но для итальянского студенческого движения они стали камнем преткновения. В то время сознание студентов кардинальным образом изменилось. Теперь университеты перестали воспроизводить карьеристов, они превратились в кузницы революционеров!

Рост студенческой революционности легко проиллюстрировать следующим примером. Если в марте 1968 года в Милане администрации досаждали студенты 6-ти колледжей, то через пол года все колледжи города стали

² Antonio Negri, *Revolution Retrieved* (London: Red Notes, 1988), p. 236.

оплотом бунтовщиков. Движение самоорганизации из классов распространилась по всему городу. К студентам присоединились рабочие и, вскоре, в Милане появилась первая в стране «Генеральная Ассамблея» - орган самоорганизации и самоуправления населения. К большому сожалению, спустя несколько лет революционная инициатива перешла к авторитарным сектам марксистско-ленинских групп, но итальянцы показали, на что они способны! 1968 год был бархатным сезоном для контркультурных течений. Тогда в марксистских кружках рабочие больше интересовались контркультурой, чем экономическими вопросами бытия, а женщины посещали чаще женские курсы, чем лекции своих партийных боссов. Контркультурное движение находилось в абсолютной оппозиции по отношению к коммунистическим сектам и даже к «Новым Левым».

Наиболее интересной разновидностью «творческой автономии» были, конечно же, Индейцы Метрополии. Молодые люди эпатировали обывателей индейской одеждой и боевой раскраской лиц. Вместе с йиппи они породили движение оранжевых акций, где юмор, сатира и карнавал деформировали официоз, превращая его в фарс. Это была текучая эгалитарная среда, состоящая из кружков близких друзей. Здесь не было авторитетов и иерархии. Это были маргинализованные аутсайдеры с перьями на голове. Они ненавидели вестерновских ковбоев, охотились за «скальпами» бледнолицых официалов и создавали, подобно членам Партии Чёрной Пантеры, боевые отряды самозащиты. В марте 1977 года они опубликовали свой Манифест, в котором выступали за освобождение всех животных заключённых в зоопарках и

молодых людей томящихся в тюрьмах, за предоставление всех пустующих домов сквотерам, за легализацию наркотиков, за уничтожение монумента Алтарь Отечества, который ассоциировался с фашизмом. Но самым далеко идущим требованием была попытка реабилитации динозавра Археоптерикса, из которого кинопроизводство создало образ людоеда!!! Уклонение от оплаты за услуги индустрии развлечений – это тоже порождение индейцев метрополии: «не плати в кинотеатрах, на концертах и ресторанах – они сделали из тебя зрителя, а ты – народ!» Они балагурили в фешенебельных местах, сопротивлялись активно полиции и разрисовывали стены домов.

Среди индианистов часто встречались художники, артисты, режиссёры. Так, драматург Дарио Фо отстаивал автономию культуры, играя свои пьесы прямо на площадях и заводах. Цель его была проста: быть ближе к народу. А ещё ему очень хотелось разрушить современное искусство централизованное и корпоративное.

В конце 1975 года в Италии была отменена монополия на эфир. За год появилось до 800 свободных радиостанций и около сотни новых телеканалов. 20% из них составляли левые и феминистические вещательные центры. К ним можно добавить 100 левых журналов. Можно себе представить какую информационную пропаганду развернули тогда леваки. Этим воспользовались итальянские коммунисты, которые одержали сокрушительную победу на выборах 1975 года. Эйфория выразилась в огромном количестве фестивалей. Резко увеличилась численность сквотев. Но радость пролетариата длилась недолго. Коммунисты, засучив рукава, взялись за

воспитание масс. Во-первых, они стали бороться за полный контроль над СМИ. Затем коммунисты стали наводить «порядок» на производстве. Полицейским было дозволено применять оружие против демонстрантов, срывать с их лиц платки и маски. Это вызвало бурю протеста автономистов и пролетарской молодёжи. Уровень их радикализма резко пополз вверх.

1977 год стал годом кризиса революционного движения в Италии. Эскалация репрессий со стороны государства и революционного сопротивления ознаменовали поворотную точку в истории Автономии. Рим и Болонья стали символами насилия полицейских. Так, 1 февраля этого года 100 неофашистов атаковали Римский Университет, расстреливая безоружных студентов, которые протестовали против консервативного билля об образовании. На следующий день у офиса неофашистской организации Итальянское Социалистическое Движение собрался многотысячный митинг студентов. Полиция открыла перекрёстный огонь из пулемётов. Ранено 4 студента и 1 полицейский, который тоже попал под пули. Тысячи студентов в ответ на это злодеяние оккупировали Университет и организовали охрану общежитий и ворот в студенческий городок. В знак солидарности по всей Италии студенты стали захватывать свои Вузы. К этому следует напомнить, что уже с октября 1976 года около сотни женщин держали осаду в захваченном ими здании суда Виа дел Говерно Веччио.

Коммунистическое правительство было взволнованно. Председатель коммунистического профсоюза Лучиано Лама 17 февраля прибыл в Римский Университет в сопровождении

охраны и группы пролетарской поддержки, чтобы вразумить студентов. Перед этим в одном из своих интервью он назвал автономистов фашистами, которые очень любят деньги, а захват университета – провокацией. В ночь перед приездом коммунистического босса Генеральная ассамблея университета решила впустить его и постараться выслушать. Всю ночь после этого они смотрели фильмы о студенческом движении 1968 года, заряжаясь революционной энергией. Настало утро. До 5000 студентов пришли послушать речь Ламы. Индейцы Метрополии, вооружившись резиновыми томагавками и брызгалками, окружили платформу, на которой стоял оратор, скандируя лозунги: «Ламы родом из Тибета!»; «Больше церковей, меньше домов!»; «Хотим работать больше, а получать меньше!»; «В Чили танки, в Италии коммунисты!». Во время речи Ламы, индейцы монотонно вопиили: «Идиот!». Когда же Лама назвал студентов «паразитами на теле пролетариата» началась потасовка индейцев с его охраной, и, вскоре, под общее улюлюканье Лама вместе с группой поддержки был выброшен из университета и оплёван. Трибуну, на которой выступал оратор, студенты разнесли в щепки. В ходе драки серьёзно пострадало до 50 человек. Ректор вызвал полицию. Страхивающие со штанов пыль коммунисты приветствовали полицейских у ворот университета и кричали студентам: «Чернорубашечники! Фашисты! Ваше место на кладбище!» 2000 полицейских, используя слезоточивый газ, очистили университет. Пострадали даже зеваки не имеющие к акции никакого отношения. Избиение Ламы стало отправной точкой студенческого бунта. Отношение революционной молодёжи к прокоммунистическим партиям становилось всё хуже и хуже.

Тысячи студентов приняли участие в обсуждении плана своих дальнейших действий. Было решено провести 19 февраля марш протеста через весь Рим. Более 50 000 студентов и рабочих прошли по улицам города с лозунгом: «Они нас выгнали из университета. Пусть теперь выгонят из города!». Направлен марш был против полиции и коммунистов. СМИ СССР сообщали в то время о всплеске фашистских настроений среди итальянских студентов.

В электронных СМИ появилось заявление министра Коссига о том, что правительством разработаны меры искоренения автономного движения. Индейцы Метрополии, в свою очередь, ответили министру, что вызов принят: «Мы больше никогда не закопаем томагавки войны! ». Движение сопротивления ширилось по всей стране. Студенты и правительство собирали свои силы для генерального наступления.

В это время в автономном движении начинается первый раскол между «творческим» и «организованным» направлениями. К первому относились Индейцы Метрополии и феминистки. Ко второму – Новые левые и Продолжающаяся Борьба, которые стремились к лидерству. Но, не смотря на противоречия, все они выступили одним фронтом на общенациональной демонстрации 12 марта. На этой акции выстрелом в спину был убит активист организации Продолжающаяся Борьба Франческо Лоруссо. Либертарное радио «Алиса» распространило сообщение об этом убийстве и призвало сжигать полицейские участки, захватывать железнодорожные вокзалы и уничтожать католические книжные магазины (в убийстве подозревали членов партии

Католическая Молодёжь). На следующий день марш повторился. Друзья Франческо устроили пресс-конференцию. Полиция попыталась освободить центр города и захватила вновь университет. Но баррикады и активное сопротивление студентов сорвали их планы. К вечеру в освобождённом университете студенты устроили дискуссию о целях и стратегии бунта. В это время полиция ворвалась в офис радио «Алиса» арестовала сотрудников и конфисковало оборудование. 14 марта она вновь захватила университет. Так же как и изгнание Ламы, убийство Лоруссо стало знаменательным общенациональным событием. Коммунисты заявляли, что Лоруссо был убит провокаторами-автономистами, не смотря на то, что многие видели убийцу одетого в полицейскую форму. На всех площадях крупных городов были установлены камеры слежения, начались судебные процессы над активистами движения. Более того, коммунисты призвали врачей не оказывать медицинскую помощь раненым студентам, а адвокатов защищать их в суде. 12 марта в Риме министр Коссига умудрился применить против студентов армию, чего не было с 1898 года. Были закрыты многие журналы и газеты левых в Риме, Милане, Болонье, а так же феминистский центр и кафе, которые были организованы в пустующих помещениях

23 марта коммунисты решили провести альтернативный марш. Собралось их около 100000 человек на Пиацца Сан Джаованни. Им противостояли 25000 автономистов, к которым присоединились служащие банков и рабочие. Кто-то вооружался, кто-то танцевал. В этом противостоянии автономисты в качестве оружия использовали юмор и иронию. Когда на Пиацца стал выступать Лама, автономисты подошли к

трибуне, встали на колени и стали слёзно кричать: «Лама, прости нас!» Они так же обращались и к его охране, которая целилась в них из пистолетов: «Освободите свои языки для любви, а не для лизания задниц ваших боссов!». Таким образом, им удалось превратить речь Ламы в посмешище. После этого, кстати, многие участники коммунистической демонстрации присоединились к автономистам.

6 апреля рабочие представители от 450 фабрик собрались чтобы обсудить вопрос: как им избавиться от влияния правительства и профсоюзов на их кровную зарплату. Профсоюзы у них ассоциировались с «бледнолицым монстром говорящим раздвоенным языком». Депутаты женщины предложили несколько тезисов направленных против патриархальной семьи и за культурную революцию.

А в Римском университете продолжался студенческий бунт. 21 апреля его вновь захватили студенты. Всё шло по накатанной схеме. Ректор вызвал полицию. Полиция применяла слезоточивый газ, а студенты – коктейль Молотова. Были созданы из автобусов баррикады. Во время перестрелки погиб один полицейский. Это вызвало ночную дискуссию на архитектурном факультете по поводу применения оружия студентами. Одни выступали с пацифистскими доводами, другие ратовали за активную самозащиту с применением всех доступных средств, по принципу кровь за кровь. Во время марша 31 мая в Риме была убита 19 летняя феминистка Джорджиана Мази и ранен один студент. В ответ боевики на следующий день убили полицейского. Автономисты выступили с резким осуждением взаимного насилия, за что на одной из демонстраций были избиты боевиками. Автономное движение

оказалось между двух огней. С одной стороны – репрессии и убийства организованные правительством, с другой – ответное насилие боевиков. На итальянской сцене разыгрывалась драма партизанской борьбы. Автономисты должны были решить ещё две проблемы: наркотизацию своего движения и распространение фашизма в Италии – правительство стало применять тактику нагнетания напряжённости.

Репрессии и сопротивление

Усилившиеся репрессии правительства привели к горячим дебатам в среде автономистов относительно тактики и стратегии борьбы.

С 22 по 24 сентября 1977 года в Болонье проходила массовая тусовка неформалов – антирепрессивный сбор. До 40000 активистов съехались сюда со всей страны. В парках устраивались лагеря. На стадионе проходили собрания, на которых дискутировался вопрос применения горячего оружия. Тысячи малых групп обсуждали вопросы подделки билетов и воровства денег из телефонных автоматов. Устраивались танцы, маскарады, работали театры. Акция носила децентрализованный неиерархический характер.

Автономия вмещала в себя группы боевиков, творческое крыло и рабочих. Надо сказать, что ни пацифисты, ни «ястребы» не одержали здесь победы. Все остались при своём мнении. С 1970 по 1982 годы в Италии прошло около 5000 вооружённых акций. Более 500 левацких групп взяли на себя ответственность за них. Но основную подрывную работу проводили две организации: Красные Бригады маоистов-интеллектуалов и Prima Linea – Передовая. С 1974 по 1981 годы

они лишили банки страны трёх миллионов долларов, а на похищении людей заработали – 4 миллиона долларов. Организация Красные Бригады была строго организована и очень хорошо законспирирована. Герои-одиночки вели вооружённую борьбу с системой. Верховодил здесь негласный лидер Ренато Курцио. Он возглавлял Центральный Комитет, который, в свою очередь, давал распоряжения колоннам, состоящим из 10 человек. Они собирались ежегодно для получения боевого задания.

Передовая была организацией децентрализованной. Они выступали за борьбу Тысяч. В их среде царил патриархат. Феминизм они на дух не переносили.

Ещё одна интересная организация – Вооружённое Пролетарское Ядро из Неаполя - походила чем-то на партию Чёрной Пантеры (США). Они так же выступали за активное использование «революционного потенциала люмпен-пролетариата».

Другие группы близкие к вооружённой автономии носили явный децентрализованный характер, были независимы и не имели Центральных Комитетов.

Пример кровавых разборок. 16 марта 1978 года Красные Бригады, убив телохранителя, похитили самого популярного в Италии политика Альдо Моро, президента христианских демократов. Террористы потребовали освободить из тюрем всех активистов. Требование их не было выполнено, и, спустя, два месяца похищенный был убит. Этой акцией, по мнению автономистов, террористы сузили деятельность активистов, превратив их в зрителей, а не участников событий.

Фашисты, в свою очередь, активизировали нападки на левых. Они устроили погром в независимом феминистическом радио «Донна». Стрельба в студии закончилась ранением 4-х женщин.

Репрессии со стороны государства усилились. Был принят закон, увеличивавший срок заключения за покушение на убийство до 12 лет. По этой статье 7 апреля 1979 года было осуждено 300 активистов. Профессор Антонио Негри, человек левых взглядов, был объявлен полицией секретным лидером Красных Бригад, хотя таковым он, конечно же, не являлся. Волну репрессий по отношению к левому движению Италии осудили французские интеллектуалы. От их имени философ Сартр составил письмо протеста правительству страны и потребовал освобождения заключённых активистов.

К 1980 году до 3000 человек получили длительные сроки заключения по статье «террор». Обвинения часто были натянутыми. Защита ограничена. Полиция применяла пытки. Суды с лёгкостью отправляли людей за решётку. Шла крупномасштабная охота на ведьм. Коммунисты не видели разницу между террористами и легальными автономистами. Всех их они гребли под одну гребёнку. И террористы, и автономисты, по мнению коммунистов, являлись неонацистами, так как ни те, ни другие не поддерживали нормы демократического диалога и парламентской демократии. Они не отделяли атаки Красных Бригад, нацеленные в самое «сердце государства» от попыток автономистов создать свою собственную независимую жизнь.

Таким образом, к началу 80-х годов всем стало ясно, что революционное движение в Италии раскололось на линию

террора, движение явно иерархическое и сектантское, работавшее в рамках традиционной старой политики, и линию автономистскую, движение использующее горизонтальные связи и самоуправление, стремящееся сделать весь народ участником изменения этого мира. Автономисты сделали очень много в реформировании системы образования и поднятии уровня жизни рабочих.

Не смотря на то, что итальянское движение рассеялось, его уроки и опыт пригодились новому поколению активистов на Севере Европы!

3. ИСТОКИ АВТОНОМНОЙ ПОЛИТИКИ В ГЕРМАНИИ

В 1981 году по всей Германии прокатились мощные антивоенные и антиядерные выступления. Тогда на улицы немецких городов вышли сотни тысяч человек недовольных политикой США. Откуда взялось столь массовое движение? Тогда уже многим стало ясно, что в Германии появилось новое поколение активистов, использующих нестандартные неофициальные формы борьбы. Их действия стали основной причиной падения влияния национального социал-демократического правительства в Бонне и городского права в Западном Берлине.

В конце 1970-х годов многие немцы разочаровались в политике проводимой двумя главными партиями: Союза – Христианских Демократов и Социал-Демократической партии. Мало кого тогда радовала их любовь к атомной энергетике и радушное отношение к натовским планам размещения ядерных ракет на территории ФРГ. Партия зелёных, выдвинувшая на обсуждение экологическую и антивоенную тему, сразу же после её основания смогла победить на многих местных и

региональных выборах. В то время зелёные работали рука об руку с левым крылом СДПГ, и этот союз накладывал определённый отпечаток на их политику.

Тогда всем европейцам уже было понятно, что Холодная война является не единственной причиной надвигающейся экологической катастрофы. Победить в борьбе за экологическую безопасность можно было только всем вместе. В Западной Европе начался процесс построения транс классового гражданского общества. Не государство или партия, а гражданское общество смогло организовать мощное антивоенное и антиядерное сопротивление. Главную роль в этом процессе играло воинствующее левое крыло экологического движения.

В то время основные группы «новых левых» концентрировались в рамках Немецкой Социалистической Студенческой Федерации (SDS). Эта организация было левым крылом в Социалистической партии Германии, которое стремилось к независимости от своих партийных боссов и партийного контроля. SDS включало в свои ряды диссидентов из Восточной Германии, леволиберальных студентов-активистов, а так же представителей зарождающейся контркультурной богемы. SDS боролась за мир во Вьетнаме, за свободу слова и за свободные университеты. Вместе с некоторыми профсоюзами и религиозными группами SDSовцы создали внепарламентскую оппозицию. В 1960-е годы они вели длительную борьбу с парламентской коалицией. Их марши протеста собирали иногда сотни тысяч человек. Но, в конце концов, SDS уступило своё место на арене радикального движения маоистским и марксистско-ленинским группам.

Первая фаза борьбы внепарламентской оппозиции закончилась. Около 15000 SDSовцев вошли в 1975 году в ряды компартии Германии. 100000 вернулись в Социалистическую партию. Сотни пошли на заводы и фабрики, чтобы организовывать там рабочее движение. Эти события происходили синхронно итальянским битвам. В 1969 году под влиянием SDS прошла волна забастовок. На автомобильных заводах в них принимали участие турецкие рабочие, на конвейере – женщины. В забастовки были вовлечены и рабочие предприятий химической промышленности. В 1973 году всё повторилось вновь, но уже с большим размахом. В забастовках приняло участие более 275 тысяч рабочих 335 фабрик. Успех превзошёл все ожидания. Так, уже в 1970 году рост зарплаты достиг наивысшей в истории ФРГ отметки – 10,6%. Немцы добились самых лучших условий труда и жизненного стандарта в Европе. Но эта победа дорого стоила многим активистам. Сотни человек потеряли работу.

SDS породило антиавторитарные и контркультурные движения в ФРГ. Движения эти носили противоречивый характер. «Новые левые» распространяли рок-н-ролл, создавали коммуны и, в то же самое время, порождали террористические группы.

Так же как и в Италии автономистские методы борьбы стали внедрять в свою практику немецкие феминистки. Они призывали к культурной революции и сексуальному освобождению, боролись против авторитаризма родителей и догматизма учителей.

В начале 1970 годов в Мюнхене, Гамбурге и Геттингене появились первые сквоты. Чуть позже во Франкфурте началась

затяжная сквотерская война с властями. Именно здесь и зародился первый центр спонтанизма. Позже неформальные sponti-группы появились ещё в шести городах Германии. Их сходство с Индейцами Метрополии было несомненным. Sponti так же переворачивали всё с ног на голову. Ирония у них так же заменяла рациональность. Для них жизнь всегда была карнавалом. Они в нём жили. Они им жили. И они его распространяли. Для спонти одинаково были противны и официалы и серьёзные товарищи по борьбе. Так, в 1978 году в Мюнстере почти единогласно спонти выбрали свинью на вакантную должность в администрации Университета. Так же большинством голосов в Сенат Академии города Ульме прошла собака.

С 1972 года по 1975 в Германии почти в 4 раза увеличилось количество феминистских и антиядерных групп. В 1982 году эти группы объединились в Федеральную Ассоциацию Гражданских Инициатив по защите Окружающей Среды. Число активистов достигло в особо острые моменты 500 тысяч человек. Эти группы пошли намного дальше шестидесятников. К тому времени SDS почти полностью интегрировалось в традиционное немецкое общество. Даже в самые лучшие свои дни они не собирали более 2 тысяч сторонников. «Новые левые» в ФРГ вообще никогда не пользовались широким влиянием среди политически активной молодёжи. В 1980 годы они превратились в обычных буржуа, у которых остались только сладкие воспоминания о бурной, беспечной молодости. Только малая часть «новых левых», представителей малых партизанских групп, продолжали свою борьбу с системой. Попавшие в застенки активисты находились, как правило, в

изолированных камерах с аппаратурой видео контроля. По отношению к ним нарушались все мыслимые права. Репрессиям подверглись и те, кто попытался встать на их защиту. В 1972 году Вилли Брандт подписал министерский указ об увольнении «радикалов» со всех общественных служб. Началась «Охота на ведьм». Спецслужбами ФРГ было проверено 3,5 миллиона человек. 2250 заявлений на работу было забраковано. Дошло до того, что студенты в библиотеках боялись брать левую литературу.

Репрессии властей привели к ответным действиям радикалов. В 1977 году, так же как и в Италии, начались нападения леваков на элиту ФРГ. Группа Бааден-Майнхов грабила банки, устраивала поджоги в магазинах, убивала и калечила местных чиновников. 5 сентября этого года RAF похитила Ханса-Мартина Шлейера, влиятельного промышленника Западной Европы. Рафовцы вменили ему в вину сотрудничество с СС. Шесть недель они прятали его от полиции, а затем убили, «чтобы не возродился фашизм из пепла». С этого события началась Горячая Осень 1977 года в ФРГ. Массовые выступления левых организаций прокатились по всей стране. Используя опыт антирепрессивной конференции в Болонье как модель, активисты сумели организовать двадцатитысячную манифестацию в Берлине в феврале 1978 года. Спонтисты шокировали обывателей своими выходками. Так, например, они приняли «гигантскую конвенцию TUNIX» – Ничего не делай. Они так же устраивали в общественных местах импровизированные представления театров абсурда. Не без их влияния многие немцы осознали, что в ФРГ существует репрессивная атмосфера.

Огромное влияние на новых активистов Германии в конце 1970 годов оказал опыт борьбы итальянских автономистов. Впрочем, автономное движение из Италии сначала проникло в Цюрих и Амстердам, а уже оттуда переключалось в Германию. В Берлине и Гамбурге оно нашло самое большое число сторонников. Летом 1981 года автономное движение достигло берегов Туманного Альбиона.

Швейцарский опыт автономного движения

В мае 1980 года в Цюрихе началась широкомасштабная борьба автономистов за автономный молодёжный центр. В отличие от опыта борьбы 1968 года швейцарские бунтовщики использовали новые творческие и образные формы борьбы. Например, движение за бесплатное посещение зрелищ иногда совмещалось с нудистскими маршами. Всё это было направлено против буржуазной культуры. Автономные молодёжные центры стали местом поиска новых форм совместной жизни и новой либертарной культуры. Они стали шагом к обществу, в котором гуманность, свобода мнения и реализация каждой личности стали реальностью.

Движение за создание автономных молодёжных центров объединяло почти все кружки пролетарской молодёжи. Активисты штурмовали входы на дорогие концерты. И, более того, они создали место для проведения независимых концертов «Rock as Revolt» - Рок как Бунт. Они использовали опыт английских активистов (Рок против нацизма) и немецких товарищей (Рок против правых). Фашизм не достиг пределов Швейцарии. Но проблемы тоталитаризма и шовинизма на бытовом уровне здесь были всегда. Борьба велась не просто с

правительством и властными структурами. Автономисты стремились изменить всё общество. «Преврати правительство в огуречный салат!» – взывали активисты. В 1980 году их призыв поддержали берлинские сквотеры. Впервые в автономном движении состоялась международная массовая консолидация.

Тем не менее, правительству Швейцарии удалось разрушить планы автономистов. Выбить место для проведения рок концертов им так и не удалось выбить. В Цюрихе начались судебные процессы над активистами. 1100 человек получили сроки по тем или иным криминальным статьям, связанным с защитой частной собственности и нарушением общественного порядка. За полтора года прошло около 60 стычек с полицией, в ходе которых было арестовано 2500 активистов.

Правительство страны не собиралось заниматься решением молодёжных проблем. Когда же молодые люди сами попытались их решить власти организовали репрессии. А проблемы были самые острые. С 1970 по 1980 годы в Швейцарии вдвое увеличилось количество суицидов среди молодёжи. Молодым людям негде было жить, так как плата за аренду жилья подскочила вверх. Жить на улице молодёжь не собиралась. Начался массовый захват пустующего жилья. Одновременно с этим процессом в фешенебельном парке озёр появился город лачуг «Чаотикон». После недельного существования полиция стёрла его с лица земли. Но вскоре он вновь возродился из пепла. Полиция его вновь разрушила, но город опять появился. И так продолжалось бесконечно. То же самое происходило и с автономным молодёжным центром.

Из Цюриха автономное движение проникло и в другие города Швейцарии: Базель, Берн, Лозанна.

В 1981 году полицейскими были убиты два автономиста. Спустя год в Цюрихе окончательно был разгромлен Автономистский молодёжный центр. Наркотики довершили поражение автономистского движения в этой стране.

Из Италии, через Цюрих, автономное движение достигло Гамбурга и Берлина. В это же время автономизм прочно закрепляется в практике нидерландских сквотеров. Появились условия для консолидации гражданского общества вокруг автономного движения. Оно объединяло теперь автономное женское движение, антиядерное и сквотерское движения, а так же другие альтернативистские группы. Большую роль в формировании автономного гражданского общества, как и в Италии играли феминистки.

Автономное движение женщин

Выступая против «резкого» стиля SDS, феминистки стали проводить «политику от первого лица», полностью перейдя, таким образом, на позиции автономистов. Представители же антиядерного движения, не смотря на то, что они называли себя автономистами, не разделяли, тем не менее, их принципов и были скорее просто независимыми.

Необходимо всё же разобраться, чего же добивались феминистки. Мари-Терез Кнёппер так определяла автономию: «Прежде всего автономия женского движения подразумевает под собой самоорганизацию, отделение от мужского большинства Левых и вообще от мужчин.. Более того, нужно учитывать отношение движения к правительству и его институтам, т.к. они осознаются [феминистками], как нечто патриархальное и системостабилизирующее. В связи с этим,

необходима полная оюособленность от государственных и институционных связей. Внутри движения автономия означает преимущественно децентрализацию, автономию каждой отдельной группы, а уже в самих группах это означает самоопределение рабочих структур... антииерархичность структур, в свою очередь, позволяет использовать индивидуумов в развитии автономии. ”³ Многоликость автономии может быть дополнена так же иллюстрацией преемственности автономии движения женщин и внепарламентской оппозиции. Обе эти формации подозревались в возможных последствиях вхождения в систему истеблишмента. Как известно, чтобы быть автономными, необходимо отказаться от мысли хоть какого- то сотрудничества с государством, даже от мысли вхождения в его институты с целью изменения их. С одной стороны, женское движение занимало агрессивную позицию по отношению к 218 параграфу, но одновременно оно создавало собственные институты, подобно внепарламентской оппозиции Левых, которые стали в 1968 году создавать альтернативные структуры, чтобы жить с собственных домах и иметь собственную прессу и места для собраний. Вот эти два основных стремления: быть в оппозиции к доминированию существующей системы и создавать внутри этой системы оазисы свободы – очерчивают ход мыслей автономистов.

В противоположность США, немецкое женское движение сделало упор скорее на автономию, чем на требование равенства. После того как американские феминистки сломили сопротивление правительства в вопросе прав аборта, они

³ Marie – Theres Knapper, *Feminismus, Autonomie, Subjektivat: Tendenzen und Widerspruche in der neuen Frauenbewegung* (Bochum: Verlag, 1984).

переключили свою недюженную энергию на неудачную компанию за внесение в конституцию поправки о равенстве прав женщин и мужчин. У феминисток в Германии дела шли не так гладко – аборты здесь оставались вне закона. Это стало причиной их яростного стремления к автономии. В Германии не существовало единой централизованной радикальной женской организации, а либеральные феминистки не имели большого влияния в движении. Здесь приоритет отдавался локальным проектам: создание сети магазинов, собственной прессы, обустройство женских центров и издание книг.

Полемика по поводу сути и методов феминистского движения развернулась в основном на страницах двух национальных феминистских журналов: “Отвага” и “Эмма”. Первый журнал возник в 1976 году и выходил тиражом в 5 тыс. экз. Из зап. Берлина он очень быстро распространился по всей Зап. Германии и к ноябрю 1978 года достиг 70 тысячного тиража.

В феврале 1977 года Элис Шварцер и группа радикальных феминисток, в которую входило много профессиональных журналисток, основали журнал “Эмма”. Первый выпуск был 300 тыс. экз. Постоянно выходило до 100 тыс. экз.

Оба журнала не приносили никакой прибыли организаторам и производились только женщинами. Два журнала с различными концепциями, иногда разными подходами по тому или иному вопросу, смогли активизировать мыслительную работу женщин и выявить основные противоречия внутри движения. Несмотря на то, что в спорах они часто переходили на личный уровень, издатели журналов приобщили тысячи активисток к дискуссии и политическому самообразованию.

Две ключевые темы циркулировали тогда в движении: тяжёлый домашний труд и материнство. Глубокие разногласия вскрылись среди феминисток по вопросу каторжной домашней работы и “домашнего ареста” женщин. В 1973 году Элис Шварцер опубликовала свою книгу “Женская работа – Женское освобождение”, а несколькими месяцами позже появился перевод классического текста Мариарозы Дэлла Коста и Селмы Джеймс. Как утверждали эти теоретики, домашний неоплачиваемый труд женщин – это часть экономики, поэтому необходимо высчитывать домашний основной продукт и компенсировать его в долларах. Они утверждали, что если начнут платить женщинам за их домашний неоплачиваемый труд, то разделение между миром оплачиваемой работы и миром неоплачиваемой канет в лету. Это бы по настоящему освободило бы тогда женщину из домашнего каземата и предоставило бы ей возможность играть новую роль в обществе.

Радикальные феминистки думали по-другому. Они утверждали, что создание системы вознаграждения женщин за их домашний труд станет только дальнейшей институционализацией их в изначально порочную систему. Произойдёт воспроизводство барьеров на их пути к различным формам общественной жизни. Их так и не будут пускать в политику, корпорации, университеты. Так как, геттоизация женщин является материальным продуктом патриархального разделения труда, то мало оплатить женщинам их домашний труд, необходимо напомнить так же мужчинам об их равной ответственности в воспитании детей и о равных обязанностях в

содержании дома. Необходимо было раз и навсегда покончить с императивами патриархальных структур общества.

Левые, в основном, пытались организовать женщин по производственным вопросам. Они мечтали “переманить их на сторону рабочего класса”, так как считали женщин устойчиво низкооплачиваемой “прослойкой рабочего класса”. Феминистки не шли на сотрудничество. Хепнелор Мэбри назвала двойной и тройной гнёт женщин “патриархальной прибавочной стоимостью”. Ни левые, ни профсоюзы, по мнению женщин, никогда не хотели их полного освобождения, ибо мужчины входящие в эти структуры никогда бы не пожелали разделить домашние обязанности со своими жёнами.

Пока разгорались дебаты по поводу платы за домашний труд, начался диспут о “новом материнстве” и равных правах. Радикальные феминистки понимали материнство как нечто социально детерминированное. Общество, по их мнению. Слишком много от женщины ожидает. Полнота женской жизни не обязательно должна быть связана с материнством. Более того, они рассматривали условия материнства (работу на износ, существование на пределе) как угнетение женщин!

“Отвага” категорически не соглашалась с радикалками. Желание иметь ребёнка естественно, оно приходит из самого чрева женщины. Существует психически/ физическая готовность женщины стать жертвой ради создания новой жизни. Они прославляли «женскую интуицию» и утверждали биологическую предопределённость материнства. «Отвага» выступала за «новую женственность» и отрицать эту женственность значило отрицать женскую сущность. Эти утверждения огорчили радикальных феминисток и в

особенности лесбиянок, которые увидели в этом одобрение гетеросексуальности.

С того момента, когда рождаемость в Германии стала ниже смертности, все политические партии, особенно CDU, стали обещать женщинам поддержать их желание стать матерями. Некоторые феминистки включились в работу материнских центров, которые были созданы на государственные деньги. Создавались они для того чтобы помочь молодым матерям освоить новые профессии, зарабатывать деньги на и определять своих детей в игровые комнаты. «Отвага» стала бороться за предоставление хотя бы одного полностью оплачиваемого декретного отпуска с гарантией того, что женщины смогут потом вернуться на прежнее рабочее место. Они выступали так же за предоставление матерям возможности приходить на работу со своими детьми, за повышение пособий неработающим матерям, а так же за увеличение публикаций о грудном вскармливании. Так как эти предложения частично совпадали с теми вопросами, которые пыталось решить правительство «Отвага» превратилась в объект безжалостной критики со стороны радикалов.

В противоположность позиции генетически взывающей женской природы («сущность» как её называли в США) радикальные феминистки высказали вероятность того, что мужские и женские особенности являются продуктом социально-исторических сил, которые формируют наши личности самым своеобразным образом. Не ранее 1975 года Элис Шварцер определила эту позицию в ставшей потом классической для немецкого феминизма статье «"Маленькое" отличие и её великие последствия». В ней она нарисовала

будущее, в котором «в котором пол не был бы больше неизбежностью. Женщины и мужчины не были бы больше насильно вовлечены в ролевое поведение, а маскулинная таинственность была бы так же не нужна, как и женская усложнённость. Сексуальное разделение труда и эксплуатация закончились бы. Только биологическое материнство было бы женским делом; социальное материнство было бы таким же мужским делом, как и женским. Люди общались бы между собой ничем не ограниченным способом...согласно их индивидуальным потребностям в любое данное время, независимо от возраста, расовой и половой принадлежности.(не было бы классовой системы в этом свободном обществе)». Согласно этой логики, всё что культурно установлено может быть переделано, в противоположность абсолютно неизменяемому характеру естественно данной внутренней природе. Даже такие, казалось бы, естественные способности как грудное кормление были так же раскритикованы феминистками. Правительственная поддержка женщин в их глазах была не более чем либеральная версия гитлеровского ограничения женщин тремя «К»: кухня (kitchen), дети (kinder) и церковь (не помню как по-немецки). Они понимали «новую женственность» как ту часть контрреволюции, которая вышла из глубин самого феминистского движения. Радикалки предлагали возможность существования третьего пути, пути в котором «в котором мы не были бы больше слабыми и нерешительными». Этот путь позволил бы им быть одновременно и слабыми и сильными и эмоциональными и рациональными и ранимыми и отважными.

В 1979 году в 4-м берлинском летнем университете для женщин темой обсуждения была «Автономия или установленный закон: страсть и сила женщин». Сначала долго спорили по поводу размещения натовских ракет в Европе. Далее дискуссия переместилась в область материнства и оплаты домашнего женского труда. Новый элемент в этот спор внесла Вера Слипик. Используя иронию, она высказалась за установление зарплаты лесбиянкам, так как, они так же занимаются домашней стряпнёй. Слипик позволила себе посмеяться над лесбиянками, и это было началом критики радикализма в движении. Консервативные традиции стали возвращаться. Феминистское движение почувствовало свою изоляцию от общего автономного движения. Её проекты осуществлялись правительством и бизнесом. Поворот к «новой женственности» и «материнству», по мнению радикальных феминисток, притупил острое ядовитое жало феминизма. Женщины почувствовали запахи былой кабалы. Многие феминистки увлеклись своей личной жизнью. Им понравилось быть любовницами и подругами. Они создавали свои семьи и с головой уходили в быт. Некоторые активистки стали отходить от автономистских принципов, склоняясь к централизованной организации и бюрократизму. Феминистический потенциал стал идти на убыль. Многие из них стали делать свою карьеру в партии Зелёных. Они навели там свой, женский порядок. Так, после того как в 1980 году партийная Баден-Вёрттенбергская государственная конвенция отклонила требование женщин о легализации аборта, женщины «прокатили» мужчин на местных и земельных внутрипартийных выборах. В 1985 году почти все посты в партии Зелёных занимали женщины. Они руководили

наступлением на тех, кто был против изменения пар.218. Внутри партии они добились введения прав тайного голосования и раздельного голосования по статьям, касающихся женского вопроса. Если же они были в меньшинстве, то вступал в действие механизм установления вето. Ими была установлена точная 50 процентная квота во всех выборных списках кандидатов в местный и национальные парламентские органы. Партия за свой счёт проводила все сугубо женские собрания и конференции по обсуждению проблем связанным с автономным женским движением и женским движением внутри партии. Первая конференция надавила на профсоюзы, дабы те позволили своим женщинам участвовать свободно в автономном женском движении. Это позволило им, наконец, покончить в 1983 году с параграфом 218, а так же низложить консервативное правительство и на государственных и на местных выборах.

Некоторые активистки стали так же вовлекаться в смешанные группы, это была уже новая фаза развития автономного женского движения.

Так феминизм превратился из маргинального малозаметного в основное движение в стране. Миллионы женщин обрели новое интернациональное сознание, которое изменило политическую культуру Западной Германии. Все политические партии стали считаться с требованиями женщин. А некоторые, например, такие как Зелёные, оказались у них под массивным каблуком. Внутри радикального течения женщины пошли на некоторые уступки мужчинам: теперь, помимо сквотов, предназначенных только для женщин, стали появляться и смешанные коммуны. Амазонки, наконец,

впустили мужчин в своё логово, и это принесло свои благодатные плоды!

Антиядерное движение

В противоположность Италии, в которой Аурелио Печчи (президент Римского Клуба, который спонсировал такие исследования, как «Ограничение Роста») считал, что «достаточно неприлично выступать [за развитие] ядерной технологии», порядок и стабильность в Германии после второй мировой войны всецело зависели от интенсивного развития ядерной энергетики. В 1976 году, когда Италия страдала от своей хронической политической дисгармонии, некая статья опубликованная в лондонском журнале «Обзор новых левых» утверждала, что Германия была «последней стабильной крепостью реакции в Европе». Несколько лет спустя в этой стране началось формирование широкого антиядерного движения. Вскоре её опыт стал настоящим учебным пособием для активистов всего мира.

«Экономическое чудо» в Германии после второй мировой войны было предопределено интенсивным развитием промышленности, в основном, машиностроительной и сталелетейной. Экономическое развитие сыграло главную роль в физическом восстановлении, а так же в психологической реабилитации нации.

Послевоенная Зап. Германия гордилась своим беспрецедентным экономическим ростом. Никто не мог предположить в 45 году, что страна разрушенная войной и оккупированная союзниками станет за столь короткий срок одной из лидирующих мировых держав. После строительства

берлинской стены субсидии в Зап. Берлин невероятно возросли, ибо этот город был витриной в борьбе против коммунизма. ФРГ получило колоссальную помощь в период Холодной войны. США к концу 60-х надорвались и неминуемая инфляция почти полностью нейтрализовала немецкие долги дяде Сэму. Политическая стабильность в Зап. Германии базировалась всецело на экономическом процветании. В 1973 году выпуск продукции на душу населения в Германии выше в 2 раза чем в Италии, а экспорт на душу населения втрое превосходил японский.

Из всех промышленных стран, Германия имела самый высокий процент фабричных рабочих. Но это не значило, что они были политически активны. По сравнению с Италией немецкие рабочие никогда не присоединялись к антиядерному движению массово, они в основном противостояли ему. Их требования никогда не шли дальше увеличения зарплаты и улучшения условий труда и отдыха. За длительное время преговорного процесса с госорганами соцобеспечения и труда, профсоюзные бюрократы переродились в обычных буржуа. После интеграции SPD в правительственную элиту, после того, как рабочие сели за один стол с директорским корпусом, рабочее движение выродилось окончательно.

В середине 70-х годов, несмотря на то, что «экономическое чудо» переросло в затяжной экономический кризис, большинство населения в стране себя совсем не плохо чувствовало. Хотя гармония между трудом и капиталом постоянно нарушалась, немецкий рабочий был спокоен и дисциплинирован. Кстати, он является таковым до сих пор. Этим то собственно и отличается немецкая автономия от

итальянской. Если в Италии рабочие участвовали в этом движении в массовом порядке, то в Германии это было редким явлением. В Германии, с точки зрения радикальных автономистов, существовала основополагающая проблема связанная с профсоюзами: либо рабочие сами решают для себя какую разновидность продукции они выпускают и в каком обществе живут, либо их представители сидят в правительственных креслах и не решают ничего.

В начале 80-х некоторые представители профсоюзных рабочих стали появляться в антиядерном движении. Несмотря на то, что национальный исполком Федерации профсоюзов Германии в 1981 году запретил своим членам участвовать в бонском марше мира, более 300 членов местного профсоюза поддержали марш, а молодёжь даже приняла в нем активное участие. Коалиция фермеров, студентов и молодёжи внутри антиядерного движения стала всё больше и больше пополняться рабочими и представителями среднего класса. Особенно это касалось жителей городов вблизи котрых находилсь АЭС.

Не смотря на то, что с 1956 года Германия тратила миллионы марок на ядерные исследования, только в 1975 году Министерство Внутренних Дел представило на рассмотрение в Бундестаг проект ядерной политики. По прошествии 6 месяцев этот проект впервые обсудили, и когда он, наконец, предстал пред очи народных избранников, в зале немецкого парламента не было и десятой части депутатов. Этот животрепещащий проект был “до фени” правящему классу страны, для немецкого народа эта проблема была важна как никогда.

С 1972 года начало расти недовольство строительством заводов по переработке ядерных отходов в Вииле (Wyhl –

граница Германии и Швейцарии). В феврале 1975 года началась беспрецедентная акция гражданского неповиновения. Сразу же после начала строительных работ, сотни протестующих людей оккупировали строительную площадку. Полиция их разогнала. Через несколько дней акция возобновилась с новой силой. Уже 28 тысяч человек вышли на демонстрацию. Началось строительство лагеря. Прямо на строительной площадке активисты сооружали хижины из уже поваленных деревьев. В лагере был организован «народный колледж» в котором проводились семинары посвящённые методам остановки строительства завода. Полиции на сей раз не удалось разогнать лагерь и следующие 11 месяцев активисты посвятили организации общенациональной (и международной) оппозиции ядерной энергетике. Wuhl стал планетарным символом сопротивления. Под его влиянием, например, в Новой Англии был организован Клэмшельский Альянс, группа которая в течении многих лет боролась против строительства Сибрукской АЭС в Новом Хэмпшире. В «народном колледже» было представлено более 50 разнообразных курсов, некоторые из которых читали учёные, выступавшие за использование атомной энергетике.

Активисты считали, что ядерная политика правительства носит антидемократический характер. Сразу после того, как Wuhl ская стройка была оккупирована протестующим населением, премьер-министр в Баден-Вёттенберга самодовольно произнёс: «Не может быть сомнений, что Wuhl будет построен». Это утверждение было моментально использовано СМИ, которые откопали где-то такую информацию, что министр экономики, например, являлся,

оказывается, действительным вице-председателем совета директоров компании по утилизации яд. отходов. Такие неприкрытые отношения между высокими чинами и ядерной промышленностью не было уникальным явлением. В Нижней Саксонии правительственные чиновники скрывали секретные переговоры с представителями ядерной индустрии о строительстве завода подобного Wuhlскому в Эзеншеме. В Брокдорфе, вблизи Гамбурга началось строительство завода по переработке ядерных отходов, несмотря на то, что согласно соцопросу, 75% населения были против. В 1974 году очередной целью движения стала строительная площадка очередной АЭС в Калкаре. 24 сентября 1977 года более 70 тысяч европейцев наводнили Калкар, чтобы продемонстрировать своё негодование. Около 20 тыс. человек не сумели добраться до места сбора, так как полиция блокировала все автомагистрали, останавливала и досматривала поезда. В этот день ими было проверено более 147 тысяч удостоверений личности. Тогда антиядерное движение использовало свой последний шанс в борьбе с ядерным нацизмом. Отчаяние охватило многих. Оно толкало людей на решительное сопротивление ядерной политике государства.

В северной Германии от мягкой манеры протеста Wuhlского варианта, активисты перешли к «гражданской войне». Вот как описывает события, происходившие в Брокдорфе, Марковитце и Горски один из активистов: «До того как началось строительство [сооружения] был создан “Форт Брокдорф”. Его окружили рвом, забором и колючей проволокой, дабы предотвратить повторение Wuhlского захвата протестующими строительной площадки. Через 4 дня до 45 тыс.

активистов вышли на митинг. Под жаркие речи ораторов 2 тыс. энтузиастов прорвали линию обороны полиции, установили мост через ров, выломали часть забора, и, под мощными струями водомётов, они заняли часть стройплощадки».

Когда тысячи людей протестуют столь решительно, они способны создать мощную базу народного сопротивления и определить будущее направление общественного сознания. Как раз это и произошло в ФРГ. Так, несколько запоздало, SPD активно включилось в антиядерную борьбу. Некоторые члены профсоюзов отказались подчиняться своим босам и создали свою антиядерную группу «Кружок Действия за Жизнь».

Первые победы движения начались в судах. Массовые акции прямого действия привели к пересмотру проекта создания АЭС в Wuhl в административном суде. Он затрещал по швам и в марте 1977 года был запрещён. Те же административные меры были предприняты по отношению к строительству АЭС в Гроонде, Калкаре, Мельбах-Карлихе и Брокдорфе. Всем было ясно, что не будь акций гражданского неповиновения, ядерные реакторы в этих городах были бы пущены в ход.

В стране произошёл раскол по вопросу необходимости ядерной энергетики. В Дортмунде 40 тыс. членов профсоюзов (многие из которых строили АЭС) осенью 1977 года, в самый разгар антиядерного движения, устроили марш нацеленный на предотвращение утверждения закона о введении временного моратория на строительство АЭС, предложенный социал-демократами. В то же время некий активист сопротивления Хартмут Грюндлер покончил жизнь самоубийством, дабы драматизировать положение и обратить

внимание социал-демократов на пагубность поддержки про-ядерного курса правительства. В конце концов, в ноябре SPD проголосовало за поддержку этой про-ядерной позиции, правда, с оговоркой, что проблема захоронения ядерных отходов будет решена до строительства новых АЭС. После этого события обустройство места свалок для ядерных отходов стало самой большой головной болью ядерной индустрии. Так, для этой цели был выбран город Горлебен, который находится в самой восточной части Западной Германии на границе с ГДР. Этот городок стал центром внимания всех антиядерных сил Европы. Предполагалось, что Горлебен станет мощным индустриальным комплексом в Западной Германии.

Мобилизация против горлебенского проекта была инициирована местными фермерами. 31 марта 1979 года они вывели сотни тракторов за которыми последовало более 100 тысяч протестующих людей. После того как в США на острове Фри Майл дважды произошла серьёзная авария АЭС, активисты антиядерного движения со всей Германии выступили единым фронтом. Началась сага о вендлендерах.

За один месяц с 3 мая по 6 июня 1980 года 5 тысяч активистов стояли лагерем на месте строительства огромной подземной свалки ядерных отходов, которые планировалось свозить сюда не только из всей Германии, но и из других стран, в которых существовали АЭС немецкой ТНК. Город активистов был построен из уже срубленных деревьев. Здесь была объявлена Свободная Республика Вендланд (имя было взято из традиционного герба региона). Местные фермеры снабжали активистов продуктами питания и стройматериалами, помогая создавать им «свободную» республику. Тут были свои

паспорта, нелегальная радиостанция, вещающая свои передачи по всей Германии. Печатались газеты, которые также распространялись по всей стране. Активисты из любой части Земли чувствовали себя здесь как дома. В республике никто не обращал внимание на твою расовую, сексуальную и политическую принадлежность. Все были гражданами Свободной Республики Вендланд!

Вендлендеры жили вместе не только ради сопротивления, но и для того, чтобы через политическую дискуссию создать автономное самоуправление. Едва ли не каждый активист с удовольствием участвовал в горячих дебатах, в которых в основном обсуждались методы будущего сопротивления полиции. Обсуждали и будущее направление движения. Вендланд был временем и местом открытости и дружелюбия. Жизнь в Свободной Республики резко отличалась от повседневной жизни в немецких городах и местечках, в которых процветали иерархичность, карьеризм и патриархальность современной прусской бюрократии, а также конкуренция корпоративной культуры.

После бесконечных дискуссий вендлендеры договорились использовать тактику пассивного ненасильственного сопротивления полиции, тактику которая прекрасно сработала в их краткосрочных целях.

3 июня 1980 года огромная группировка полицейских (до 8 тысяч) атаковала Вендланд, а также многочисленных журналистов и фотографов. Возмущению общественности не было предела. Такого насилия Германии не знала со времён Гитлера. Лагерь был уничтожен. Активисты разогнаны. Забор с колючей проволокой вновь окружил место стройки. Но

упорство протестующих не было сломлено. Оно только усилило их радикализм и увеличило их ряды.

В тот же день в 25 городах страны прошли хорошо организованные демонстрации поддержки Вендланда. В 6 городах были ненасильственно заняты офисы и церкви. Более 15 тысяч человек маршем прошли по Берлину. В конце марша ораторы, приехавшие из Вендланда, призвали захватывать парки и пустующие помещения для создания баз для продолжения борьбы. Несмотря на то, что их призыву последовали немногие, всё же были организованы новые сквоты. Горлебенская борьба породила радикальное ядро сопротивления. Оно имело пёстрый ассортимент: экологи, феминистки, студенты, симпатизирующая молодёжь и фермеры. Это было внепарламентское культурно-политическое движение, направленное не только против атомной энергетики, но и вообще против существующей системы. То, что характер движения изменился, стало ясно 28 февраля 1981 года в Брокдорфе. После акции гражданского неповиновения строительство АЭС было приостановлено, но в начале февраля 1981 года оно возобновилось вновь. Хотя власти запретили демонстрации, более 100 тысяч человек бросились на полицейские баррикады окружавшие стройплощадку. Для защиты стройки было мобилизовано до 10 тысяч солдат и полицейских. Тогда в Брокдорфе и его окрестностях силы закона и порядка имели дело уже не с пассивным ненасильственным сопротивлением, как в Горлебене. Здесь они сами стали объектами нападений. Хорошо укреплённые мосты надо рвом с ледяной водой моментально перешли в руки отчаянных активистов, которые, падая в ледяную воду, вновь и

вновь возвращались на место сражения. Автобусы то и дело вывозили активистов за пределы города. Но сил у протестующих всё же хватило для того, чтобы достичь последнего рубежа обороны стройплощадки. Они забрасывали его палками, камнями и коктейлем Молотова. Полиция отвечала слезоточивым газом. Так же она использовала тактику диверсий американцев в Индокитае. Во время полицейской контратаки в тыл активистов с неба на вертолетах спускались небольшие группы спецназа, которые избивали наступающих и вновь ретировались в небо. К концу дня стройка так и не была взята активистами. Но зато был достигнут новый уровень сопротивления атомной индустрии. Пассивные ненасильственные акции Горлебена сменились активной конфронтацией. Но это не значило, что философия ненасилия Ганди и М.Л. Кинга прекратили своё существование. Оно всё ещё занимало почётное место в тактике и стратегии активистов. Пацифизм и воинственность стали стержнем развернувшейся в те дни полемики среди представителей и антиядерного движения и движения за мир.

Новое движение за мир объединило многие уровни организаций и акций. Помимо прокоммунистической и процерковной коалиции, радикальные активисты в 1982 году организовали свою независимую коалицию. Несмотря на то, что эти коалиции часто объединялись в своей борьбе⁴, непростой альянс несхожих формаций активистов летом 1983 года стал трещать по швам, после того как сотни радикалов

⁴ например, в национальной кампании по сбору подписей против размещения ядерных ракет в Европе (собрали более 2 миллионов подписей),

забросали камнями лимузин с вице-президентом США Джорджем Бушем в Крефельде.

Для многих немцев легальность германского милитаризма, казалось, и была причиной такого всплеска радикализма в движении. Из-за этой критики внутри движения наиболее воинственные круги активистов стали быстро автономизироваться. Они образовали свой собственный источник сопротивления. Особую роль радикалы сыграли во время акции проводившейся против расширения международного франкфуртского аэропорта. Проходила она с конца октября по начало ноября 1981 года. Тысячи людей попытались перекрыть подъездную дорогу к стройплощадке. На этом месте они ещё в мае 1980 года воздвигли лагерь Хёттендорф. Когда полиция попыталась развеять этот лагерь, она получила мощный отпор. Этот лагерь стал хорошей базой готовящегося сопротивления, так как активисты сумели вовлечь в борьбу и местное население. Рано утром 2 ноября полиция учинила настоящий погром в лагере. Избивались женщины, дети, досталось даже простым бюргерам, прогуливавшимся в окрестных лесах. На следующий день Хёттендорф возродился вновь. В течении 2-х недель к движению присоединилось ещё несколько тысяч человек. Днём и ночью они дежурили у стройплощадке. Активисты разрушали ж.д. станции, устраивали забастовки в школах, захватывали офисы. 7 ноября 40 тысяч человек провели на стройплощадке демонстрацию. Неделей позже 150 тысяч человек собрались в Виизбадене. Люди просто не могли сидеть дома. Рискую подвергнуться насилию полицейских, они вновь и вновь восстанавливали Хёттендорф, который полностью разрушался 25 ноября и 26

января.. Каждое воскресенье в течении 6 лет (до того момента, когда экстремисты убили двух полицейских 2 ноября 1987 года) сотни, иногда тысячи, людей участвовали в «воскресных прогулках» по строящейся взлётно-посадочной полосе. Эта масштабная акция сыграла особую роль в движении за мир.

В других частях страны также появлялись смешанные радикальные группы. Так, в 1980 году сотни демонстрантов в шлемах атаковали ежегодную церемонию Бундесвера на стадионе в Бремене. Часть стадиона и большинство пустых автобусов, привезших новобранцев были сожжены коктейлем Молотова. Такие же акции прошли в Бонне и Гоновере.

Радикализация такого большого числа людей в разных частях страны породило воинствующее сквотерское движение. Были заняты сотни пустующих домов во многих городах Германии. Эти коллективы наполняли радикальное движение невероятной энергией бунта во всех её проявлениях. Таких сквотов, как в Западном Берлине не было нигде! Это был настоящий центр панк-сцены, феминизма и анти-авторитарного бунта, который вдруг приобрёл международный размах именно благодаря движению за мир.

Мюсли и Молли: от Новых Левых к панк левачеству.

Нигде местная политика и экономика не зависела так от мирового конгломерата власти, как это было в Западном Берлине в 80- годы. В это время город был разделён на сферы влияния США, Великобритании, Франции и СССР. Его буквально наводнили рабочие иммигранты со своими семьями.

Выходцы из Турции, Малой Азии и Южной Европы в период с 1950-1973 создали то экономическое чудо, о котором так любили говорить ястребы холодной войны. Как правило, иммигранты работали на грязном мало оплачиваемом производстве, заниматься которым местные жители брезговали. В 1981 году Западный Берлин был пятым городом мира по численности выходцев из Турции. Согласно официальной статистике, более 2-х миллионов иностранных рабочих и их семей проживали в ФРГ, стране с населением 61,4 млн. человек.

К 1975 экономическое чудо пошло на спад. Многие иностранные рабочие стали возвращаться домой. Безработица достигла своего пика, по сравнению с 1954 г. (1 млн. человек). В 1980 году она достигла 2 млн. человек. Экономика Западного Берлина оказалась на грани краха. Произошло это не столько из-за общего международного спада, сколько из-за серии финансовых скандалов. Вот как писал об этом журнал «Шпигель»: «Доход строительной промышленности Берлина достиг 120%, но жадные застройщики и их политические друзья стали героями трёх больших скандалов».

В одно и тоже время кризис жилья был спровоцирован необъявленной войной, которую вели крупные землевладельцы после утверждения законов о контроле над рентой и закона поддерживающего квартиросъёмщиков. Эти законы совпали с начавшимся в 1974 года экономическим спадом. В 1973 году строительство жилья достигло своего пика, но дома строились в основном для обеспеченных граждан. В этом году в городе было зарегистрировано 17 тысяч бомжей. Это было настоящее ЧП. На самом деле более 50 тыс. берлинцев жили под открытым небом. И это в то время когда существовало от 7 до

17 тыс. пустующих домов и квартир, плюс 40 тыс. квартир должны были быть освобождены для капремонта и переустройства. Многим немцам тогда было не понятно, почему нуждающиеся в жилье люди не могут занять пустые квартиры.

В районе Кройзберг стала формироваться база сквотерского движения. Этот район примыкал к знаменитой берлинской стене. Здесь в основном жили выходцы из Турции, и процветала контркультурная среда. Сотни пустующих домов были заняты сквотерами. Захват помещений начался в конце 70-х годов. В лучшие времена берлинские сквотеры контролировали до 165 домов. Они ремонтировали пустующие помещения, создавая в них приемлемые условия. Появилось даже новое слово: «instandbesetzen» - реконструированный сквот. Когда сквотеров обвиняли в неуважении к правам частной собственности, они отвечали: «лучше захватывать для реставрации, чем владеть разрушая». В марте 1980 года они сформировали Совет Сквотеров, который собирался еженедельно. В Кройзберге процветала «альтернативная сцена». Вскоре пятая часть сквотеров вошла в её ряды. Спектр сквотерского движения в Западном Берлине включал в себя 50 тысяч «нормальных» горожан, от 30 до 40 тысяч альтернативщиков и до 40 тыс. турок.

В 80-х годах тысячи молодых немцев прибыли в Берлин в поисках счастья. Молодёжь Западного Берлина была освобождена от воинской обязанности. Так что многие немцы просто прятались здесь от призывной комиссии. Привлекала так же достаточно либеральная атмосфера, существовавшая в городе и зарождающиеся здесь радикальные традиции. Следует

так же упомянуть и о находящихся здесь двух самых лучших и больших в Германии Вузах: Свободный Университет и Технологический Университет. Всё это и стало причиной появления радикальной сцены в рядах берлинской молодёжи, в большинстве своём вмещавших всех кто не хотел или не был способен интегрироваться в существующую систему. Администрация города подсчитала, что, по крайней мере, 150 тыс. молодых людей в Берлине были маргиналами. Эти люди не просто стояли в оппозиции партиям, правительству, ядерной энергетике и вооружённым силам, они вообще ни во что не ставили бюргерские ценности своих родителей. Согласно другим официальным исследованиям, в 1980 году 20 % берлинских сквотеров были маргиналами, людьми альтернативного образа жизни. К оставшимся 80% принадлежали студенты пэтэушники и низкооплачиваемые рабочие.

Сквотеры сделали своё дело. Из пустынного города-призрака, безлюдного пограничья «железного занавеса» Кройцберг, с их помощью, превратился в пульсирующий жизненной энергией мультикультурный анклав. Сквотерское движение началось там, где закончило свою деятельность АРО. Началось слияние культурной политики. В это время панк-рок стал музыкой движения. После того как рок-н-ролл превратился в шоу-бизнес, панк как раз и стал тем свежим стилем, который не был осквернён деньгами. Это было маргинальное явление. Группы, как правило, играли для своих друзей на частных вечеринках, не в переполненных амфитеатрах. Панк-музыка была тем средством, с помощью которого молодёжь могла выплеснуть свою агрессивную энергию, направленную против

конформизма и потребительства. Диверсионная тактика Новых Левых была вытеснена анархией и спонтанностью. «Никакой власти никому!» - вот популярный лозунг того времени. Он отвергал ту политику приспособленчества, которую так любили немецкие социал-демократы. Чёрные куртки и чёрные флаги на демонстрациях в меньшей степени носили идеологически-анархический характер. Это был своеобразный стиль моды и поведения, символ образа жизни. Чёрный цвет стал цветом политической пустоты. Нет партиям, правительствам и нациям! Антиядерные марши и отказ от диалога с политиками были гранями этой фазы движения. Власти были обеспокоены. Когда мэр Гамбурга Ульрих Клауз пригласил штатных членов газеты городского колледжа на приём в администрацию, 5 пришедших студентов сделали всё чтобы показать свои спины, на которых красовалась буква «А» в кружочке.

Нигилистический потенциал оппозиции формировался внутри движения. Из всех внутренних различий, самым существенным было отличие панков от хиппи или, как говорили в ФРГ, между Молли, теми, кто использует коктейль Молотова, и Мюсли (так называется каша на завтрак), теми, кто выступает за ненасильственные акции. Как правило, Мюсли носили длинные волосы. Это были экологически ориентированные активисты, которые придерживались непротивленческих взглядов. Они осуществляли широкомасштабные образовательные проекты, жили в коммунах и развивали гармоническую освобождённую чувствительность в отношении к жизни. Левые Мюсли считались «мягкими» по сравнению с культурным бунтом левых панков, политику которых сразу же окрестили “hardline”

– жёсткий курс. Мюсли тяготели к сельской местности, например, в Вендланде они развивали движение за органическое земледелие. Панки же были, в основном, городскими жителями. Они были грубее и неприветливее, одевались во всё чёрное и олицетворяли, скорее, мужское начало в движении. Мюсли же были теплее, многоцветнее и представляли больше женское начало. Эти две крайности тесно друг с другом переплетались, поэтому сквотеров не так просто классифицировать. В движение входят и рокеры вышедшие из рабочего класса и феминистки, и турецкие иммигранты, и студенты, и матери-одиночки. Они могут исповедовать христианство, а могут призывать к анархии. Это скорее пёстрое сообщество, чем определённый жёстко-организованный коллектив, подобный организациям Новых Левых. Постоянное пребывание на баррикадах стало стилем жизни для многих активистов. Нелегальность повседневной жизни сквотеров радикализировало их отношение к государству и укрепило их чувство собственной значимости.

В своей борьбе со сквотерами, власти часто криминализировали их действия и усмиряли их бунт жёсткими силовыми мерами. Это приводило к обратному эффекту: молодёжь ещё больше радикализировалась. Ряды сопротивления росли.

Начиная с декабря 1980 года, в Западном Берлине начался массированный штурм сквотов. Начались массовые аресты, уличные бои и расширение захватов пустующих помещений. Холодной ночью 12 декабря в Пятницу в ходе тяжёлых уличных боёв и обороны сквотов было арестовано более сотни

и ранено двести сквотеров. Движение приобрело общенациональный характер.

Христианские демократы Южной Германии долго клеймили своих социал-демократических коллег за их склонность к «компромиссам» по отношению к сквотерам. Придя к власти, они показали, как нужно действовать. В Нюрнберге в одном из сквотов для просмотра фильма о сквотерском движении собралось 140 человек. Пока они смотрели фильм, полиция окружила дом и устроила облаву. Несмотря на то, что большинство захваченных молодых людей были несовершеннолетними, и многие из них сквотерами не были, их продержали за решёткой более 72 часов и даже не сообщили их родителям о том, где находятся их дети. Действия властей и полиции вызвали массу протестов со стороны СМИ и общества. Но это, тем не менее, не остановило христианских демократов. Подобных массовых арестов не было со времён 2-й мировой войны. Фрейбургские сквотеры (Дом Чёрного Леса) призвали в 1981 году устроить в Пятницу 13 марта общенациональный день солидарности против действий полиции.

Демонстрации прошли почти во всех крупных городах Западной Германии. Акции протеста были даже в городках, в которых не было никакой политической активности. Самая большая демонстрация в истории Фрейбурга 21 тысяча человек, более тысячи в Бремене и Тюбенгеме, более двух тысяч активистов маршировали в Штутгарте. В Гамбурге пятитысячную демонстрацию атаковали полицейские с собаками. В тот же день во многих городах прошли уличные бои и погромы. В «Черную Пятницу», как называли этот день в

Берлине, в центральном районе города Кюрфюрстендам (излюбленное место шопинга бургеров) было превращено в мусорную свалку, как это было уже здесь не раз. Небольшой антиядерный марш перерос в погромы. Организованные группы мародеров разнесли в пух и перья, по меньшей мере, 39 зданий. Они даже символически подожгли Рейхстаг, чтобы напомнить всем о печально известных событиях 1933 года: тогда после поджога этого здания к власти пришли нацисты. “Die Tageszeitung” (TAZ), независимая ежедневная радикальная газета, заявила, что широкомасштабное насилие и массовое участие в сквотерском движении в пятницу 13-го намного превосходила любую активность конца 60-х. В самом деле, защита Кройзберга координировалась сквотерским советом. Его члены тщательно разрабатывали планы строительства баррикад, создания скрытой от полиции системы сообщений между очагами сопротивления. После уличных столкновений 12 декабря 1980 года, TAZ сравнивала эти баррикады с баррикадами 1848, 1919, 1929, 1967 годов. Но в Черную Пятницу берлинский офис газеты был захвачен полицией. Ее свежие номера были изъяты из всех киосков страны. На членов редакции завели уголовное дело. Политический сценарий репрессий больше напоминал больше нацистский террор 1933 года, чем временную победу демократического движения 1848 года. Декабрьские баррикады и уличные бои в Берлине вызвали настоящий политический скандал. Национальные СМИ заговорили о жилищном кризисе в стране. Скандалы потрясли администрации городов. Политики задались вопросом: что делать со сквотерами? Социал-демократическая администрация Берлина под впечатлением этих событий выдвинула на

рассмотрение проект, разрешающий сквотерам оставаться в захваченных ими домах при условии уплаты ими минимальной ренты. Такой компромисс не простили социал-демократам консерваторы, которые утверждали, что этот законопроект только спровоцирует новые захваты пустующих помещений. Внутри сквотерского движения этот компромисс не вызвал особого интереса, хотя раскол уже наметился. Началась полемика между непримиримыми и теми, кто хотел просто решить свои жилищные проблемы. Несмотря на то, что небольшое количество сквотерских коллективов пошло на компромисс, подавляющее большинство сквотов отказались платить ренту. Захват пустующих домов ширился. В этих условиях полиция изобрела новую тактику: она вламывалась в те сквоты, которые являлись своеобразными штаб-квартирами движения: организаторы демонстраций и ли издательства радикальных газет. Схваченным сквотерам предъявляли обвинения по статье 129 (членство в криминальных организациях), предусматривающей пожизненное заключение наравне со статьёй о терроризме. Правительство пыталось остановить сквотерское движение и нейтрализовать её способность к принятию решений. 7 апреля 1981 года все члены сквотерского совета (128) человек были арестованы. К августу 1981 года трёмстам активистам были предъявлены серьёзные обвинения.

Сквотеры детально разработали сеть коммуникаций (телефон, радио, из уст в уста) посредством которой моментально можно было мобилизовать сотни активистов на защиту сквотов от полиции. Впрочем, из-за огромного размера мегаполиса помощь часто приходила слишком поздно. Не имея

другой альтернативы сопротивление, автономисты просто устраивали массовые уличные беспорядки сразу же после разгрома полицией того или иного сквота. Взаимные атаки и контратаки достигли своего апогея в массовых выступлениях Черной Пятницы.

После Черной Пятницы немецкие власти решили дискредитировать движение. Началась яростная пропаганда против сквотеров. Их пытались изолировать и криминализировать. Господин Герцог, в последствии министр внутренних дел земли Баденвюртенберг (а, начиная с 1994 года, президент республики), заявлял, что RAF пополняла свои ряды представителями сквотерского движения. Министр внутренних дел Западной Германии Герхард Баум заявлял, что 70 из 1300 известных сквотеров являются членами боевых подпольных организаций. К сквотерам причисляли таких известных террористов 70-х годов как Кнут Фолкерс и Сюзанна Альбрехт. В течение апреля 1981 года некоторые группы активистов устраивали беспорядки в ответ на смерть одного из заключенного в тюрьме члена RAF, умершего от голодовки.

Несмотря на то, что “рупор” бунтовщиков - газета TAZ – замолчал, несмотря на массовые аресты и всякую дискредитацию движения со стороны властей, локальные очаги сопротивления сохранились. Движение продолжало шириться. После Черной Пятницы количество занятых сквотерами домов подскочило с 35 до 160 в Западном Берлине и с 86 до 370 во всей ФРГ. Общее число сквотеров колебалось от пяти до восьми тысяч. Помимо квартирных домов, захватывались также пустующие помещения фабрик, коммерческих офисов, пивоваренных заводов, предназначенных под снос. Такие

огромные помещения в самый раз подходили сквотерам для создания центров действия и альтернативной культуры. Сквот КуКуСК в Западном Берлине. В трёхэтажном комплексе жили 50 человек. Сквот вмещал в себя площадки для 10 театральных групп, репетиционные комнаты для 5-ти рок групп, студию, кафе и авто-магазин. Помимо того, что многочисленные группы автономистов имели возможность жить там же, где они осуществляли свои проекты, такое пространство давало так же возможность вовлечь новых людей в движение, во все его уровни. Вот что писал один наблюдатель: «Культурный творческий центр – Кукукцентрум, кафе «Спектрум», кафе «Боби Сендс» - был создан с помощью альтернативных ремесленных коллективов, печатников, паяльщиков, на деньги завсегдаев альтернативных кафе, а также с помощью группы «Крестный отец», групп поддержки учителей, членов профсоюзов, художников, докторов, адвокатов. Они и вырыли ров вокруг захваченного дома (в нём содержали аллигаторов, спящих до прихода полиции)».

Началась новая фаза движения: вместо того, чтобы требовать от правительства альтернативных молодёжных центров (как в Цюрихе), они взяли дело в свои руки, бросая вызов властям и защищая свои центры. Автономия стала реальностью, а не просто абстрактным желанием или фазой бунта против родительской опеки. 29 марта более тысячи активистов прибыли в Мюнстер на первый конгресс сквотеров. Собравшиеся активисты заклеили попытки властей криминализировать их движение и пообещали ширить захваты пустующих помещений. В октябре сквотерский совет в Берлине написал открытое письмо жителям города. Они заявили, что

репрессивные действия полиции стали причиной их выступлений. «Когда мы захватываем дома, то делаем это не только ради сохранения своего жизненного пространства. Мы хотим вновь жить и работать вместе. Мы хотим положить конец процессу изоляции и разрушения коллективной жизни. Кто в этом городе не подвергался пытке одиночества и пустоты повседневной жизни, которые растут вместе с ширившейся деструкцией старых связей посредством урбанистического переустройства и других видов развития города? На много эффективнее, чем войны этот процесс лишает людей их квартир».

Неспособность правящих социал-демократов остановить новые захваты жилья привела в Берлине к власти новых силовиков, христианских демократов, но их потуги обуздать сквотеров не имели успеха. Новый мэр выдвинул сквотерам ультиматум: очистить 8 недавно захваченных ими помещений. Активисты ответили пикетом у здания правительства и призывом к мировой радикальной общественности TU WAT (сделайте что-нибудь). Вероятность того, что 50 000 автономистов со всей Европы смогут съехаться в Западный Берлин, была невелика, но уже в течение часа около 5 000 активистов заняли улицы.

В 1981 году неспособность правительства справиться со сквотерами на улицах породила новую тактику. Власти стали легализовывать сквоты в больших городах, лишая движение боевого потенциала. Те, кто раньше душил сквотеров репрессиями, вдруг превратились для них в родных старших братьев, которые не просто обеспечили сквотеров низкой арендной платой за жильё, но и предоставили им средства на

ремонт помещений. Работала политика «кнута и пряника». Непримиимые сквотеры ушли в подполье. Это могло привести к отчуждению и деполитизации популярного движения. На улицах города шла борьба между силами правопорядка и боевиками-активистами и террористами, подавляющее большинство граждан просто взирало на всё это со стороны. Конечно, в небольших городках, в местах, где силы сквотеров были малы, ни о какой толерантности не могло быть и речи. Как только люди захватывали помещения, полиция их тут же разгоняла. В таких мега полисах как Берлин, Гамбург и Франкфурт, легализация была важным фактором деполитизации движения. Даже когда новое правительство Берлина применило массированное наступление на сквоты, те не смогли оказать должного сопротивления. После года легализации и интенсивных атак полицейских, количество сквотов в западном Берлине упало со 162 до 123, причем только 25 из них были активными, остальные либо «выпали из борьбы», либо сели за стол переговоров с властями.

Влияние сквотеров на существующую систему, несмотря на жестокие репрессии, было огромным. Хотя это часто и не замечают, но взаимоотношения между внепарламентским движением и политической системой почти не исследовано. Тем не менее, на примере Западного Берлина мы видим некоторое выравнивание политических сил в последующие годы.

Выборы в Берлине.

В начале 1981 года парламент Западного Берлина стали сотрясать политические и экономические скандалы. Связаны

они были с некой фирмой архитектора Дитриха Гарски. Он растратил 115 миллионов марок государственного займа двух военных академий в Саудовской Аравии, а затем построил два безобразных здания в Западном Берлине. На фоне этого скандала и затихающих уличных боев, в городе появилась радикальная организация Alternative Liste (AL), представлявшая сквотеров в правительственных учреждениях. Это был своеобразный конгломерат экологов, сквотеров, турок, радикальных пацифистов, женских групп, теоретиков и активистов от новых левых. AL также включало в свои ряды идеологов новых коммунистических групп 70-х годов, в основном маоистов. В неё входило более 25 инициативных групп местных зелёных. Западноберлинцы не имели право голосовать на выборах в ФРГ, так как город контролировался оккупационными войсками союзников. Местные зелёные переманили затем к себе большую часть AL, из которой образовалось местное отделение партии зелёных. Члены AL были высокоинтеллектуальными людьми. Они не использовали харизму, огромные суммы денег, не устраивали предвыборных шоу. Они пытались создать творческую радикально-политическую силу внутри правительства. И они в этом преуспели. Ночи напролет активисты обсуждали глобальные вопросы, такие как отношения Восток-Запад, статус раздела Берлина, глобализация экономики. Множество листовок, огромное количество дискуссионной литературы распространялось в этой среде во время подготовке AL к её первым выборам. Её платформа содержала жесткую позицию, нацеленную против НАТО. Они выступали за резкое уменьшения присутствия союзников в городе. В 1981 году,

когда никто серьёзно не предполагал такую возможность, AL связывало будущее объединение Германии с установлением свободной от ядерного оружия зоны в Центральной Европе. AL появилась на волне народных возмущений в Берлине. А в марте 1981 года во время сражения сквотеров с полицией за AL проголосовало, ни много, ни мало, 15% избирателей. Это не было случайным стечением обстоятельств. AL публично объявило о том, что один из их офисов был расположен в сквоте, то есть они заявили о том, что их кандидаты живут по ту сторону баррикад. Например, христианские демократы отозвали одного из своих кандидатов из парламента, когда узнали, что он живет в сквоте. От имени закона и во имя порядка они взывали к бескомпромиссной борьбе со сквотерским движением.

Из-за того, что AL выступала против атомной энергетики и ядерных вооружений, эта группа не стала объединяться с приверженцами ядерного будущего и антисквотерскими настроениями социал-демократами. Эта позиция позволила сохранить за собой голоса избирателей, которые собирались бойкотировать выборы. 10 мая 1981 года коалиционное правительство социал-демократов и свободных демократов кануло в лету. Социал-демократы получили наименьшее за историю их движения число голосов. Сменился общий баланс власти в парламенте. Свободные демократы сумели выйти за 5% барьер и остались у власти, но уже со своими партнерами христианскими демократами. Настоящим победителем выборов была AL. Она убила сразу двух зайцев: получила 9 мест в парламенте и увеличила свои ряды. Но коалиция свободных демократов и христианских демократов составила большинство

в парламенте, так что у неё была реальная возможность остановить рост сквотерского движения. Первым её шагом расторжение договоров об аренде с коллективами сквотеров. Последовал приказ полиции действовать. Дважды после выборов 26 мая и 25/26 июня атаки полицейских были встречены мощным сопротивлением, по интенсивности не уступающим событиям Черной Пятницы. Даже после того, как СМИ заговорили о начавшейся гражданской войне христианские демократы продолжали использовать силовые методы в решении сквотерского вопроса. Они заявили, что 10 сквотерских “боевых” центров в течение августа будут очищены. В ответ сквотеры повторили свой призыв TU WAT (сделай что-нибудь!), приглашая активистов со всего мира в Берлин для защиты сквотов. 13 сентября 1981 года начались партизанские нападения на американских военных и их базы в Западной Германии. Более 7 тысяч полицейских были вынуждены защищать секретариат State Haig от 50 000 демонстрантов в Западном Берлине. Сотни активистов были арестованы. 150 полицейских ранены. Когда уличные бои утихли полиция просто озверела. 22 сентября Клаус-Юрген Реттей, 18-летний сквотер, погиб под колёсами городского автобуса во время защиты 8-ми сквотов в районе Винтерфельдплатц. Следующей ночью в нескольких городах ФРГ, а также в Амстердаме нападениям автономистов подверглись учреждения ТНК и правительства. Только после этого христианские демократы охладили свой пыл. 26 сентября они заявили: «Больше никаких атак против сквотов». В Бундестаге начались дебаты по поводу жилищной проблемы. Кризис в Берлине был проблемой сугубо национальной.

Последствия выборов сказались на ситуации в других крупных городах ФРГ. 1982 году в Гамбурге выборные группировки объединились с радикальным движением. Результаты оказались даже лучше, чем в Западном Берлине. Свободные демократы не получили в правительстве ни одного места, а АЛ и зеленые социал-демократы набрали невиданное количество голосов. Голосование в Западном Берлине и Гамбурге стали предтечей победы партии зеленых на общенациональных выборах в марте 1983 года. Тогда она впервые появилась в Бундестаге. Получив более 2 миллионов голосов (5.6%) зеленые получили 27 мест в Бундестаге и составили часть оппозиции правительству канцлера Гельмута Коля. На следующий год на местных выборах зелёные побили личный рекорд. Потеряв своих избирателей, отдавших голоса зелёным, социал-демократы «позеленели». Когда зелёные выступали за преодоления раздела Европы на блоки, социал-демократы выступали за установление в Центральной Европе антиядерной зоны. Хотя успех зелёных часто связывают с антиядерными и антинаатовскими настроениями населения, а также с отвратительными экологическими условиями в Германии, большую роль в этом, конечно, сыграла внепарламентская оппозиция, основным звеном которой было сквотерское движение. Именно их спонтанно генерированные формы организации обеспечили важные инновационные пути воспроизводства общественной оппозиции.

Структура спонтанности.

Работа парламентских групп связана с логикой установленной существующей политической системы. Во главу угла любой партии всегда ставилось соблюдение закона. Но всем известно, что существующие правила работы в правительстве оставляют желать лучшего. Восставшие общественные движения, ставящие целью ограничение власти правительства, создают автономные формы принятия решений, качественно отличные от правительственных. Органическими источниками автономистов являлись свободные тактические организации (феминистические, сквотерские, экологические и альтернативистские). Здесь многие люди с различными точками зрения могли свободно высказаться принять участие в формулировании программ и принимать общие решения. Так, Берлинские генеральные ассамблеи, открытые для всех, были последней инстанцией в принятии решений. Ту же функцию несли собрания сквотеров в Горлебене. Здесь принимали решения по возможности, посредством консенсуса сотен активистов. Этот процесс требовал максимального участия каждого и постоянного воспитания политического сознания активистов.

Демократическая самодисциплина среди сквотеров позволила избежать перегибов централизации. Каждый сквот посылал своего представителя в Генеральную Ассамблею или на Сквотерский Совет. Делегаты обменивались информацией и вырабатывали стратегические решения. Сквотерские Советы представляли собой своеобразный форум, на котором обсуждались новости и слухи. Они также являлись связующим звеном с советами в других городах и странах. Особо явно самодисциплина проявлялась во взаимоотношениях сквотеров

со СМИ. Они не рекрутировали из своей среды медиа-звезд и индивидуальных лидеров. Чаще всего съемочная группа не могла найти среди сквотеров желающих дать ей интервью.

Антиядерное движение было также децентрализовано. Локально организованные комитеты действия одновременно зывали и к захвату Горлебена, и к участию в акциях в Брокдорфе. Хотя национальная координация существовала по всем этим акция, централизованной антиядерной организации не было. Очевидно, такая централизация была бы просто излишней, так как антиядерное движение и без неё не плохо наращивало свою мощь и популярность. Без всякого централизма оно сумело остановить строительство новых заводов по переработке ядерных отходов. Конечно, это движение было огромным, и в его среде появлялись силы, стремящиеся к централизации. В конце концов здесь сформировались две большие национальные коалиции: независимое движение и движение, попавшее под влияние коммунистов.

В середине 70-х годов впервые образовались автономные группы, ставшие своеобразным каналом передвижения активистов, не попавших под влияние марксистских партий. Образовалось творческое пространство, в котором дул свежий ветер боевого задора и спонтанности. Эти маленькие автономные группы помогли направить антиядерное и альтернативное движения прочь от окостенелого мышления левых. Если и появлялись такие марксистские группы где-нибудь в Горлебене, то дискуссии автономистов с коммунистами только обогащали их полемический опыт и ещё больше их радикализировали. И сквотерское, и антиядерное

движение в равной мере создавали пространство, в котором общественные инициативы реализовывались демократическим образом через дискуссии. Они делали возможным обсуждение проблем на самом широком уровне. Вот хороший пример. Спустя всего неделю, после появления свободной республики Вендланд, более тысячи социалистов, экологов, активистов, представлявших различные альтернативистские группы, а также «недогматических» левых собрались на конференцию в Касселе, чтобы обсудить тему «Экология и социализм». В одной из значимых речей член партии зелёных Рудольф Бааро (в прошлом ГДРовский диссидент) заявил, что рабочее движение не может и не имеет право отсиживаться в стороне от экологической борьбы. Это утверждение вызвало часовую перепалку с ортодоксальными марксистами.

Другой источник автономии находился в альтернативистском движении. Оно представляло собой набор самоуправляемых образований, созданных для удовлетворения повседневных потребностей движения. Книжные киоски, бары, свободные школы, экоцентры, продовольственные магазины, кооперативные общежития создавались активистами по всей Западной Германии. В Западном Берлине, в окрестностях Кройзберга, существовало довольно сильное альтернативистское движение. Газета TAZ производилась тиражом более 50 000 экземпляров. Согласно официальной статистике в феврале 1982 года здесь существовало до 1500 новых групп самопомощи. В них работал 15 000 волонтеров, осуществлявших проекты для 100 000 человек. Эти альтернативистские образования породили целую сеть групп самопомощи (NETWERK). Каждый участник вкладывал в

фонды этой сети небольшой ежемесячный взнос из своей зарплаты. Эти деньги шли на осуществление тех или иных проектов. В первый год своего существования (начиная с октября 1978 года) NETWERK включила в свои ряды более 3 600 человек и истратило около 300 000 DM. NETWERK постоянно разрасталась. Вскоре её представительства были в 36 городах ФРГ. Здесь решения принимали сами участники, а не командиры. Организующая спонтанность сквотерских советов и других органически образованных групп доказывает ненужность и даже деструктивность централизованно организованных моделей. Создаваемые формы прямых демократических способов принятия решений вовлекают всё общество и не сдерживают процесс его движения. Автономисты позволяют движению развиваться согласно своей собственной логике. Они постоянно разогревают и расширяют этот процесс, радикализируют его участников.

Несмотря на порожденную ленинизмом и фашизмом централизацию, мы продолжаем жить в децентрализованном мире. Реактивные самолеты и глобальные телепередачи новостей, факсы и электронная почта, магнитофоны и интернет, - все это интегрирует пространство-время, обеспечивает обмен опытом и создает возможность преодоления региональной изоляции. Свободные радиостанции и независимые книжные магазины связывают нас в глобальном масштабе.

Конечно, децентрализация имеет и свои негативные стороны. Например, во время обострения борьбы с полицией, шла упорная дискуссия с «боевиками» внутри движения. Воинствующие автономисты ставили себя морально выше своих миролюбивых товарищей, так как они шли жертвы ради

движения. Они дистанцировались от основной массы активистов и часто просто не воспринимали их критику всерьез. Идеально движение должно было бы быть основано на принципах самокритики, в реальности же каждое крыло в движении просто замыкалось и изолировалось от своих оппонентов. Часто ораторы и авторы статей пытались исправить положение. В декабре 1980 года, например, Вольфганг Поорт опубликовал в журнале «Шпигель» свой обзор книги «Кому следует это всё изменить?» Это было описание и анализ немецкого альтернативистского движения Джозефа Хабера. Поорт обвиняет автора и альтернативистов в их склонности к нацистским замашкам. По его словам, происходит то, что Адорно называл «авторитарным синдромом». Вместо того, чтобы исследовать сектантский характер нападок Поорта на альтернативистов, многие воинственные автономисты в Берлине приветствовали его резкие выпады в адрес альтернативистского движения. Они всячески выражали свое презрение к «бюргерским» альтернативистским образованиям. Radikal, местная берлинская подпольная газета, редакторы которой оказались потом на скамье подсудимых, перепечатала этот обзор без всяких комментариев. Дружеское несогласие иногда перерастало в антагонизмы. Это стало причиной того, что Сквотерский Совет не смог больше собираться, так как участились драки среди делегатов. Прагматизм и децентрализм, конечно, являются хорошими качествами, когда противостояшь тоталитарному режиму. Они свидетельствуют о внутренней силе движения. Тем не менее, фрагментация и атомизация теории и практики может рассматриваться как отражение центробежных сил

корпоративного капитализма и немецкой культуры. С этой точки зрения антиинтеллектуальность и агрессивность некоторых активистов является спонтанным переносом худших проявлений современной культуры Германии. Это не внутренние пороки либертального движения. В современном контексте тенденции к самоистреблению, которые Герберт Маркузе называл «психическим Термидором», являются чрезвычайной проблемой социальных движений.

Другой вопрос, остро стоящий перед движением самоопределение. Некоторые альтернативистские образования получали поддержку от государства. Ставился вопрос вообще о принадлежности таких групп к автономному движению. Тем не менее, не было серьезной и широкой критики этого явления. Получалось так, что альтернативистские образования и вся западноберлинская автономная сцена (включая сквотеров) были не чем иным, как «политическим Диснейлендом», в котором молодые люди могли всласть побунтовать, порезвиться, а затем «взяться за ум» и занять какие-нибудь посты в офисах правительства или ТНК. Многие радикалы горько сетовали на альтернативистское движение, называя их «средним классом внутри движения». Трудно было сказать, что альтернативистские образования выполняют кооперативные функции или служат лабораторией движения. С одной стороны, существуют положительные моменты в альтернативистском движении: оно обеспечивает активистов неотчужденной формой работы. Это творческие, неиерархические образования, основанные на чувстве дружбы и взаимопомощи. С другой стороны, они могут служить механизмом интеграции в существующую систему. Коммерческое начинает доминировать

у них над некоммерческим, идейным. Креативность и справедливость превращаются в кабальный труд за очень низкую плату.

Критика со стороны активистов позволяло направить работу в нужное направление. Кризис часто удавалось преодолеть. Несмотря на эти недостатки, невиданными темпами трансформировалась оппозиция существующей системе. Из односторонней борьбы оно превратилось в согласованное и жизнеспособное движение. Кроме того, будучи движущей силой мощных общественных движений, автономия успешно реализовала синтез теории и практики. Спустя десятилетие после новых левых, вновь появившиеся молодежные движения всё также сомневались в разумности фундаментальных предпосылок индустриальной цивилизации. Надежда на построение нового общества, основанного не на накоплении богатств и реализации иерархической политики, а на преобразовании и улучшении качества жизни для всех продолжало будоражить умы прогрессивного человечества.

Автономные движения Европы.

Практически во всех массовых акциях гражданского неповиновения, будь то битва на строительных площадках в Брукдорфе или перманентная борьба за прекращение строительства взлётно-посадочной полосы во Франкфурте, везде автономисты были на гребне волны. Они были сторонниками жёсткого курса сопротивления независимого гражданского общества. К середине 80-х они консолидировались, и их действия носили уже не однонаправленный и не местный характер. Они создали очаги

сопротивления в Берлине, Гамбурге, Амстердаме и Копенгагене. После событий 1983 года активисты переключились на другие виды деятельности. К 1984 году все сквоты в Германии были легализованы, антиядерные и антивоенные выступления временно затихли. Но в эти годы затишья автономисты продолжали возрождать сопротивление.

Наиболее значимая победа была в Вакерсдорфе (Бавария). Власти собирались построить здесь завод по переработке оборудования, использовавшегося в создании ядерных боеголовок. Дважды в 1985-86 годах автономисты провоцировали захват строительной площадки. Регулярные демонстрации собирали до 80 000 человек. 12 декабря 870 человек было арестовано во время первого погрома лагеря активистов, Хютендорфа. А 7 января ещё 700 человек угодили за решётку за то, что находились недалеко от лагеря. Столкнувшись с искренностью и бескорыстием автономистов, баварские фермеры и бюргеры вступили в ряды протестующих. В течение многих месяцев каждый уик-энд тысячи людей проводили на строительной площадке. А когда начиналась заваруха с полицией, автономисты получали мощную поддержку местных жителей. Один не симпатизирующий движению очевидец писал: «Ошеломленные немцы наблюдали на экранах своих телевизоров беспрецедентные сцены того, как старые леди прятали автономистов от полиции, и как фермеры угрожали копам лопатами и вилами.

Власти запретили любые общественные тусовки (даже исполнения произведений Гайдена в июне 1987 года) и митинги. Тем не менее, движение продолжалось до самого закрытия Вакерсдорфа (хотя правительство заявило, что

приостановка строительства связано с техническими трудностями). Вакерсдорф хороший пример того, как автономисты смогли синтезировать новую воинственность. Это не были акции герильи или акции гражданского неповиновения. Их сознание спонтанно породило альтернативу партиям. Новое сознание обеспечило и новые средства влияния на политическое развитие страны. Помимо Вакерсдорфа автономисты сыграли важную роль в победоносной компании против национальной переписи, которая бы предоставила возможность бюрократам вмешиваться в частную жизнь граждан ФРГ.

В то самое время, когда Европейский Общий Рынок стал объединять планирование и производство европейских стран, автономное движение начало сопротивляться этой глобализации экономики, которая не учитывала местные условия и навязывала новые кабальные экономические законы. Не смотря на то, что консерваторы обвиняли автономистов в изоляционизме, автономисты продолжали бороться за права угнетённых. Они действовали, опираясь на моральные императивы международной солидарности. В июне 1987 года, за день до приезда президента Рейгана в Берлин, более 50 тысяч человек вышли на улицы столицы, выражая своё недовольство политикой США в Европе. 10 тысяч полицейских пытались сломить их сопротивление. На следующий день власти города запретили три ранее разрешённых демонстрации. Они так же, на всякий случай, опечатали сквот, штаб-квартиру местных автономистов, в окрестностях Кройзберга, объяснив свои действия некими техническими трудностями связанными с остановкой метрополитена. Обещанные автобусы, которые

должны были заменить метро, так и не подошли. Все кто пытался выйти из этого района своим ходом, задерживались на 9 пропускных пунктах, взявших Кройзберг в кольцо. Несмотря на эти происки властей, демонстрация в центре города всё же спонтанно началась. Полиция сработала оперативно. Более 500 активистов попали в “чайник” – одна из форм окружения полицией. В этом “чайнике” их продержали почти 5 часов. Многие из этих мер были незаконны. Но убийство двух полицейских в Стартбаан Весте 2 ноября 1987 года затмили все эти берлинские проблемы.

В сентябре 1988 года автономное движение вступило в новую фазу борьбы с существующим строем. Началась борьба с глобализацией экономики. Удар был направлен на съезды боссов Мирового Банка и МВФ. Пока зелёные обсуждали возможные альтернативы существующей мировой финансовой системе, автономны заявили о полном отказе сотрудничать с реформистами. Действуя против экономических империалистических структур, автономны по всему миру собирали под свои знамёна новые массы экстремистски настроенных активистов: Германия, Австрия, Англия, Италия, Голландия, Дания, США. Когда 80 тысяч активистов съехались в Берлин чтобы выразить свой протест политике МВФ, собрание банкиров пришлось закончить на день раньше запланированного срока. В течении первых 4-х дней 12 тысяч полицейских и 4 тысячи телохранителей сдерживали натиск демонстрантов. Общественные симпатии были явно на стороне автономистов. Сами автономисты во время проведения акции проявили массовую самодисциплину. Они запретили продавать спиртные напитки в своих барах, очистили Кройзберг от

продавцов наркотиками и от наркоманов (прошла компания “Кулак против Игл”).

По мере того как развивались международные связи автономного движения, расширялась сфера их деятельности. Активисты устраивали международные конференции и скоординированные совместные компании. У них существовала свободно связанная сеть инфоцентров и либертарных центров, которые были глазами и ушами движения. Автономисты развивали и поддерживали панк-сцены уже тогда, когда никто ещё и не смел об этом мечтать.

Формы борьбы автономных движений в Европе были разные. Они имели и позитивные, и отрицательные черты. Например, движения в Голландии и Дании по разным причинам избежали эскалации насилия. Впрочем, вскоре движения стали принимать немецкую тактику. «Жесткий курс» привел к частичной изоляции движения.

В Гамбурге, Амстердаме и Копенгагене главной задачей автономных местных групп стало стремление создать свободные зоны для повседневной альтернативной жизни. Началась продолжительная драматическая борьба за сохранение этих освобожденных территорий. Это - две стороны автономной активности: компания против рациональности системы и создание своей «революционной двойной силы». Европейские радикалы быстрыми темпами стали переходить к насильственной тактике сопротивления. Полиция ответила тем же. Причём, действия силовых структур носили международный характер. В течение одного месяца полиция низвергла автономную твердыню в Швейцарии – лагерь Заффарая в Берне, арестовывали сквотеров в немецких городах

(Готтенгейм, Фрайбург, Дюссельдорф, Киль) и неудачно штурмовали сквоты на Хафенштрассе в Гамбурге. Тактика «чайник», применявшаяся полицией в Берлине, использовалась также в Гамбурге и Майнце.

В 80-х годах «экономическое чудо» послевоенной Европы превратилось в экономический кризис, который продолжился вплоть до 90-х годов. С 1980 по 1981 год безработица в странах общего рынка подскочила до 30%. После прихода к власти М.Тетчер (май 1979 г.), безработица в Великобритании удвоилась, достигнув 12%. Это был самый высокий уровень безработицы за последние 50 лет. Особенно болезненно сказалась на состоянии молодежи. В течение следующего десятилетия ситуация ухудшалась. В послевоенной Германии бум деторождения привел к тому, что основная масса безработных и бездомных молодых людей пришлась на конец 80-х годов. Молодёжь, выброшенная за рамки системы, должна была выбирать: либо безвольно взирать на свое бедственное положение, либо бороться.

Амстердам.

С конца 60-х по 90-е годы контркультурные движения Амстердама и Копенгагена объединились в синхронный континуум тем и тактик. Активисты этих городов разделяли политическую культуру непосредственного активизма, так что их акции часто имели общенациональный эффект.

В 80-х годах в «пост»модернизированный Амстердам стали стекаться капиталы. Миллионы гульденов вкачивались в программы реконструкции города. В Голландии начался процесс, направленный против американизации европейской

культуры. Это движение повлияло и на настроение леворадикальной молодежи. Голландия была переполнена provos, kabouterami, kraakerami, которые примкнули к автономному международному движению. В 1986 году во время 3-х часовой схватки с полицией, охранявшей завод по переработке ядерных отходов в Борсселе, первая голландская группа осознала себя автономной.

В начале 80-х годов kraakeгы (произносятся «крекеры») Амстердама своими действиями удивили всю Европу. Более 10 000 домов и квартир в Амстердаме с 1968 по 1981 годы стали сквотами. Ещё 15 000 пустующих помещений осваивались сквотерами по всей Голландии. Многие из этих сквотов организовались в сеть сопротивления полиции и правительству. В крекерских «народных столовых», в барах и кафе питание и выпивка предлагались по доступным ценам. В захваченных офисных помещениях территориальные комитеты устраивали инфоцентры со всеми средствами защиты от «наездов» полиции и домовладельцев. Крекерский совет координировал основные направления деятельности движения, а крекерская радиостанция сообщала новости и душещипательные истории. Единственное знаменательное событие в жизни крекеров случилось 30 апреля 1980 г., во время коронации королевы Биатрис. Лозунгом демонстрантов стали слова: «Нет места для жизни, нет и коронации!». Это походило на призыв к действию, чем на угрозу организаторам церемонии. Крекеры искренне надеялись на проведение мирной тусовки, хотя, как и раньше, они планировали запечатлеть этот день захватом ещё нескольких пустующих домов. Коронация им не нравилась своей дороговизной. 56 миллионов гульденов (25

миллионов долларов) можно было бы потратить на решение жилищного вопроса. Когда полиция атаковала одну из групп, начался бунт невиданной силы, которые копы уже не могли контролировать. В течение недели полицейских избивали настолько сильно, что комиссар полиции разводил руками: некому было патрулировать улицы.

В Амстердаме из 800 000 жителей более 50 000 нуждались в жилье. Большинство голландцев считали действия крекеров справедливыми. Популярность движения заставила местные власти лояльно относиться к пацифистски настроенной части крекеров. Основные удары полиции наносились, в основном, по штаб-квартирам движения (3 марта - в Ондельшраат, 30 апреля 1980г. – Гроот Кайзер).

Дошло до того, что в начале 80-х годов крекеры контролировали улицы, но их победы дорого стоили их репутации. В городе формировались гражданские комитеты помощи полиции. Домовладельцы нанимали банды футбольных болельщиков для нападения на сквоты. Они одевались в защитные костюмы американских футболистов (шлемы, железные щитки, бутсы с железными носками). Крекеры защищались.

Голландский парламент урезал социальные платежи студентам и молодежи. Эти деньги перетекли в полицейские участки. Новые законы предоставили копам больше власти, а домовладельцам больше прав. Раньше частным собственникам нужны были настоящие имена сквотеров для того, чтобы вызвать их по повестке в суд. Но так как ни один крекер не использовал своё полное имя, ни один судебный процесс не мог состояться. Теперь же новые законы создали все условия, чтобы

решить эту проблему и ускорить судебный процесс. Теперь домовладельцу не обязательно было объяснять, почему он разрывает контракт аренды. Но если сравнить эти законы с законами США и других европейских стран, голландский закон всё же остаётся самым либеральным по отношению к сквотерам. Достаточно было затащить в пустующее помещение стол, кресло и кровать, чтобы потом вполне легально здесь жить.

Несмотря на то, что крекерское движение продолжало шириться (в Амстердаме регистрировался один новый сквот в неделю), общественное мнение отвернулось от этого движения. В связи с этим, полиция нанесла серию массированных ударов по сквотам. Первая потеря - сквот Лакки Льюк (1982г.). Борьба шла сразу на два фронта. С одной стороны, держали осаду против атак полицейских, с другой, против нападения неонацистских групп. Сквотеры успешно отражали успехи фашистов, но с полицией им совладать не всегда удавалось. Когда в ходе столкновений противоборствующие стороны в пух и перья разнесли трамвай, внутри движения начался раскол по вопросу адекватности мер самозащиты.

По правде сказать, некоторые крекеры не питали особого интереса к радикальной трансформации общества. Их больше интересовало удовлетворение собственных потребностей в жилье. Так что они не горели особым желанием идти на конфронтацию с полицией, особенно если существовала возможность договориться с властями и найти приемлемое решение жилищной проблемы. С их точки зрения, одновременное существование тысяч пустующих помещений и десятков тысяч нуждающихся в жилье людей, являлось скорее

технической проблемой, которую можно было решить постепенно в рамках существующей системы. Крекеры-радикалы, наоборот, видят в жилищном кризисе ещё одно доказательство иррациональности системы, которая выражается в производстве ядерных отходов, во все возрастающем голоде в странах третьего мира, в превращении городов в железобетонные джунгли. С их точки зрения, использовать ломы в захватах пустующих домов и баррикады для их защиты также правомерно, как и применение камней и рогаток для палестинцев и автоматов Калашникова для никарагуанских партизан. Роскошь и изобилие голландского общества развивалась на фоне и за счёт нищеты третьего мира. Радикальные крекеры понимали атомизацию и стандартизацию их жизни как часть той цены, которую нужно платить мировой системе. Поэтому они собирались содействовать её глобальной трансформации.

К 1983 году раскол в рядах крекеров вышел за рамки внутренней проблемы. Этим воспользовалось голландское правительство, которое решительно взялось за искоренение радикализма в стране. В битве за сквот Грут Вотеринг, полиция использовала бронированную технику и подъёмные краны. Краны поднимали металлические контейнеры с 6-ю полицейскими на крышу здания, через которую копы проникали в сквот. Сначала крекеры отбивали эти атаки. Но фантазии и воображению полицейских можно было позавидовать. Однажды, защитники правопорядка появились на крыше в виде Санта Клаусов. Это представление так удивило защитников сквота, что «Санта Клаусам» не составило особого труда выдворить их из здания. Следующей жертвой стал сквот

Weyers, мощная крепость с картинными галереями, закусочными и концертными залами. Не смотря на то, что сквот охраняла мощная группировка крекеров (500 внутри здания и до 1000 на улицах), полиция предприняла беспрецедентный штурм, используя слезоточивый газ, бронетехнику и подъёмные краны. Это и обеспечило им победу. Сегодня, находящаяся здесь гостиница “Холлидей” является горьким напоминанием того, что в феврале 1984 года крекеры так и не сумели преодолеть раскол в своём движении.

Несмотря на поражение, крекеры продолжали борьбу. Когда Папа Римский посетил Амстердам в мае 1985 года, для его охраны потребовалось огромное количество полицейских и телохранителей, так как по городу поползли слухи, что тот кто “доберётся” до папы получит крупную сумму денег. Начались беспорядки. Власти моментально отреагировали. В ходе превентивных мер полиция выселила на улицу женщину с ребёнком из сквота в рабочем крекерском предместье. Во время последующих столкновений местных жителей с полицией один из активистов получил огнестрельное ранение в руку. Сквот удалось вернуть, но во время второго штурма 32 крекера были жестоко избиты и брошены в камеры, в которых они находились без еды, питья и даже без нар. Им не оказали медицинскую помощь, в результате чего на следующий день Ханс Кох, один из избитых крекеров, был найден в камере мёртвым. В течение последующих трёх ночей группа озлобленных крекеров нападали на полицейские участки, громили патрульные машины и административные учреждения. Власти города никак не отреагировали на смерть Коха. Даже спустя год они утверждали, что его смерть не была связана с

полученными травмами. В декабре 1986 года, года отчет был, наконец, обнародован, всем сообщили, что кречер умер от передозировки наркотиков. Началась кофронтация. В окна полицейских участков полетели коктейли Молотова и бомбы. Отряды полиции приступили к очистке Амстердама от кречеров.

В феврале 1987 года вступил в силу новый жилищный закон. Баланс сил нарушился. Автономисты с йиппи ушли в подполье. Появились новые формы сопротивления. Будучи отрезанными от молодого поколения Голландии, кречеры стали пополнять свои рядеющие ряды активистами из Англии, Германии и даже Австралии. Интернационализация движения сыграла на руку властям. Местные власти стали представлять кречеров как иностранцев и направлять на них банды фашиствующих футбольных болельщиков, которые бесчинствовали при пособничестве полиции. На одну из таких драк банда Ремз приехала в костюмах американских футболистов. Драка была жестокой. Около двух недель кречеры провели в больнице с многочисленными переломами ног и рук. Чтобы противодействовать усилившемуся натиску фашистов, автономисты стали устраивать небольшие антифашистские акции. Эту борьбу, в основном, вела группа антирасистского действия – Ra Ra. Появилась она в кречерском движении, и также как и сквотеры, эта группа была интернациональной. В конце 80-х годов Ra Ra входила в боевое антиимпериалистическое движение Европы. В 1985 году она начала свою успешную компанию. Первый удар она нанесла системе супермаркетов MAKRO (одна из крупных ТНК Голландии). Она инвестировала экономику ЮАР. Серия

взрывов бомб нанесла этой корпорации ущерб 100 миллионов гульденов. Только после этого MAKRO прекратило спонсировать расистский режим. Окрылённая успехом, Ra Ra переключилась на SHELL. Эта ТНК приносила основную часть доходов голландской короне. Однажды ночью в Амстердаме запылали 37 бензозаправочных станций этой компании. Несмотря на более сотни таких поджогов, руководство Shell продолжало спонсировать апартеид. Более того, они развернули настоящую идеологическую войну против местных «террористов». Основным владельцем акций этой корпорации являлась королевская семья, поэтому полиция из кожи вон лезла, дабы защитить их доходы. 11 апреля 1988 года голландская полиция устроила обыски в домах подозреваемых. Изымались дневники, записные книжки и компьютеры. За решётку угодили 8 человек. В вину им вменялось принадлежность к организации Ra Ra. Не смотря на то, что пресса растрезвонила о захвате ядра организации, 5 человек из 8 вскоре были отпущены на свободу. А процесс над оставшимися был затянут и для властей малопродуктивен. В ответ на аресты активистов начался саботаж бензозаправок королевской компании в 6-ти городах страны. Заявление о захвате ядра организации было преждевременным. В то же время общественное движение пошло на убыль. Здесь мы видим замечательный пример, связанный с хорошо известным синергетическим законом динамики репрессий и сопротивления: секретное конспиративное сопротивление способствует минимизации возможностей открытых общественных форм сопротивления. Партизанские акции заменяют участие масс. Импульс к увеличению уровня

демократии теряется, когда начинает преобладать горечь конфронтации.

Вскоре пал второй мощный крекерский оплот в Ниджмегене. Огромное пустующее здание, принадлежащее компании Shell (Мариенбух) было захвачено 24 апреля. На следующее утро сотни полицейских очистили здание от крекеров, арестовав 123 человека. Тремя неделями позже такая же участь постигла феминистский сквот, существовавший с 1980 года. Полиция начала расширять зону свободную от крекеров. 18 июля полиция Амстердама начала комбинированный штурм последнего крекерского бастиона на Конрадсраате. Сотни крекеров обороняли сквот, который раньше был старой текстильной фабрикой. В разгар сражения сквот загорелся. Клубы ядовитого дыма растеклись над городом. Вот как вспоминал об этом событии один из крекеров: «Мы были разбиты не из-за того, что не смогли осуществить план обороны, а из-за того, что просто не ожидали столь адекватных мер со стороны полицейских». В то время бездомные безработные были основной проблемой Голландии. Крекеры решали по-своему их проблемы. Сквот на Конрадстраате одновременно являлся и местом жительства для бездомных, и местом альтернативной работы для безработных. Социал-демократическое правительство Амстердама предпочитало тратить деньги на уничтожение крекерского движения, вместо того, чтобы помочь обездоленным.

К 1990 году массированные атаки полиции и изменение законодательства заставили сквотеров уйти из центра Амстердама. В 1993 году по всей стране менее 1000 домов и квартир были заняты крекерами. Уже в 80-х годах чувство силы

и мощи трансформировалось в маргинализацию и паранойю. Раскол движения дополнился скандалами. Среди крекеров выявились стукачи. Около 200 имён предателей были опубликованы в буклете, озаглавленном «Жемчуг перед свиньёй». Помимо стукачей, в этот список вошли крекеры, севшие за стол переговоров с администрацией, а также те, кто перешёл в ряды йиппи. Движение стало разлагаться изнутри. Вот как объяснял ситуацию один из участников движения: «Раз уж началась паранойя, то каждый новичок попадал под подозрение. Твой круг друзей сужается до двухсот борцов, затем группа изолируется от движения и постепенно 200 превращается в 150, потом в 50».

Копенгаген.

В сентябре 1971 года бывшая военная база на острове Христиания в Копенгагене была захвачена 50 активистами. С тех пор 156 казарм превратились в пристанище сотен сквотеров. В то время Христиания была основным пунктом культурно-политической оппозиции Дании. В течении 20 лет сквотеры отбивали атаки полиции и противостояли нашествию байкеров. Они создали более двухсот рабочих мест в различных самоуправляемых образованиях. Христиания превратилась в своеобразную контркультурную Мекку для датчан и иностранцев.

Христиания появилась на гребне волны мятежных шестидесятых. Её возглавили активисты движения «Власть детей». Чего не хватало детям бюргерских датских семей? Общество обеспечивало их всем необходимым, но отнимало главное – свободу. Оно не позволяло им жить так, как они хотят!

Чтобы отстаивать свою свободу, тинэйджеры заселили несколько пустующих домов столицы в 1960 годах. Их лозунгом стали слова «Освободите нас от наших родителей!». В марте 1972 года ими был учреждён Фронт Освобождения Детей. Это была децентрализованная организация, объединившая группы различных районов Копенгагена. Они посвятили себя освобождению избиваемой, замученной и скучающей молодёжи.

Используя заявления родителей, полиция начала поиск сбежавших из дома детей. Пытаясь спастись от преследования, группа подростков обосновалась в одном из сквотов Христиании.

В свободной республике-коммуне Христиания сотни людей проживали нелегально. Здесь не действовали властные органы. Только Ting, древняя датская форма совместного принятия решений (подобная древнерусскому вече – В.Я.) являлась организующим органом коммуны. Сидя в круге, на коммунальном совете, каждый член свободной республики мог выйти в центр и высказаться. Решение принималось не большинством голосов, а полным консенсусом. За пределами Христиании, в других свободных зонах, Ting так же был организующим началом в жизни тысяч людей. Вот как объяснял стиль общественной жизни Христиании один из коммунаров: «Сначала актуальная проблема обсуждалась в доме, где она возникла. Там она по возможности решалась. Если в своём кругу её решить не удавалось, то обсуждение выходило на квартальный уровень. Если и в этом случае прийти к общему знаменателю не удавалось, то собиралась общее собрание коммуны. К этому времени многие коммунары уже были в курсе дела и имели своё мнение по этой проблеме».

Несмотря на то, что Христиания являлась сквотом, она регулярно вносила арендную плату и оплачивала коммунальные

услуги. Деньги нужны были так же и на реализацию общекоммунарских проектов. Поэтому неслучайно в каждом квартале Свободной Республики был человек, отвечавший за сбор взносов (около 100 долларов в месяц с человека или 400 крон в 1991 году). Каждый бар, ресторан и магазин коммуны вносил свою долю в «большую коробку» - коммунальный фонд. «Малая коробка» от каждого квартала оставляла на собственные нужды около половины получаемых таким образом денег. Помимо коммунальных платежей деньги тратились на реализацию проектов и инициатив коммунаров. Была создана целая сеть альтернативистских образований. Работали собственные магазины. Кузницы и мастерские изготавливали экологические печи, уникальные велосипеды (дизайн «Христиания»), керамику и ювелирные украшения, свечи и обувь. Альтернативистские целители лечили больных, а рестораны кормили голодных. Рабочие мастерских имели свои рабочие советы. Их собрания были открыты для всех, кто трудился в этих мастерских.

Отношения с властями коммунары выясняли в основном посредством своей «Радужной Армии». Формировалась она из старейших коммунаров. Они ненасильственным путём противостояли попыткам властей уничтожить коммуну, ремонтировали здания, удовлетворяли различные потребности коммунаров. Вот какой призыв поместила на своих страницах газета Христиании «Ежедневное Зеркало»: «Создавая Радужную Армию на принципах ненасилия, люди, работающие в поте лица, сотрудничающие друг с другом, каждый индивидуал, живущий так как ему хочется, все мы можем объединиться - один за всех все за одного – и преодолеть все опасности...Так как мы любим

друг друга, мы можем организовать, несмотря на наши различия».

1 апреля 1976 года власти страны пообещали выселить сквотеров из занимаемых ими казарм. Компания, организованная Радужной Армией, объединила в своих рядах 25 тысяч человек. Одна из популярнейших рок групп Дании организовала в знак поддержки студию звукозаписи. Театр Действие Христиании совершил тур по стране с пьесой «Апрельский День Дураков». Но несмотря на усилия коммунаров обезопасить Свободную Республику им удалось только пойдя на уступки правительству. Экономическая независимость была утеряна. Христиания легализовалась, превратившись из свободной зоны в очаровательную деревушку времён феодальной Европы, в которой автономные принципы существовали только с позволения лорда.

Ещё одна проблема Христиании – наркотики. У въезда в коммуну висела табличка, запрещающая ввоз «сильных» наркотиков (кокаин, героин). Но вот «лёгкие» наркотики (марихуана, гашиш, грибы) коммунары (как Индейцы Метрополии и Чёрные Пантеры) предлагали легализовать и удешевить. Они не просто считали их средством повышения своей чувствительности. «Лёгкие» наркотики были в их понимании неким протестом против государственной системы ценностей. Запрещая «лёгкие» наркотики, государство, по их мнению, нарушает право на свободу выбора. Разрешение «лёгких» наркотиках в пределах Христиании являлось своеобразным актом гражданского неповиновения в повседневности бюргерского быта. Существующие законы не видят ничего плохого в том, что

многие ТНК производят табак и алкогольные напитки. Почему же нужно запрещать марихуану и гашиш?

С января по октябрь 1975 года более тысячи человек подверглись аресту во время полицейских чисток в Христиании. Ловили продавцов наркотиков и карманных воров. Сами коммунары боролись с распространителями «тяжёлых» наркотиков. Их война с байкерами принесла свои положительные плоды, не смотря на то, что часть коммунаров пострадала в драках. Но эта победа не была окончательной. «Лёгкие» наркотики источили Христианию изнутри. Такая участь постигла многие коммуны. Несмотря на то, что общественное мнение было за «Амстердамское решение» (Да – гашишу! Нет – героину!), полиция всё же устроила двух недельную чистку Христиании. Всё это время здесь проходили обыски, аресты, уличные схватки с коммунарами. В конце концов, полиция отступила. Она перестал обращать внимание на дозы гашиша менее 100 грамм.

В середине 1980 годов компания RA RA против Shell расплзлась по всей Европе. 23 ноября 1986 года в Дании подверглись разгрому 28 бензозаправочных станций. Ущерб составил около 200000 долларов. Репрессии и сопротивление приняли международный характер. Акции активистов изменили свои цели и тактику. Стали действовать небольшие группы борцов с частной собственностью. На датчан так же оказал влияние и опыт швейцарских автономистов. В августе 1981 года тысячи людей поставили свои подписи под обращением к властям столицы. Активисты предлагали создать в пустующем помещении пекарни молодёжный дом «самоуправляемый на принципах прямой демократии». За два месяца группа собрала деньги для центра. Проведя агитацию в своём квартале, они сели за стол

переговоров в городском Совете. Ответа от властей так и не последовало. Инициативная группа захватила пекарню. Полиция очистила её от активистов в течение двух часов. После горячих внутренних дебатов и неудачных переговоров с властями сквотеры захватили пустующее помещение шинного завода. Ответ полиции был неадекватным. Более сотни подростком и молодых людей, находившихся в захваченном здании, подверглись газовой атаке. Слезоточивый газ не применялся в Дании с 1950 годов. Спустя пять дней активисты захватили пустующий монастырь и забаррикадировавшись приготовились к газовой атаке. Общественное мнение оказалось на стороне сквотеров, поэтому полиция заняла пассивную ожидательную позицию, взяв в плотное кольцо осаждённый дом. Скоро должны были начаться выборы в местные органы власти. Левые социалисты, небольшая радикальная партия выросшая в недрах Новых левых, победила на выборах и сразу же санкционировала создание в монастыре автономного молодежного дома. Но грёзы автономистов превратились в сущий кошмар. Вся грязь с округи стала стекаться в монастырь. Наркоманы и наркодилеры превратили вновь образованный сквот в притон. Байкеры и чёрные пантеры избивали сквотеров чуть ли не на глазах у полиции. После месяца непрерывной борьбы с люмпенами сквотерам пришлось покинуть монастырь.

Не смотря на неудачи, борьба продолжалась. В Дании появилась новая группа VZ – Бригада Захвата. Их первой акцией стал захват помещения пустующего музыкального музея (Mekanisk Musikmuseum) в фешенебельном районе города. Полиция не была готова к решительным действиям сквотеров. Из окон музея в полицейских полетели разнообразные вещи. Самым

экзотическим предметом был унитаз. Тем не менее, по истечении нескольких часов полиция очистила музей от сквотеров, препроводив в отделение полиции 147 человек. Сквотерские бои вскоре распространились по всей стране. Существовала хорошо скоординированная сеть сквотерских групп. Сквотерские базы находились в «свободных зонах», в Христиании и лагере Thy на севере Ютландии. Конечно, движение это не было столь массовым, как в Голландии, но всё же оно имело большое значение для сквотеров Дании.

Христиания была живым примером слияния работы и игры. Её влияние на датское общество было неоспоримым. Один из активистов так описывал это влияние: «В большей части Европы политические активисты выходили из панк-роковой среды. В то время как в Дании активисты плодились из хиппи. Их первым делом была Христиания. Христиания была крепостью, в которой могли укрыться выселенные сквотеры, местом, в котором зарождались новые инициативы. Она ограждала коммунаров от репрессий и стрессов мегаполиса. Она возвышала активистов в глазах публики и возвращала истории имена своих мучеников».

Возможно, наиболее организованной единичной акцией международного автономистского движения стала акция, подготовленная BZ в сентябре 1986 года. Тогда сотни активистов заняли часть пригорода Копенгагена Остербро и удержали его в течение 9 дней. Они сумели отразить атаки полиции и фашистов. Акция была названа Ryesgate. Причины бунта – жилищный вопрос и имперские амбиции стран НАТО. Первым делом активисты в захваченной зоне подожгли здание, принадлежавшее американской ГНК Sperry, которая принимала участие в создании ядерных ракет Cruise и Першинг. Как объяснил один активист BZ:

«Любовь – это битва. Мы боремся с бездомностью и джентрификацией⁵, а так же с правительством США, ЮАР и капитализмом, чтобы показать нашу солидарность. Многие из нас сражались и работали в Никарагуа. Теперь сражения начались у нас дома».

Нельзя назвать акцию Ryegade крупномасштабной битвой. На самом деле это была целая серия боёв. Победили сквотеры. Началось всё 14 сентября в воскресенье. Тысячи людей собрались в центре города, чтобы пройти маршем к парку. Через некоторое время демонстрация вдруг свернула с ранее «запланированного» маршрута. Сотни активистов ринулись к району Ryegade. Полицейские только развели руками. Как вспоминал потом один из участников марша, когда, наконец, полиция пришла в себя и двинулась на баррикады схватка была жестокой и жаркой. «Сотни спецназовцев атаковали нас. Мы бросали коктейли Молотова, фейерверки и булыжники. Заставили их отступить». Три атаки полицейских не увенчались успехом. Вечером началась грандиозная вечеринка. Сотни активистов провели эту ночь на баррикадах, ожидая новых атак полиции. Утром полиция атаковала с двух сторон и прорвала оборону сквотеров. Вот как описал это событие один из активистов: «Казалось, что всё потеряно. Но вот в тыл копам ударили новые силы активистов, которые заставили полицейских отступить. Спецназовцы бежали и уже не возвращались вновь. Мы отстояли баррикады!». Несмотря на тяготы «военного положения» в свободной зоне, местные жители поддержали ВЗистов. В течение девяти дней боёв, жители квартала подкармливали защитников баррикад.

⁵ Джентрификация – превращение мест общественного пользования в недоступные простым гражданам зоны коммерческого использования – В.Я.

Местные власти собрали экстренное заседание. ВЗисты так же стали обсуждать сложившуюся обстановку. Одна из датских рок звезд решила выкупить у города здание и отдать его автономистам. Но активисты даже не стали обсуждать этот вопрос. Они не собирались сотрудничать с властями. Автономисты решили, что справятся сами.

В Амстердаме у здания датского посольства прошла демонстрация солидарности. Марши поддержки имели место так же в Аархусе (Ютландия), в ФРГ и Швеции. Сеть свободных радиостанций Дании полностью поддержали защитников баррикад и призвали граждан помогать им едой и одеялами. Они так же выступили за создание в этом районе свободной либертарной зоны.

Власти вскоре решились на крайние меры. В город вошла армия. Солдаты не церемонились. Когда журналисты прибыли на пресс-конференцию, созванную сквотерами 23 сентября в 9 часов утра, они обнаружили на месте баррикад только пустынные улицы и дома. После акции Ryegade полиция начала безуспешные поиски руководящего ядра организации ВЗ.

ВЗ изменила цели своих нападений. На этот раз ими стали ТНК и организации поддерживающие режим ЮАР. Помимо ударов наносимых малыми группами по ТНК Shell, автономисты стали использовать новую тактику, тактику «принудительного переселения». Неожиданно в офисе ТНК, туристическом агентстве или банке появлялась большая группа людей. Активисты хватали оргтехнику и мебель, выносили всё это на улицу. В это же время их товарищи на улице раздавали прохожим листки-объяснения. Опустошение офисов происходило мирно и стремительно. Это очень забавляло публику и сердило полицию,

которая просто не успевала вовремя прибыть по вызову. Акции против Shell не были столь успешны для автономистов. Осенью 1987 года они перестарались. Случайно сотни галлонов бензина оказались в земле. Начались обыски, аресты, конфискации.

Автономисты перенимали опыт сопротивления у своих зарубежных товарищей. Так датские Взисты поддержали акции немецких автономистов – TU WAT в Берлине, TAGX в Гамбурге. Акция началась 12 мая. На дверях городской мэрии были начертано слово «Ажандла» - победный призыв Африканского Конгресса. На импровизированной виселице были сожжены флаги Израиля и НАТО. В пятницу тринадцатого в Копенгагене прокатились многочисленные вылазки активистов. Супермаркеты, продающие израильские товары, были изрисованы граффити, напоминавшие о бойкоте израильских товаров. Улицы были перекрыты баррикадами. Пустующие здания быстро захватывались. Спонтанные демонстрации противостояли полицейским атакам. Несмотря на то, что активисты были довольны результатами своей деятельности, широкой поддержки они не получили. Автономисты оказались в изоляции. Во всей Европе они полагались на небольшие боевые группы. Видимо поэтому они их всё меньше и меньше встречали поддержки у местного населения. Круг активистов всё больше сужался. Они боролись за права жителей стран третьего мира, но всё чаще они забывали о проблемах собственного общества. Автономистское движение приобретало насильственный характер. И это так же не играло им на руку. В конце концов, 18 мая 1993 года воинственный изоляционизм достиг своего апогея. Тогда автономисты выступили против решения Дании вступить в Европейский Союз. Когда булыжники и кирпичи полетели в

полицию, раздались выстрелы. Были ранены 10 демонстрантов. Во время судебного процесса бунтовщики практически не получили общественной поддержки. Многие активисты получили длительные сроки.

Хафенштрассе: международный символ

К концу 1988 года главенствующее положение в автономном движении заняли сквотеры. Ареной борьбы стала гамбургская улица Хафенштрассе. На фоне шумного мятежа берлинских автономистов в 1981 году их гамбургские коллеги стали тихо занимать пустующие помещения в квартале Сант Паули. 8 сквотов позже стали общеевропейским символом победы автономного движения. Любая попытка властей выдворить коммунаров заканчивалась здесь массовым сопротивлением. Тысячи людей участвовали в маршах поддержки сквотерского движения. Сотни бойцов обороняли либертарное пространство. Ответом на действия полиции были разгромы офисов государственных учреждений и ТНК.

В то время автономисты Гамбурга находились, как бы на лезвии бритвы. Им приходилось балансировать между легализацией движения и его криминализацией. Хафенштрассе стало неким мифической победной реалией на фоне нескончаемых поражений автономистов конца 1980 годов. Вот что было напечатано в одной листовке по этому поводу: «Всё существует в борьбе: боевое сопротивление, борьба за то чтобы выжить в коммуне, интернационализм, Борьба за самоуправление и коллективные структуры». Путь борьбы – вот на что указывали автономисты с Хафенштрассе. Они заметно отличались от своих товарищей из других городов и стран, большинство которых были

студентами или выходцами из рабочей среды. Гамбургское автономистское движение формировалось, в основном, из люмпен-пролетариата. На стене одного сквота красовалась надпись, перифраз лозунга К. Маркса: «Криминал всех стран объединяйся!».

Клаус Доонанье, будущий мэр Гамбурга, не был способен контролировать хаос на Хафенштрассе. Четыре попытки выселить сквотеров с помощью полиции не увенчались успехом. В 1986 году власти обнаружили факт кражи сквотами электроэнергии на сумму 50 тысяч долларов. Выселение последовало незамедлительно. В руках автономистов остались только три сквота, и они перешли к решительным действиям. В контратаку пошло около 10 тысяч человек. Ядром стала группа боевиков «Чёрный блок» - 1,5 тысяч человек. В жестокой схватке многие полицейские были жестоко избиты. На следующий день автономисты сожгли 13 магазинов (ущерб – 10 миллионов долларов). В последующие месяцы сквотеры наращивали давление на обескураженную мэрию. 23 апреля 1987 года, в «ДеньХ», автономисты атаковали дома городских чиновников, здания суда, государственные офисы и радиостанцию Гамбурга. За 15 минут подверглись нападению около 30.

В глазах обывателей и властей сквотеры превратились в «врагов общества № 1». В начале ноября власти пообещали за 2 недели очистить захваченные помещения от сквотеров. В ответ на стенах сквотов появилась надпись: «Не считайте наши дни, считайте свои!». Дома баррикадировались. Вставлялись железные двери, решётки на окнах. Колючая проволока опоясывала стены и крыши зданий. Ходили слухи, что активисты даже прорыли целую сеть подземных туннелей для доставки подкрепления в разные точки

сопротивления. Чтобы предотвратить проникновение полицейских через чердаки, было организовано ночное дежурство на крышах.

Полиция тоже готовилась. Со всей страны были собраны лучшие силы спецназа (4 тысячи человек). Автономистам из других стран был запрещён въезд в страну.

В пятницу 13 ноября 1987 года радио сквотеров призвало население города к акции гражданского неповиновения. Вертолёты отпугивались с помощью огнемётов. Громкоговорители зывали: «Война, война, война в городе!». Ночь прошла для сквотеров благополучно. На скоте красовался плакат: «No pasaran!». На следующей неделе, когда автономисты праздновали победу, полиция вновь попыталась захватить сквоты. Неудачно. Мэр города пошёл другим путём. Началась легализация сквотов. Администрация города обязалась отремонтировать захваченные дома, но вновь образованные сквоты должны были быть покинуты в течение 24 часов. Мэру удалось уговорить даже свою консервативную оппозицию. Ликующие автономисты демонтировали баррикады, сняли с окон решётки и даже послали мэру букет цветов. За заслуги перед городом мэр был даже награждён престижной медалью Теодора Хеусса. Спустя месяц все завоевания сквотеров были аннулированы консерваторами. Мэр ушёл в отставку. Годы переговоров ушли у активистов на то, чтобы добиться от правительства города долгосрочного договора об аренде захваченных ими помещений, но их уже не считали сквотерами.

За свою победу автономисты Хафенштрассе заплатили большую цену. У старшего поколения появились домашние проблемы. Их покинули дети и жёны. Была ещё и

психологическая цена победы. Сквотеров обуяла депрессия и параноя. Круг автономистов сузился. Их сопротивление ослабевало. Оно всё больше приобретало партизанский характер. Так, в марше против визита Р. Рейгана в Берлин 1 июня 1987 года участвовало 50 тысяч человек, из них автономистов было только 3 тысячи, и все они являлись членами “чёрного блока”. А в 1988 году в семидесятитысячной акции протеста против собрания МВФ и ВБ участвовала небольшая фракция автономистов. После убийства полицейских на Стартбаан Вест (Франкфурт) автономисты полностью потеряли доверие населения. Так же как и в Италии, криминализация движения стала причиной массового оттока активистов в либеральные сферы оппозиции. С тех пор автономные организации расположились где-то между тайным красным подпольем и зелёными коридорами парламента.

Герилья и движение

Конечной логической точкой радикализации движения сталатеррористическая группа RAF. Свой кровавый путь она начала в середине 1970 годов с похищения и убийства Ханса-Мартина Шлейера, крупнейшего промышленника ФРГ. Удары RAF были направлены, прежде всего, против богатых и властных. Не смотря на то, что первое поколение рафовцев либо погибло, либо находилось за решёткой, группа продолжала плодиться и действовать. Если в 1972 году полицией разыскивались около 40 террористов, то уже спустя два года эта цифра подскочила до 300. Самой заметной акцией RAF было похищение Шлейера. Требование – освобождение заключённых товарищей, включая

основателя организации Андреаса Баадера⁶. Пока шли переговоры с властями, другая группа RAF вместе с палестинцами захватила пассажирский самолёт компании «Луфганза». 86 человек были взяты в заложники и самолёт отправился в Магадиши (Сомали). К списку запрошенных террористами заключённых прибавились ещё два палестинца. Пока ждали ответ властей, спецназ освободил заложников, уничтожив почти всех террористов. В то же самое время в тюрьмах по официальной версии покончили собой лидеры RAF. Спустя несколько дней во Франции, недалеко от границы с ФРГ, в багажнике автомобиля был найден труп Шлейера.

Новое поколение рафовцев заявило о себе через несколько лет. Мечь стала целью их акций. В 1979 году террористы попытались убить Александра Хейга, во время его посещения штаб-квартиры НАТО в Брюсселе. Бомба взорвалась, когда машина политика уже миновало опасное место. На авиабазе НАТО в Рамштайне от взрыва их бомбы пострадало 20 человек. Выстрелом из гранатомёта они раскурочили автомобиль главнокомандующего сил США в Европе. В 1982 году в Западной Германии взорвалось более 600 бомб, многие из которых относят на счёт RAF. В 1984 году сложилась интернациональная немецко-французская группировка: третье поколение RAF и «Прямое действие». Две группы, численностью не более 50 человек начали действовать совместно. В 1985 году они убили американского подданного просто для того, чтобы овладеть его документами, которые были использованы в подготовке взрыва на американской военной базе. Погибло два человека. В 1986 году

⁶ Спустя пол года этот метод скопировали Красные Бригады, похитив в Риме Альдо Моро.

рафовцы убили председателя иностранного ведомства в ФРГ, а от рук членов «Прямого действия» пострадал глава фирмы Рено Георг Бесс. После того как почти все члены интернациональной группы были арестованы, оставшиеся на свободе активисты объединились с остатками Красных Бригад. Новое объединение получило название «Сражающийся коммунистический союз». В 1988 году в группе прошли дискуссии по вопросам внутренней дисциплины. Террористы подготовили совместное коммюнике, в котором декларировалось следующее: Западная Европа – точка конфликта международного пролетариата с империалистическим бюргерством. В силу исторических и геополитических причин, Западная Европа стала ареной столкновения трёх противоборствующих линий: государство-общество, Север-Юг, Запад-Восток. Пока готовилось коммюнике к печати, итальянских товарищей повязали. Так что рафовцы опять остались без союзников.

Не смотря на то, что в начале 1980 годов все рафовцы оказались за решёткой, их влияние на общественные движения продолжалось. 1 февраля 1989 года некоторые из заключённых террористов начали голодовку, требуя признать их политический статус и разрешить им общаться друг с другом. Их акцию поддержали автономисты и общественные движения. Небольшие группы атаковали франкфуртскую биржу и правительственные учреждения. 8 апреля 3,5 тысячи активистов устроили в Берлине акцию солидарности, 29 апреля пятитысячный марш прошёл в Бонне, после чего активистами были захвачены некоторые административные учреждения. Даже «зелёные» требовали признать рафовцев политическими заключёнными. В трёх землях, в которых правили социал-демократы, рафовцам разрешили жить

вместе группами от 4 до 6 человек. Вскоре голодовка прекратилась. Заключённые не собирались умереть так быстро. 12 мая они вновь призвали соратников начать антиимпериалистическую борьбу. Через 3 года затишья вновь прогремел взрыв. Погиб один из крупных чиновников госбанка.

После объединения Германии были обнародованы факты сотрудничества RAF с секретной службой ГДР «Штази». Не смотря на то, что полиция заявила о полном разгроме RAF, её борьба продолжалась. 31 марта 1991 года глава компании Treuhand был бит в собственном доме в Дюссельдорфе. В 1993 году расходы на содержание заключённых рафовцев составили 153 миллиона долларов, но после серии взрывов, расходы увеличились ещё на 60 миллионов долларов. Ни правительство, ни партизаны не собирались сдаваться. В Италии, например, властям удалось уничтожить Красные Бригады благодаря программе амнистии для информаторов. Борьба немецких партизан с властями затянулась. Не смотря на то, что RAF предлагала свернуть свою деятельность в обмен на смягчение условий содержания своих товарищей в тюрьмах, власти не шли на уступки. Стукачей они тоже не баловали. Одна активистка пошла на полное сотрудничество с спецслужбами, но в результате получила 12 лет. 27 июля 1993 года лидер RAF Вольфганг Грэмз был убит во время перестрелки с антитеррористическим отрядом. Многие свидетели, включая одного спецназовца, утверждали, что видели его живым во время сдачи в руки правосудия. Власти ФРГ специально шли на усиление конфронтации. Это развязывало им руки. Партизанская война продолжалась, несмотря на усилившиеся репрессии. В эту борьбу включились и женщины.

Красные Зорро.

В начале 1970-х годов, когда рафовское движение пошло на спад, на горизонте партизанской борьбы появилось новое название RZ – революционные ячейки. В противоположность марксистско-ленинской идеологии и жестко централизованной структуре RAF, RZ состояло из независимо организованных групп, которые избирали цели своих терактов и тактику в зависимости от развития общественного движения. В революционные ячейки входило до 300 активистов в начале 1980-х годов. Эта организация состояла из автономных групп, каждая из которых отвечала за их собственные акции. Они чем-то напоминали итальянскую организацию «Передовая» (Prima Linea).

Красные Зорро являлись одной из таких автономных групп. Организация состояла исключительно из женщин. Ее идеология базировалась на феминизме и антиимпериализме. Свое название они взяли из популярного романа, в котором молодые девушки крали у богатых, чтобы отдать бедным. Это был не единственный случай, когда автономисты использовали персонажей из детских книг. Так сквотеры на Хаффенштрассе длительное время с помощью образа Пеппи-Длинный чулок объясняли как нужно заселять пустующие помещения. Автономные группы не любили как-то классифицировать свои действия. Они отвергали проповедь светлого будущего и не собирались связывать свою жизнь с нормами существующей культуры: супружеская жизнь, семья, карьера. Их влечения – принцип удовольствия или, по крайней мере, отрицание принципа реальности.

С 1974 года Красные Зорро впервые заявили о себе, подорвав бомбу в здании Верховного Суда, на следующий день

после того, как этот Суд отменил закон об абортах. Зорро вели борьбу против парнографии и международной торговли женщинами (против тех, кто наживался привозом из Азии невест для немецких мужчин), а также против Гильдии докторов: “Мы считаем представителей Гильдии докторов грабителями в белых робах”. Вели они борьбу и с фармацевтическими компаниями, которые изготавливали медикаменты, плохо влияющие на беременность. В союзе с Революционными ячейками они провели более 200 акций, направленных против конкретных целей. Наиболее удачная компания Зорро прошла летом 1987 года. Тогда им удалось заставить ТНК “Адлер”, одного из крупнейших производителей одежды в Германии, удовлетворить требования их южно-коейских текстильщиц. Руководство компании уволило 12 лидеров южно-корейского профсоюза, но после того как Красные Зорро и их сестры из Берлина “Амазонки” взорвали 10 учреждений компании (ущерб составил миллионы долларов), компания восстановила профсоюзных лидеров на работе и удовлетворила требования рабочих. В одном из интервью Красная Зорро объяснила: “Мы не боремся за [права – В.Я.] женщин третьего мира. Мы боремся среди них”. Глядя на массовое разоружение, в котором стали доминировать пацифистские идеи, Зорро утверждали: “Когда отказ от насилия достигает уровня ненасильственных принципов, где добро и зло противостоят друг другу это уже не вопрос несогласия. Это утверждение покорности и повиновения”.

Антиавторитарная структура этих групп, децентрализованный процесс принятия решений в выборе целей, сделало их неуловимыми для немецкой полиции. Спецслужбы устраивали целые рейды по феминистским и женским

организациям, пытаясь выйти на след рабочих ячеек. Полиция изымала записные книжки, аудио и видеокассеты, почту, исследовала архивы по правам аборта и репродуктивной технологии, а также просматривала документы Движения против генной инженерии. 23 женщины были задержаны. Вскоре все, кроме двух, были освобождены. Процесс против оставшихся стал главной вехой в международном движении солидарности. Ингрид Стробол и Улла Пенселин были не новичками в феминистском движении, и если бы следствие доказало их причастность к террористической организации это бы указало на криминализацию женского движения. Все успехи и победы Красных Зорро пошли бы на смарку. Этим собственно и хотели воспользоваться власти, несмотря на то, что обвинения в адрес активисток были не обоснованы. Так как эти феминистки играли заметную роль в женском движении 80-х годов, тактика полицейских могла еще строится и на обострении внутренних противоречий в феминистских кругах. Пенселин провела в заключении 8 месяцев. Стробол – два с половиной года. Более семи лет Стробол работала в феминистском журнале “Эмма”. Тема ее статей: иммигранты в Германии, Роза Люксембург, колдовство. В 1987 году, когда женщины в союзе с „зелеными“ написали „Манифест матери“, призывающий к новой концепции освобождения женщин, она написала автономистский ответ. На утверждение „зеленых“, что женщины „главным образом матери и счастливые матери“, она сердито заметила: “ Это предложение для небольшого числа женщин среднего класс, которые не готовы продолжить борьбу, а предпочитают вернуться в позолоченную клетку дома и очага. Очень сомнительно, что большинство женщин, которые предпочитают не золоченую клетку, а бегство

из нее, последуют за „Манифестом матери“ по тропе предательства“. Это была самая действенная критика.

В 1981 году феминистки яростно выступали против „мужского насилия“ и „политики пениса“ во внепарламентском движении. Даже автономное движение не было готово разрешить проблемы, поднятые феминистками. Семь лет спустя сами женщины поставили в этом споре точку, полностью скопировав позицию силы у мужчин. Само существование Красных Зорро было уже индикатором такой трансформации у нового поколения женщин-активисток в ФРГ.

Автономное женское движение много работало с турецкими иммигрантками, но найти контакт между панками и мусульмаками было сложно. Они работали вместе в кооперативных продовольственных магазинах, продавая экологически чистые продукты. Активистки помогали турчанкам изучать немецкий язык. Времени для развития отношений было предостаточно. Конечно, встречалось взаимонепонимание. Одни удивлялись тому, как можно все время ходить в платках а общесвенных местах. Другие не понимали как можно открыто устраивать шествия голубых и розовых 8-го марта. Несмотря на такие культурные различия простые потребности приводили турецких женщин в женские кризисные центры. Серые Волки, турецкие фашисты, которые часто нападали на левых турок в ФРГ и в Турции, запретили турецким женщинам посещать женские центры. Когда эти предупреждения были проигнорированы, вооруженный человек ворвался в один из центров в 1984 году, застрелил турчанку и ранил ее немецкую подругу. Вместе с серыми волками полиция арестовала и автономистов из Кройсберга.

К 1 мая 1987 года традиционная уличная тусовка на Лаузитцерплатц в Кройсберге очень быстро переросла в настоящий антифашистский бунт. Хотя полиция была зачинщиком беспорядков, ей пришлось быстро ретироваться, так как силы были не в их пользу. Начились грабежи в магазинах или, как тогда считалось акции „пролетарского шоппинга“. Один из участников вспоминает: „В ту ночь от Хайнрихплатц до Горлитцер Ваапхофф распростерлась освобожденная территория. Здесь были не только автономисты, но и „нормальные“ люди: молодежь, бабаушки, турки. Фантастика!“ Год спустя, несмотря на то, что всю улицу наводнили полицейские, демонстрация вновь состоялась. Среди демонстрантов были женщины-турки и „черный блок“, готовый к бою. Впереди шествия возвышался транспорант: „Мы ведем международную борьбу против капитала и патриархата.“ Он ясно укзывал на то, какую роль стали в движении играть женщины.

Автономисты в объединённой Германии

С падением берлинской стены в ноябре 1989 году рухнул железный занавес. Эпоха Холодной войны закончилось, и это наложило определённый отпечаток на жизнь обычных немцев. И восточные и западные немцы затянули пояса. Экономика буксовала и давала сбои. Недовольство обывателей переросло в ксенофобию. Неонацизм переметнулся в Восточную Германию. Бывшие комсомольцы обрили головы и вытянули вперед руки. Власти закрыли на это глаза. Доходило до того, что во время погромов общин иностранцев фашистам противостояли только автономисты. Полиция оставалась безучастной. В 1990 году, когда по всей Германии прокатилась волна фашистских погромов,

полиция и правосудие жестоко корало автономистов. Фашистам выносили мягкие приговоры: штрафы, небольшие сроки заключения. В Ростке власти намеренно не обращали внимание на неиствующую толпу фашистов, позволив распространиться погрому по всему городу. Позже социал-демократы и консерваторы одобрили решение о депортации десятков тысяч цыган и других иммигрантов и изменили законы, относящихся к беженцам скрывающихся по политическим соображениям.

Самые драматические события происходили в Берлине. Постдамская площадь, ранее безлюдное место, превратилось теперь в обитель ТНК и правительственных учреждений. Парламент Германии решил перенести сюда федеральное правительство. Из-за этого цены на дома в Берлине подскочили ещё на 5% (дополнительно к 50% после объединения и на 100 % в районе Кройзберга). На этом фоне появление ещё 130 сквотов в Восточном Берлине стало для властей неприятной неожиданностью. Массированные атаки полиции на очаги сквотерского движения привели правительство города к расколу. Группа Альтернативный список ополчились на социал-демократов. В 1981 году сопротивление сквотеров стало одной из причин падения правительства города. Теперь же правительство пало только по вине автономистов. Социал-демократы и христианские демократы быстро сформировали коалицию по управлению Берлином. Началась очередная конфронтация между властями и автономистами. Внутри самого движения наметились противоречия. Многие легализованные сквотеры боялись. Что арендная плата в Кройзберге подымится настолько, что их квартиры перейдут во владения йиппи и правительственных чиновников. Они решили не сдаваться и биться до конца. Стали

формироваться рабочие группы, направленные против проведения Олимпийских игр в Берлине в 2000 году. Автономисты приступили к исследованию и разоблачению планов властей по реконструкции и джентрификации города. Другие инициативные группы начали антиипповскую кампанию. Они нападали на рестораны, где отдыхали «мажоры» и увечили их дорогие автомобили.

В старой восточной части города заводы и фабрики закрывались дюжинами. Подскочила арендная плата. Закрылись музеи. Начались чистки в университетах. Несомненно, это повлияло на рост неонацизма в Германии.

Неонацизм и государство

В декабре 1990 года Республиканская (неонацистская) партия получила около миллиона голосов на национальных выборах. И хотя им не удалось проникнуть в национальный парламент, крайне правые привлекли к себе последователей среди молодёжи. Начав кампанию против аплыва порнографии и проституции на Восток, они заручились так же поддержкой «доропорядочных бюргеров», которые раньше на дух не переносили фашизм. Деятельность крайне правых была сосредоточена на нагнетании ксенофобии в обществе. В то время в Восточной Германии проживало около 6 миллионов иностранцев. Отношение к ним обывателей и властей стало меняться. В мае 1993 года Бундестаг изменил закон о беженцах.

После объединения страны немецкую молодёжь обуяла национальная гордость. У них появилась потребность германизировать родину. Банды молодых хулиганов бродили по стране, нападая на вьетнамских рабочих, турецких иммигрантов.

Польских челночников, американских и английских туристов. Они избивали вьетнамских детей в детских садах, калечили греческих школьников, нападали на инвалидов в колясках и поджигали бомжей на улицах. Ещё одной излюбленной целью для нападений стали панки, геи, лисбеянки, в общем, те, кто хоть отдалённо походил на нонкомформиста.

Неонацисты увлекались, как правило, футболом и посещали рок концерты. Их музыка Oi, сплав панка и хевиметалла, популяризировались такими группами, как «Деструктивная сила» (Storkraft) и «Злой Дядюшка» (Bose Onkely). Под их песни «Проснись Германия!» (лозунг Гитлера) и «Турки вон!» скинхеды устраивали погромы. Вот лишь небольшой список их деяний за один месяц – май 1991 года. Два нубийца были выброшены с балкона пятого этажа общежития для иностранцев в Виттенберге. В Дрездене банда пьяных республиканцев напала на группу чернобыльских детей, проходящих здесь курс лечения. В окна дома, где они жили, полетели камни и горящие факелы. Ночью 6 мая, там же, скинхеды устроили три драки. В Ганновере 50 скинов напали на группу молодых турок на станции электрички. Одного из нацистов увезли в больницу. Турки прострелили ему ногу. Сквоты также подверглись нападениям неонацистов. Это не просто список их деяний, это наглядная иллюстрация того, какая атмосфера царила тогда в Германии. В 1991 году несколько автономистов, живущих в одном берлинском сквоте, рассказывали, что им известны 4 человека, которые были убиты нацистами за последние 3 месяца. Оплотом фашизма стал Дрезден.

В ноябре 1990 года, в то время, когда полицейские выселяли сквотеров на Майнцштрассе в Берлине, неонацисты заселили

пустующий дом в Дрездене и сделали его своей базой. Они предупредили иностранцев о том, что им теперь небезопасно находиться в городе. В марте фашисты выволокли из трамвая мозамбикского рабочего и убили его. Вскоре суды рассматривали уже 35 таких дел. В новогоднюю ночь фашистский погром произошёл в старейшем автономистском кафе Bronx. Хозяин попытался вызвать полицию – тщетно. Фашисты избili его до полусмерти. Больше бар не открывался. Той же зимой нацисты напали и на вьетнамское общежитие. В ту ночь работодатели советовали вьетнамцам покинуть город «из-за угрозы их жизни».

Самый большой город Саксонии Лейпциг так же был опасен для иностранцев. По отработанной дрезденской схеме длинноволосый немец был выброшен из вагона трамвая и убит.

Правительство Германии начало в сентябре 1991 года серию депортаций иностранных граждан, проживающих в стране нелегально. Германия выплатила Румынии миллионы долларов, чтобы вернуть в эту страну 10 тысяч цыган. Во времена Третьего рейха их просто уничтожали – погибло 500 тысяч человек. К 1995 году правительство переместило во Вьетнам тысячи вьетнамцев, потратив на это десятки миллионов марок. Канцлер Г. Коль неоднократно заявлял, что «Германия не является страной иммигрантов». Правительство пыталось понравиться и правым и левым. 11 наиболее агрессивных неонацистские группы были запрещены. Десятки тысяч иммигрантов, ищущих в ФРГ убежище, отправились насильно на родину. Для их детей Германия была уже настоящей родиной. Многие из них не знали родной язык. Все они имели меньше шансов стать гражданами Германии, чем русские немцы, у которых кроме крови ничего немецкого уже не было.

Нацистская приверженность к биологическому определению национальности укоренилась в правительственных кругах современной Германии.

Только в 1993 году произошло более 23 тысяч преступлений, совершённых правыми экстремистами. Около 80 убийств было уже на их счету с 1990 – 1994 годы. «Коричневая сеть» скинхедов, старонацистских и неонацистских партий содержала в своих рядах много полицейских. Один из четырёх полицейских Берлина отдавал предпочтение правым партиям. Половина всех полицейских отдавали свои голоса республиканцам.

Полиция плохо обращалась с иностранцами. В 1995 году Организация Международной Амнистии опубликовала доклад, содержащий факты совершения полицейскими преступлений по отношению к иностранцам. Так, в Бремене полиция избивала и даже пытала, выходцев из Африки, курдов. В Гамбурге 27 полицейских были временно отстранены от работы из-за плохого обращения с иностранцами.

Такая ситуация была характерна не только для ФРГ. В Великобритании существовала партия Национальный Фронт. Во Франции Ле Пен получил около 14% голосов на национальных выборах. Белорусские националисты получили в 1994 году 13% голосов и 5 мест в парламенте. Партия Ёрга Хайдера в Австрии – 20% голосов. Скинхеды появились сначала в Англии. Затем сообщения об их «подвигах» стали поступать отовсюду, даже из таких «благополучных» стран как Швейцария, Чехия, Болгария. Условия для этого были подходящие. Так, в ФРГ в 1991 году официальная безработица составила 12,1% (более 1 миллиона человек). Ещё 1,45 миллионов человек работали не полный

рабочий день. но и это ещё не всё. Начался жилищный кризис. При коммунистах аренда 1 кв. м. В Восточном Берлине стоила 1 марку. После объединения – от 4 до 6. Лиц без определённого места жительства в ФРГ до объединения насчитывалось более 500 тысяч. В Восточной – ничтожное количество, так как жильё было гарантировано всем. В объединённой Германии количество бездомных резко подскочило. В 1990 году 80 тысяч берлинцев искали жильё. В то же самое время в городе многие квартиры пустовали. Они либо пришли в негодность, либо находились в резерве до лучших времён. В Берлине пустовало 15 тысяч квартир. По всей Германии 200 тысяч. Население Берлина выросло за последние 20 лет с 3,5 миллионов до 5 миллионов человек. Так что найти работу и квартиру здесь стало намного сложнее.

Причины возрождения фашизма кроются не только в экономике. Они связаны также и с тотальным кризисом капитализма: атомизация жизни, одиночество, однообразие и общая фрустрация. Так, восточные немцы после объединения превратились в людей второго сорта. Свои обиды они стали переносить на иностранцев. Сложилась странная ситуация. Коммунистический режим свергали совместно и либералы и правые. Автономисты не могли принять в этом участие, так как в рядах демонстрантов были фашисты. Поэтому обыватели называли автономистов «детьми Штази» (секретная полиция ГДР). На Востоке неонацистов не любили ни простые граждане, ни полиция. Но после объединения Германии все изменилось. Погромы совещались под одобрительные возгласы бюргеров. Самые странные события разворачивались в Росток. Нападением подверглись Молодежный центр иммигрантов и Центр беженцев.

Тысячи нацистов скандировали перед телевизионными камерами: «Зиг хайль!», «Германия - для немцев!», «Пришло наше время!», «Хаффенштрассе – ничто!». Террор длился неделю. Было арестовано несколько фашистов и огромное количество автономистов, единственных, кто противостоял этому безумию.

Нцисты взяли за привычку убивать людей. Взрывы бомб унесли жизни двух турецких детей и их бабушек в Люблине. Пять турецких женщин погибли в Салингине. Это были не единственные убийства. Страна была в шоке. Началось пробуждение. Сотни тысяч демонстрантов вышли на улицы, протестуя против насилия: 300 тысяч в Мюнхене, 250 тысяч в Гамбурге, 300 тысяч в Эссене и 100 тысяч в Нюрнберге. Помимо демонстраций, в обыденной жизни немцы стали дистанцироваться от неонацистов: в парламенте, в школах. Многие пошли работать волонтерами в ассимиляционные центры. Другие стали пополнять ряды антифашистского движения.

Автономия и антифашизм

Автономисты были уверены, что среди правящей элиты страны находится много бывших фашистов, а в полицейских участках сидят тайные члены неонацистских организаций. Активисты, которые носили нашивки Gegen Nazis «Против Нацистов» не просто выражали этим свою политическую позицию. Эта нашивка была своеобразным вызовом скинхедам, поводом для драки. Таким поводом служили и высупления канцлера и призедента страны, политиков, которым и неонацизм не нравился, и иностранцы были не по душе. В

берлине во время их выступлений автономисты забросали лидеров страны яйцами, бомбами с краской и помидорами.

Не доверяя полиции, автономисты сами взялись защищать иностранцев. Они атаковали неонацистский сквот-центр в Лихтерфельде, пригороде Берлина (1990) и организовали контрманифестации во время неонацистских маршей. Антифа – так часто называют антифашистов – были одним из источников выступлений за мультикультурную Германию. Они устраивали компанию за голосование в поддержку прав иммигрантов и переселенцев, делали различные спецакции. Например, печатали листовки на нескольких языках, чтобы привлечь иностранцев в свои ряды. Большинство антифа групп были выходцами из антиимпериалистического течения автономистского движения (антиимп).

Примечательно, что одним из столпов правительства ГДР так же был антифашизм. Не стоит, видимо, объяснять какая, разница была между этими идеологиями. Автономистов-антифашистов отличала повышенная агрессивность. Ещё до падения берлинской стены, в марте 1989 года, около тысячи антифа требовали убрать республиканцев из списков кандидатов в депутаты. Полиция разогнала демонстрацию. 20 апреля – столетие со дня рождения Гитлера – антифа препятствовали проведению различных неонацистских мероприятий, посвящённых этому событию. Все эти акции, как правило, заканчивались потасовкой с полицией. СМИ обрушили свой гнев на антифа, обвиняя их в ниспровержении демократических принципов современной Германии. Даже TAZ защищала полицейских, утверждая, что антифа были «вооружены до зубов». Газета выступила против акций прямого

действия, используемых протестантами, и признала республиканцев демократически избираемой партией. TAZ, так же как и её собратья «зелёные» защищала существующую систему представительной демократии. Антифа были единственными, кто противостоял вхождению неонацистов в правительство. Поэтому им нужно было более эффективно самоорганизоваться. В мае 1989 года был учреждён Национальный Альянс Антифа, включивший в себя активные группы из 10 городов. Организационный комитет работал в 12 городах страны.

14 октября 60 женщин-антифа сорвали публичное выступление одного высокопоставленного республиканца. Охрана этого лица препроводила их в полицию, где с ними обошлись не очень ласково.

Когда у восточных немцев появилась возможность посетить западную часть Берлина, их взорам предстала удивительная картина. Перед зданием Рейхстага с разрешения властей стали собираться неонацистские группы. Автономисты силой заставили их убраться. Полиция выступила на стороне фашистов.

17 ноября в Геттенгене произошла трагедия. Женщина-автономист, уходя от преследования полиции, не справилась с управлением, и погибла в автокатастрофе. Магазины, банки и правительственные учреждения 30 городов страны подверглись нападению автономистов. 25 ноября более 15 тысяч активистов собрались в Геттенгене. В конце демонстрации 2 тысячи боевиков «Чёрного блока» атаковали полицейских. 90 стражей порядка оказались в больницах.

СМИ не отличали автономистов от неонацистов. И те, и другие, по их мнению, были поборниками насилия. Когда начинались схватки между автономистами и фашистами, правительство занимало «нейтральную» позицию. Разгромленные неонацистские сквоты в Дрездене и Франкфурте–на-Одере, вскоре были восстановлены. Запрет на издание нацистской литературы постоянно нарушался. Большинство фашистских изданий привозилось из США. Оттуда же поступала и солидная финансовая поддержка. Именно помощь американских расистов позволили крайне правым участвовать в дорогостоящих выборах.

На фоне участвовавших нападений на иностранцев началась всеобщая мобилизация всех сил антифашистского движения. В августе 1990 года нацистам города Вунзиделе было позволено устроить парад в честь годовщины самоубийства нациста Рудольфа Гессе. Когда антифа попытались помешать им, их атаковала полиция. 2 октября начались антифа демонстрации в других городах страны. В Берлине 2 тысячи автономистов прошли по Кройцбергу с плакатами: «Не повторится вновь!», «Заткнись Германия! Довольно!». Когда они подошли к Александрплатц, начались бои с десятитысячным контингентом полиции. Стражи порядка окружили демонстрантов. Сражение продлилось всю ночь. В Геттенгене около тысячи автономистов, маршируя с плакатами «Нацисты убирайтесь!», устроили настоящий хаос в центре города. Автономисты не аделили общенационального ликования объединённой Германии.

Антифа помогли иностранцам самоорганизоваться для самозащиты. После убийства афро-немецкой женщины в

Берлине в январе 1990 года, сформировался комитет «Чёрный Союз». 16 ноября был убит 20 летний республиканец, после того, как он и его сотоварищи напали на трёх турок в вагоне метро. Начиная с 1987 года, банды турецкой молодёжи активно участвовали в уличных боях автономистов, иногда огорчая их излишней горячностью. В Франкфурте и берлине эти банды приняли отчётливо субкультурные формы, которые определили их вхождение в немецкую культуру. Несмотря на то, что автономное движение активно включилось в борьбу с фашизмом, они не забывали о защите своих «свободных территорий». Спустя 10 лет с момента появления первых сквотов (1980), началась новая волна захватов пустующих помещений.

Битва за Майнцерштрассе

Сразу же после падения берлинской стены у автономистов появилась прекрасная возможность распространить своё влияние на Восток. Сотни пустующих помещений ожидали их заселения на новых неосвоенных территориях. Ещё до появления товарищей с запада, сквотеры восточной части города захватили 17 пустующих домов. Несмотря на то, что они были тут же легализованы, начало нарушениям владений было положено. Выходцы из Кройзберга придали борьбе на нелегальный характер. 30 апреля они заняли целый жилой массив – 12 заброшенных многоквартирных зданий на Майнцерштрассе. Эти пятиэтажки были приготовлены к сносу. По одному зданию заняли женщины и геи. Хватило места для кинотеатра и книжного магазина. Там же разместились несколько баров и кафе. Великое сквотерское переселение в Terra Incognita продолжалось несколько месяцев. Большинство сквотеров были

боцами старой закалки. Сквотерское движение вскоре охватило Эрфурт, Магдебург, Постдам, Халле, Лейпциг и Дрезден. Вот как описывал один калифорнийский активист то, что происходило в Берлине: «Более тысячи сквотеров – в основном выходцы из Германии, но были так же ребята из Италии, Канады, США, Японии, Перу и т.д. – заняли старые разваливающиеся здания. Посредством их чистых помыслов и самоотверженной борьбы, развалины превратились в приемлемое жильё с коммунальными кухнями, библиотеками, кафе. Более того, – в коммуны! Живую и разноцветную коммуны, в которой геи и лесбиянки не чувствуют себя изгоями, в которой анархисты спорят о политике и готовят свои будущие акции...95% этих людей нигде не работают. Удивительно как вообще они умудрились сделать из этого гавна конфетку...Коммунарская жизнь не организована здесь на силе и уличных боях. Тысячи часов они посвящают поиску, вхождению, ремонту, мытью, планировке, поиску денег, борьбе с бюрократами, покраской и всеобщей вечеринке».

24 июля регуляция жилищного фонда достигла пределов Восточной Германии. Это значит, что Berliner Linie – жёсткая политика чистки сквотов в течение календарных суток и принуждение к ведению переговоров на условиях властей – теперь распространилась на весь Берлин. Меры властей заставили сквотеров ещё сильнее сплотиться. Более 80 сквотов организовали Переговорный Совет, который вступил в полемику с властями. 3 месяца переговоров ни к чему не привели и 8 октября власти прекратили дискуссию. В ноябре сквотеры ещё раз попытались решить проблему мирным путём, но власти пошли другим путём. Они выступили за подписание индивидуальных контрактов, что не входило в планы коммуны. 12 ноября в 7 часов утра в

окрестностях Майнцерштрассе были выселены три сквота. Автономисты, протестуя, прошли через весь город, скандируя: «Особождайте заключённых, а не наши дома!». Когда активисты вернулись на Майнцерштрассе, здесь их уже ждала полиция и водомёты. Копы применили слезоточивый газ. Водомёты били по домам, находящимся по обеим сторонам улицы. Пострадали не только сквоты, но и обычные квартиры. Одной семье с больным ребёнком пришлось даже эвакуироваться. Глава администрации квартала Хелиос Мендебуру попытался вразумить полицию, но, получив свою порцию слезоточивого газа, был смыт водомётом с улицы.

Автономисты приступили к созданию оборонных сооружений. На улице появились баррикады, траншеи и рвы. В то же самое время ими была созвана прессконференция, на которой они заявили, что коммуна готова вести переговоры. Сквотеры пообещали, что баррикады будут демонтированы только в том случае, если полиция покинет этот район, а власти дадут слово чести, что копы больше сюда не вернуться.

Полиция приступила к штурму без предупреждения. Помимо водомётов полицейские применили новые виды слезоточивого газа: CS и CN. Группа известных политиков города – социал-демократы, альянс 90/Зелёные, Партия демократического социализма и AL – попытались встать живым щитом между баррикадами и полицией. Их постоянно смывали мощным напором воды, но они вновь и вновь возвращались на свою позицию. Наконец, полиция отступила и начала переговоры с известными гражданами города. Сквотеры стали разбирать свои баррикады и готовиться к переговорам. Очередная прессконференция обнародовала документы, в которых

говорилося о том, что автономисты прекратят сопротивление только после того, как власти предоставят им гарантии безопасности от вторжений полиции в сквоты. Ни одно заявление сквотеров не появилось в печати.

В 17 часов следующего дня тревожная весть достигла Майнцерштрассе. Более 3 тысяч полицейских послано на новый штурм сквотов. Полиция Берлина получила подкрепление: различные тактические полицейские подразделения, которые использовались в ФРГ, а так же спецназа SWAT. Бывшая народная полиция ГДР – Volkspolizei (Vopos) – была недееспособна.

Произошёл забавный случай. Воросы выселили один женский сквот. Они закрыли дверь и выставили караул. Женщины обошли дом с другой стороны и заняли его вновь, проникнув в помещение через крышу. Сквотеры повесили табличку на стену: «Полиция 1. Сквотеры 1». Полиция просто ушла. У них был приказ выселить автономистов только один раз!

Автономисты продолжали укреплять Майнцерштрассе: углубляли рвы, усиливали баррикады. Плакаты извещали о том, что «Где останавливается Государство, там усиливается жизнь!» Сквотеров поддерживало множество сочувствующих. Так, один архитектор объяснял им правила рытья оборонительных рвов, так чтобы бронетехника не могла их преодолеть. Рабочие-строители обучали коммунаров, как нужно использовать отбойные молотки и экскаватор. Один сосед выставил в окно динамики и крутил на всю улицу бодрящую музыку.

В 3 часа 45 минут в подвале одного сквота начался пожар. Улица наполнилась активистами, которые пытались его потушить. Дозвониться в пожарную часть долго не получалось. Телефон не работал. В конце концов, сквозь расчищенные баррикады

проехали пожарные машины. Надо отметить, что сразу же после того как пожарные машины уехали, телефон заработал вновь. В 6 часов в пелене дыма появилась полиция. Несмотря на запрет, полицейские применили резиновые пули, сбивая сквотеров с крыш домов. Пожар в подвале вновь разгорелся, но на этот раз пожарные отказались помогать, так что сквотерам пришлось приложить немало усилий на то, чтобы его потушить. Один из водомётов попытался им помочь, но его вскоре переместили на борьбу с баррикадами. Бой был в самом разгаре. Бронетехника отбуксировала застрявшую в траншее бронемашину. Снайперы расстреливали сквотеров, засевших на крышах. Те же, в свою очередь, забрасывали полицию бутылками с зажигательной смесью, булыжниками и железными прутьями. Раненые были с обеих сторон. Санитары в противогазах и белых шлемах с красными крестами работали с той и другой противоборствующей стороной.

Несмотря на ожесточённое сопротивление, битва закончилась через три часа. Итог: 130 полицейских ранены, 417 сквотеров арестованы, а затем жестоко избиты. Так что понять кто когда был ранен из них, было невозможно. Ущерб оценивался миллионами марок.

СМИ сделали из этого события настоящую сенсацию: «человек против человека, метр за метром, этаж за этажом». Мэр Берлина оправдывал беспрецедентное использование силы против автономистов. Он заявил, что сквотеры «готовы были совершить убийство». Полиция сообщала о найденных в одном из сквотов пистолете и Super-Molli, который якобы был способен поджечь бронетехнику. Сквотеры использовали разнообразные средства защиты от полицейских, но о пистолете слышали впервые.

Несмотря на то, что заголовки газет пестрели словами: «Мужчины против мужчин», на баррикадах сражались 111 женщин, впоследствии арестованных.

В ту ночь по улицам Берлина прошли 15 тысяч человек, протестуя против действий властей. Даже епископ римской католической церкви Брандербурга сожалел по поводу неадекватного использования силы стражами порядка. Он уверял всех в том, что «насилие такого рода, однажды начавшись, вскоре становится повальным увлечением». Даже профсоюз полицейских осудил деяния своих коллег: «135 раненых полицейских, непредвиденные грабежи и разрушения стали результатом порочной практики секретной полиции». Газета старого коммунистического режима Neues Deutschland выступила против «грубого полицейского террора», добавляя, что действия полиции ГДР в октябре 1989 года были подобны «слёту бойскаутов» по сравнению с насилием на Майнцерштрассе.

На следующий день началось контрнаступление. Автономистские группы заняли государственные учреждения в Берлине. Начались забастовки студентов гуманитарных институтов и факультета психологии Свободного Университета. Студенты надевали маски и анархические нашивки, парадировав высказывание мэра Берлина о том, что «сквотеры готовы убивать». Они преграждали путь всем, кто пытался проникнуть в здания этих Вузов. Акции протеста прошли ещё в 10 городах Германии.

Порожение автономистов на Майнцерштрассе охладило дух сквотерского сопротивления. Солидарное противодействие властям сменилось переговорами отдельных сквотов и индивидуалов с городскими чиновниками. Месяцами не

собирался сквотерский совет. Дальнейшая деморализации произошла после оглашения приговоров арестованным активистам. Изменения произошли и в коалиционном правительстве Берлина. После событий на Майнцерштрассе она попросту развалилась, так как многие депутаты от AL являлись сквотерами.

Два депутата от AL, заседавших в горсовете, были схвачены полицией на баррикадах. На правах парламентской неприкосновенности они были вскоре освобождены. 11 депутатов от AL на своём собрании решили расстаться с социал-демократическим движением.

Объединение Берлина изменило культурно-политический ландшафт города. Если раньше Кройзберг был самым дальним концом Западного Берлина, то после падения берлинской стены он очутился в самом его центре не далеко от Рейхстага и Потсдамской площади. Многие здания не вписывались в архитектуру нового города, и их постепенно стали сносить и перестраивать. Не полиция уничтожила сквоты, а безликие механизмы рынка. Автономисты все же пытались сохранить свою независимость, и их акции в квартале приобрели ярко выраженный антиипповский характер. Постепенно за автономистами закрепилось название «мафия квартала» (Kiezmafia). Пытаясь создать мёртвые зоны «для спекулянтов и йиппи-свиней», группы автономитсов провели ряд компаний против джентрификации Кройзберга. Они устраивали акции вандализма в фешенебельных ресторанах специального обслуживания часто разбрасывая в них экскременты поджигали крутые автомобили стоимостью свыше 40 тысяч долларов. Полиция не была готова к борьбе с подобными правонарушениями, хотя бы уже потому, что круг подозреваемых

был невероятно широк. Согласно официальным данным в Кройзберге насчитывалось более «1200 агрессивно настроенных автономистов».

В начале февраля 1993 года около десятка автоонмистов прервали выступления одного из теоретиков французского неонацизма. Они избили его, проводив пожеланиями подальше держаться от города. Через месяц другая группа активистов проникла в маленький кинотеатр «Спутник» и, нейтрализовав киномеханика, уничтожила плёнку с фильмом «Террор 2000», который считался в левацких кругах «сексистским и расистским». Хозяин кинотеатра был предупреждён, что если его вкусы не изменятся от его кинотеатра камня на камне не останется. Автономисты практиковали гражданский луддизм. Их акции были одной из форм гражданского неповиновения. Многие автономисты верили в то, что чтобы жить так, как они хотят необходимо уничтожить машину общества потребления. Нужно постоянно бороться со всеми силами, которые пытаются колонизировать жизнь их коммуны.

Противоречия автономии

Только человеку непосвящённому могло показаться, что в сквотах Кройзберга ютились радикалы-экстремалисты, сторонники жёсткой линии. На самом деле во многих новых коммунах жили студенты и безработная молодёжь, которой просто негде было жить. В городе, где квартиры стоили десятки тысяч долларов, а арендная плата подскочила вдвое прежней, переезд в бесплатный сквот было нормальным явлением. Эти люди стремились не рисковать и при первой же возможности шли на контакт с властями. Таких сквотеров называли «оппортунистами». Были и

такие сквотеры, которые выступали против мажоризации квартала. Так, сквотеры Потсдама выдвинули требование, которое получило поддержку общества. Они призвали защитить старый квартал города, выстроенный в стиле барокко. Это требование стало причиной занятия активистами зданий предназначенных к слому. Среди политизированных сквотеров здоровый скептицизм по отношению к собственной деятельности был настолько силён, что многие отказались даже характеризовать себя как движение, указывая на многочисленные примеры оппортунизма в среде сквотеров. Вот как один активист высказался по этому поводу: «Пока оппортунисты у нас сильны – это не движение. Когда государство под мощным давлением отнимает у нас дома, многие просто сдаются». Он объяснял появление новой волны сквотирования результатом падения коммунистического режима и глобальным перераспределением власти, проводимой Горбачёвым. Это не было обновлением движения. Оно не шло изнутри. Падение берлинской стены стало беспрецедентным шансом для сквотерского движения проникнуть на Восток. Но холодный душ репрессий охладил надежды активистов, которые они связывали с радикальным потенциалом восточных немцев. В 1990 году для многих радикалов сквоты были, прежде всего, «освобождёнными зонами», «органами революции двойной силы» и «пусковым механизмом в разрушении государства и системы». Но в то время достижения автономности были очень скромны. По крайней мере, сквотинг акцентировал больше внимание на попытке жить отдельно. Лучше быть членом коллектива, чем жить одному или в патриархальной семье. В семью сквотеров входили карикатуристы (известны Франциск Беккер и Сэйфрид), мастера стенной живописи, политические рок-группы,

архитекторы и артисты различных жанров. Эти коллективы противостояли обществу благоденствия. Группы сквотов объединяли людей, которые каким-либо образом пострадали от различных форм отчуждения. В маленьких городах Германии маленькие сквотерские автономные центры играли важную роль в воспроизводстве движения.

Вот листовка, нарисованная одной из вновь образованных групп после захвата ими помещения в городе Майнц: «Нам нужен дом, в котором мы могли бы создать нашу собственную некоммерческую и не обусловленную культурой и реализовать концепции нашей политической работы. Без контроля или осуждения! Нам немедленно необходим центр, в котором бы существовала возможность работать, где были бы кинотеатр, театр, в котором бы проходили концерты и дискуссии, в котором бы создавалось жизненное пространство группы. Высокая арендная плата, недостаток жилья в университетском городке Майнца является той самой причиной, побудившей нас создать жизненное пространство...». Помимо указанных альтернативных образований сквотеры создали ещё студии звукозаписи и репетиционные залы для групп, магазины, бары, книжные лавки, открытые публичные пространства для геев и лесбиянок.

Сквоты были базисом для автономной культуры и политики. Сквоты, которые боролись и победили в 1980 – 1990 годах, воплотили в себе коллективную форму жизни, которая отрицала атомизацию современного общества. Их структура находилась вне рамок «нормальных» иерархических отношений. В то время, как по всей Германии росли проявления расизма и ксенофобии, в сквотерских свободных анклавах мирно сосуществовали различные расы и национальности, граждане Германии и иммигранты. Для многих сквотеров коллективная жизнь была не просто наслаждением и увлечением, но необходимость настолько сильная, что они часто предпочитали

оставаться бездомными, чем переезжать в изолированные квартиры.

Например, после выселения сквота на люббенеширтрассе, члены группы жили в палатках на Лаузитцер Плац, несмотря на сильные декабрьские морозы. Одна из коммунарок была беременна. Когда член горсовета предложил ей пожить в квартире с душем, она отказалась, сказав, что готова это сделать только со всей группой. Это была как раз та группа, которая потом активно боролась, защищая сквот в Восточном Берлине на Брюннеништрассе № 7.

Не смотря на заявления об установлении «свободной зоны», сквоты, тем не менее, не были свободны от внутренних проблем. Некоторые активисты навязывали единую политическую линию и пытались разрушить различия. Два простых примера: принудительная манера одеваться во всё чёрное и обязательное политически одобряемое применение насилия по отношению к полицейским. Часто возникали межсквотовские конфликты. Например, рок-группа одного сквота переусердствовала на репетиции и оставила без света соседний сквот. Некоторых автономистов обвиняли в применении насилия по отношению к женщинам.

С 1987 по 1989 год известно три таких случая. В Билефельде один антифа изнасиловал женщину. В Дизберне другой автономист изнасиловал трёх женщин в течении двух лет. На судебном процессе его друзья-автономисты заявили, что «Миша, прежде всего, наш товарищ». Летом 1988 года в Дюссельдорфе группа женщин опубликовала «зелёную листовку», в которой указывались имена пяти мужчин-автономистов, совершивших недостойные действия против женщин, включавшие изнасилования и психологические нападки. После этой публикации этот сквот покинули все мужчины, и коммуна стала сугубо женской.

Между мужчинами и женщинами начались перепалки. Так, мужчины обвиняли женщин в том, что они использовали

«классическую модель подавления». Они писали на них памфлеты, рисовали карикатуры. При этом они как-то забывали о совершённых их товарищами насилиях по отношению к слабому полу. Обвиняемых они превращали в жертв. Автономная среда осудила этих мужчин. Подобный пример иллюстрирует то, что проблема сексизма до сих пор существует в движении. Слишком много автономистов живут ещё среди тех стереотипов, которые движение пытается уничтожить. В то же время был поднят другой вопрос. Появилась потребность в создании «центров двойной силы», которые могли бы стать альтернативой институтам традиционного «правосудия». Необходимо развить такие императивы в среде автономистского движения, которые сумели бы разрешить многие специфические внутренние противоречия без посредничества государственных органов. Так, подобные альтернативные суды чести могли бы помочь в разраставшемся конфликте между антиимпериалистами и группами, ориентировавшимися на местные проблемы. Этот конфликт часто принимал непримиримый характер. К сожалению, примирительных альтернативных органов в движении не существовало. Внутренняя конфронтация вскоре переросла в параною, которая изолировала движение и фрагментировала её членство. Не смотря на то, что оставалось ещё много активных автономистов, издававших газеты и журналы, работавших в альтернативистских образованиях, большая доля автономистов отошла от движения. Были даже такие, кто публично обвинял своих бывших товарищей во всех смертных грехах и читал лекции полицейским, в которых автономистов сравнивали с фашистами. Вымывание активистов происходило так же и при помощи

легализации. Мало кто из «старой гвардии» остался верен своим взглядам.

В 1980 году TAZ подверглась жестоким репрессиям. Её редакторы обвинялись «в призывах к бунту». Несколько раз номера газеты изымались из киосков по всей стране. Поколение автономистов девяностых годов уже не воспринимает эту газету всерьёз. Она просто выродилась.

Отличие двух поколений активистов заметно в различии их систем ценностей. Так, существовала проблема отношения активистов к аутсайдерам, к «другим». Атаки автономистов на дорогие автомобили и рестораны в Кройсберге дали повод СМИ обвинить активистов движения в попытке установить контроль над частной жизнью граждан среднего класса. Их упрекали за то, что они насильственно запрещают людям жить так, как они хотят. И внутри движения эти действия часто осуждались. Считалось, что это деполитизированная форма сопротивления атомизации потребительства, а не бунт против системы производящей массовое потребление.

(Анти)Политика автономистов

Почти все революционные социальные движения XX века пытались захватить политическую власть либо посредством выборов, либо с помощью насилия. Цель автономистов – преодолеть пределы системы нация-государство, а не захватывать в ней власть. Автономисты просто безразличны к тому, что принято называть словом «политика»: голосование, выборы, формирование партий и т.д. Так можно ли говорить о политике автономии? Утвердительный ответ заключён в переоценке самой политики, ведь гражданский луддизм и конфронтационные демонстрации являются формами политических акций.

Хотя автономисты никогда не унифицировали идеологию, и никогда не существовало манифеста автономии, они всегда стремились внести определённую ясность, утверждая, что борются они «не за идеологию, не за пролетариат, не за людей, а за политику личности». Они стоят за самоопределение и желают «упразднения политики», а не лидерства какой-либо партии. Они хотят разрушить существующую социальную систему, потому что считают её причиной «негуманности, эксплуатации и ежедневной рутины».

Автономистов трудно загнать в какие-либо рамки. Это не партия, не движение. Их расплывчатый статус растривает тех, кто пытается быстро и легко классифицировать их. Их можно увидеть на демонстрациях в рядах «чёрного блока», в «автономных ассамблеях», которые они регулярно организуют или в различных компаниях, но у них нет фиксированных организаций или популярных ораторов. СМИ называют их «анархистами». Их политическая территория лежит где-то между зелёными и RAF, где-то между парламентским представительством и партизанской борьбой. Для TAZ они были «наследием радикализма» восьмидесятых годов. В 1986 году шеф гамбургской полиции описывал автономистов как часть пост-новых левых 68 года, которые отказываются принимать основные положения марксизма-ленинизма. «Их развитие было усилено новой мощью экологического движения...Они выступили за спонтанность, самоорганизацию и автономию». Он так же отметил их отказ признавать лидерство и недостаточную последовательность их теории. В начале 1990 годов один социолог определил их как «смешанный продукт различных движений, таких как спонти, индейцы метрополии, инициативы

солидарности с осуждёнными активистами, сквотеры, антиядерные движения». Часто, по его мнению, в среде автономистов вращалась так же маргинализованная и абсолютно аполитичная молодёжь». Другое определение фокусируется на тактике движения: «Автономисты не более чем всеохватывающая категория; они отдают предпочтение небольшим хорошо организованным кружкам целенаправленных политических активистов и высоко рассеянному идеологическому спектру воинственного протеста... Автономисты выступали за свободный выбор форм сопротивления...».

Сами автономисты не особо утруждали себя теоритической самоидентификацией. Radikal, один из журналов автономистов, так высказывался по этому поводу: «Изначально мы считали себя анархистами, спонти, коммунистами или имели расплывчатые индивидуальные концепции свободной жизни. Уже потом мы все стали автономистами». В 1982 – 1983 годах, когда различные новые социальные движения прошли наивысшую точку своего развития (сквотерское, антиядерное движения, движения за мир), группа гамбургских автономистов организовала ряд общенациональных собраний, на которых обсуждалось будущее движения. Вот к каким выводам они пришли: «Стремление к автономии есть прежде всего борьба против политического и нравственного отчуждения от жизни и труда, против функционализма внешних интересов, против интернационализации морали наших врагов... Конкретизация этих стремлений видна в образующихся сквотах, где люди живут гуманно и не платят арендную плату... Её можно заметить в набегах безработных на супермаркеты... потому что они не согласны с абсурдными требованиями профсоюзов увеличить

рабочие места, которые ввергают людей в объятия угнетения и эксплуатации. Везде эти люди саботируют, изменяют политическую мораль и технические структуры власти. Это шаг к самоопределению».

В 1995 году в Берлине две тысячи активистов собрались для того, чтобы обсудить перспективы автономистского движения в XXI веке. Одной из главных тем стало понятие «автономия». Не смотря на обилие версий, никто даже не удосужился разобраться в том, что же такое «автономная политика», определение которой помогло бы объяснить само слово «автономия». Неопределённость термина «автономия» является одной из определяющих особенностей данного движения. Это грань их непостижимой анонимности, которая допускает существование широкого круга фактов и мнений на сей счёт. Можно ли определить их по тому, что они отрицают общество потребления? Являются ли они широкой формой антисистемных движений в ядре мировой системы? Является ли их гражданский луддизм продолжением борьбы разрушителей машин в Англии? Ответьте сами на эти вопросы.

Сотни, иногда тысячи, людей участвовали в анализе и изучении автономных движений. Их теория не является продуктом академических исследований отдельных активистов-интеллектуалов. Эти исследования часто концентрируются на анализе специфических проблем. Вот названия некоторых из их наиболее значимых заявлений, подтверждающих прагматический характер их теоритической работы: «Газета Лупус против ритуализации насилия»; «Rote Flora (сквот-центр в Гамбурге): коллективная критика алкоголя». На берлинской конференции 1995 года материалы автономистов включали следующие темы:

секциям о взаимоотношении между панками и критической теорией (Адорно и Хоркхаймер), пересмотр роли насилия, мужчины против патриархата, политика наркотиков. Неформальное взаимодействие практики и теории, акций и идей, изобилие расходящихся точек зрения не давали активистам движения сконцентрироваться на всеобъемлющем исследовании собственного движения. Сопротивление централизму, лидерству и однородной теории часто считалось слабостью в их среде. Многие автономисты считали подобную децентрализацию благом, хотя бы потому, что в этом случае полиции будет трудно их поймать, а альтернативным инициативам было бы проще реализовываться.

Многие коллективы общались между собой посредством журналов, газет и брошюр, издаваемых более чем в 50 городах, а так же с помощью целой сети неформально связанных между собой информационных центров. Большинство инфоцентров имели свои архивы, в которых хранились материалы, содержащие сведения о местной борьбе. В различные дни недели они служат местом встреч различных групп и течений движения. Во многих инфоцентрах стояла копировальная техника, так что здесь можно было легко копировать информацию из дорогих книг и журналов. В этих местах не просто бесплатно распространялась информация, здесь так же зарождались новые инициативы и, вообще, формировалось движение. Информация соединяла идеи и действия.

Большую роль в интеграции движения играли так же и другие альтернативные СМИ. Видеоколлектив «Автофокус» (Берлин) помогал преодолеть фрагментацию движения, собирая видео материалы по всему миру. Низкая цена их видеопродукции позволяла группам создавать собственные видеофильмы. Видео

сборник «Автофокуса» можно было взять на ночь, скопировать или использовать для общественной работы.

Международные ассоциации объединялись инфоцентрами Германии, Норвегии, Дании, Швеции, Голландии, Бельгии и Швейцарии. Устраивались международные конференции (Вена, июнь 1992). Британская анархическая организация «Классовая война» устроила международный конгресс. То же самое произошло на Хафенштрассе в Гамбурге и Эстере в Берлине в 1995 году. Во многих городах сквотерские и легальные центры автономистов существовали для дальнейшего расширения пространства сети движения. Одним из самых крупных центров был Меерингоф в Берлине - огромное здание с внутренним двориком. Здесь размещались женский центр, конференц-зал, театр, кафе - книжная лавка, танцевальный зал и бар. На Хафенштрассе были народная кухня и бар с дискотекой, там же работало кафе турецких активистов. Гамбургская Die Fabrik, Копенгагенский Ungdomhuis (Молодёжный Дом) и Амстердамский Дворец Бунта так же были центрами, в которых существовало особое пространство для активистов. Так же как и женские центры 1970 годов, эти места сборов являлись альтернативной формой организации, которая обеспечивала большую гибкость и децентрализацию общественной работы, чем в традиционных централизованных организациях. Это так же помогало движению легче переносить тяготы государственных репрессий. Горизонтальная (скорее круглая) коллективная структура автономного движения облегчала проведение дискуссий и акций. Их источники были многочисленны и разнообразны, а одобрение зависело от согласия многих, а не от директив свыше. Подобная структура автономных движений

облегчала индивидуалам принимать решения и политически развиваться.

Центром кристаллизации движения было некое активное ядро: коллективы, комитеты действий, коалиции, сквоты, коммуны активистов и даже иерархически организованные группы с прочным идеологическим фундаментом. Совместно с индивидуалами не входящими в ядро, они создают базу для своей практической работы. Далее они переходят на другой уровень – сцена – их политико-культурное повседневное средство существования. Альтернативные образования, с их неявным политическим содержанием, являются частью этой сцены: кафе, музыкальные клубы, уличные тусовки и парки. Ядро окружено активными и пассивными сторонниками. Первые непосредственно участвуют в акциях и компаниях движения. Последние – выписывают автономистскую прессу, исследуют это движение, распространяют автономистские идеи в своих коллективах.

Теоритические установки, нацеленные на обобщённые объяснения, не являются сильной стороной автономного движения, но отдельные активисты имеют сложные представления об истории радикальной политики, о международной экономике, о патриархальных формах сексуальности и взаимоотноениях полов, о расизме и ксенофобии. Хотя активисты неприязненно относятся к «научному» анализу, теоритические вопросы всё же обсуждаются на страницах неформальной прессы. Подобные дискуссии проходят по всей стране. Они больше ориентированы на практические действия, чем на идеологию. Никто не приказывает автономистам придерживаться строгих идеологических рамок, поэтому их идеологическое сознание намного глубже. Оно не несёт в себе

некой стандартизации, как, например, у членов различных партий.

Нормы и ценности движения помогают избежать наихудших сторон догматического понимания истории. Так, в автономистских изданиях универсальной практикой является подписание статей псевдонимами. Читатель имеет возможность самостоятельно разобраться в том, что здесь «его», а что нет. Без оглядки на авторитет автора. Здесь нет сугубо «анархической» или «антиимпериалистической» позиции, так как личность автора неизвестна. Немецкие автономисты делают всё возможное, чтобы избежать появления лидерства в движении. На демонстрациях ораторы либо выступают в масках, либо находятся вне поля зрения масс. Иногда бывает странно слышать голос и не видеть выступающего. Таким образом, ни полиция, ни правые, ни журналисты не могут идентифицировать выступающего оратора и определить реального лидера. Когда СМИ фокусируют своё внимание на каком-либо индивидуале, коллективу или организации это приносит явный вред, а иногда это даже способно уничтожить организацию. Бегство в ананимость показывает, что движение противостоит не только существующей системе богатства и власти, но и выступает против любого проявления отличительного статуса. Для многих людей радикальное неприятие идеологии предполагает повышение прагматических ценностей и отделения активизма от теории. Теория как бы растворена в акциях автономистов. Она не является замороженной идеологической субстанцией, которая предшествует этим акциям. Подготовка к акциям, их проведение и неоценимый, часто длительный, процесс душевного поиска вовлекают в себя всю теоритическую рефлексю. Гибкость акций

видна в той молниеносной оперативности активистов, их моментальной реакции на самые злободневные события. Когда неонацисты устраивают погромы. А полиция никак не реагирует на их действия, автономисты способны мобилизовать сотни активистов в течение нескольких минут для охраны иностранцев. Подобная способность в равной степени бороться и против властей и против правых является великой силой автономистов.

После объединения Германии движение переориентировало свою энергию на борьбу с проявлениями неонацизма. Многие неонацистские демонстрации, разрешённые полицией, были пресечены автономистами. Четыре немецких антифашистских издания квалифицированно разоблачили политику Новых Правых, помогая правильно определить направление удара. Основой компании стали 130 сквотов в старой восточной части Берлина. Несмотря на неудачи в битве за Майнцерштрассе и потерю доверия со стороны простых граждан, им удалось организовать широкий антифашистский фронт. Тысячи людей включились в эту борьбу.

Если в Италии автономное движение нераздельно было связано с рабочим классом. Сказать то же самое о немецких рабочих нельзя. Ортодоксальные марксисты и анархисты критиковали автономистский метод принятия решений за его излишнюю «спонтанность». В нём, по их мнению, не было организованного направления и «сознательного элемента». В диалектических отношениях между движениями и организациями самый животрепещущий вопрос – вопрос участия. Организации, которые навязывают внеперсональные структуры в коллективные движения, не могут вовлечь в свои политические компании массы людей. Сектанство, с его приверженностью точно выверенному

курсу, нежизнеспособны. Со времён Новых Левых современные социальные движения подтверждают очевидность спонтанного проявления различных форм участия. Только акция указывает путь автономисту, а не стирильное созерцание её возможностей или категоризация того, что с ней происходило раньше. С тех пор как СМИ сфокусировались на воинственной тактике движения, а не на её неизученной внутренней динамике, общество стало рассматривать автономную политику призму её деяний. Воинственная оппозиция ядерной энергетике и захват и оборона сквотов были теми событиями, которые гальванизировали движение. Их способность идти по лезвию бритвы во время конфронтаций с властями неизменно способствовали радикализации десятков тысяч человек.

Конфронтационная политика усиливала политические дебаты в Германии, заставляя правящие партии менять их политику и программы. Это усиливало, в свою очередь, процесс участия многих людей в фундаментальных общественных преобразованиях. Сопротивление локальным вторжениям системы в автономное пространство вовлекло в ряды автономистов тысячи новобранцев.

Внутри широких компаний роль автономистов заключалась в том, что они стремились переориентировать акции на проведение более жёсткого курса. В своём докладе за 1989 год немецкая федеральная полиция так описывала эту роль автономистов в развитии антиядерного движения и движения против генной инженерии: «Как только начиналось движение протеста, главным образом автономисты и другие «Новые Левые» стали стремиться к прямому сопротивлению против «системы»...».

Автономисты всегда старались жить согласно новым нормам и ценностям. Они наполняли ими всю свою повседневную жизнь. Автономисты пытались превратить изолированных индивидов в членов коллектива, в котором могли быть созданы эгалитарные взаимоотношения, отношения, которые низвергали бы все проявления патриархальной жизни: родители – дети, муж – жена, одиночки – пары. В условиях иерархий традиционных политических отношений (законодатель – законоисполнитель, лидеры – последователи, медиа-звёзды – медиа-потребители) они боролись за политические взаимодействия, в которых эти роли ниспровергались. Их коллективные формы, направленные против атомизации, их активизм трансформировали пассивность потребительского зрелища. В их повседневной жизни автономистов окружали самые разные люди: иммигранты, геи, лесбиянки, «другие», да и на самом деле для многих немцев сами автономисты были «другими». Их самоопределение отрицало всепоглощающее отчуждение от продуктов труда. Они искали способы самовыражения каждого человека, ориентируясь при этом на его склонности и способности. Большинство автономистов были частью различных групп. Они создавали горизонтальные связи между коллективами, советы, способные координировать локальные акции и интегрировать разнообразные силы движения во всеобъемлющие сферы мышления и действия.

Автономы и зелёные

Многие зелёные симпатизировали идеям феминизма (одной из автономистских форм эгалитаризма). Но были и такие в их среде, кому эти идеи были не по душе. И это не было связано с тем, что зелёным приходилось участвовать в управлении страной.

Как и все парламентские группы, зелёные стремились создавать законопроекты и распределять средства различных фондов в целях укрепления базы их широкой поддержки. Необходимость заставила зелёных войти в иерархию государства как бы в двух измерениях. Так, чтобы исполнять свои правительственные обязанности, они должны подчиняться диктату вышестоящих чиновников. Внутри самой партии кто-то из зелёных сидит в парламенте, большинство на него только взирают со стороны. Миллионы платят свои членские взносы и голосуют за малую толику своих товарищей, которые будут потом осуществлять партийную политику в парламенте. Эти иерархические императивы были освоены зелёными ещё до того, как появилась их партия. История партии зелёных – это постепенное развитие их взглядов от «антипартийной партии» к третьей партии Германии. Несмотря на то, что зелёные выросли из той же самой среды, что и автономисты, со временем эти формации разбрелись по разным дорогам, и теперь мало кто из немцев может найти между ними что-то общее.

В сравнении с парламентскими партиями, участвовавшими в выборах, ранние зелёные были явлением уникальным. Они манифестировали многие из положений Новых Левых и новых социальных движений. Действительно зелёные выросли на этой почве. Это партия совершила все возможные ошибки, которые всячески избегали автономисты. За 10 лет они изменили идею прямой демократии, полностью подчинившись традиционным нормам. Элита зелёных с презрением высказывалась насчёт автономистских взглядах своих «низовых» членов. По мнению зелёных боссов, это был настоящий «зелёный ад, такой же опасный, как и тропические леса Амазонки». Так озаглавливалась

одна из заметок Ёшки Фишера, написанной им в 1983 году, задолго до перерождения зелёных.

Партийные боссы любили давать интервью различным СМИ. Среди них уже были медиа-любимцы, велеречивые и очень популярные звёзды телеэкрана. Они довершили дело. Зелёные полностью слились с системой. Зелёные теперь третья по величине и значимости партия Германии, с довольно известными лидерами, один из которых занимает пост вице-президента Бундестага. В предвыборной борьбе на национальных, государственных и местных выборах они легко преодолевают 5% барьер. Если в 1983 году в их рядах было 25 тысяч членов, то к 1990 году эта цифра почти удвоилась. Ежегодные сборы партии составляют около 42 миллионов марок.

В начале 1982 года внутри партии разгорелись споры между фундаменталистами и реалистами. Этот спор длится до сих пор. Крыло фундаменталистов (фанди) выступает за то, чтобы партия всегда являлась парламентской оппозицией. Они выступают против каких бы то ни было коалиций с другими партиями. Только это, по их мнению, может сохранить чистоту антипартийных принципов партии, направленных на фундаментальную трансформацию политических и экономических структур мировой системы. Они свято верили в то, что основные общественные антиэкологические решения были продуктом корпоративной администрации и правительственных бюрократов, а не wybranными депутатами. Фанди больше интересовались подготовкой широкомасштабных компаний и радикальных акций, чем предвыборной гонкой. Парламентская работа, по их мнению, была лишь одной из многих видов партийной деятельности. Фундаментальная оппозиция в

парламенте и невхождение в существующие структуры системы на фоне «низовых» компаний – вот основная посылка фанди. Так считала одна из самых ярких представительниц этого крыла Петра Келли. Она призывала к ненасильственной глобальной генеральной забастовке, направленной на искоренение милитаризма и войн. Она отстаивала чистоту фундаментализма до конца своих дней (её убили в 1992 году). Другой фанди, Рудольф Бааро, один из основателей партии, бывший узник ГДР, утверждал, что зелёные представляют интересы безголосых животных и растений, и выступал за партию, которая бы включила в свои ряды «людей доброй воли».

Реалисты (реалы) отстаивали возможность действовать прагматично в текущей политической и экономической обстановке. Привлекая на свою сторону представителей среднего класса, женщин и молодёжь, они надеялись обеспечить движение широкой поддержкой населения в экономической реструктуризации Германии. Неудачи левых партий Германии не сумевших заручиться широкой поддержкой населения, указали реалам на необходимость реформирования существующей системы. Они пытались составить программы, ориентированные на региональное планирование и краткосрочное улучшение специфических кризисов, связанных с обширными структурными проблемами, такими как ядерная энергетика и патриархат. Они так же стремились достичь национального консенсуса по вопросу необходимости создания нового механизма политической системы. Согласно Руди Дучке, революционному движению следует вместить свои ценности и идеи в существующие политические формы. Таким образом, к ним приобщаться миллионы людей, и это изменит общество. Продолжающийся

процесс реформ, развязанный этой стратегией принёс свои плоды, но первоначальные ценности и идеи явно трансформировались и упростились.

Споры между реалами и фанди были излюбленной темой СМИ Германии. Поэтому внутренние разборки в партии стали достоянием общественности.

Размолвка с автономистами у зелёных началась в начале 1980 годов. После того как в 1983 году автономисты забросали помидорами лимузин вице-президента Буша в Кредгельде, зелёные ораторы обвинили автономистов в том, что они являются «агентами полиции», пытающейся подорвать общественную поддержку их партии. С другой стороны, автономисты назвали зелёных «агентами правительства».

Войдя в правительство реалы стали постепенно перенимать правила игры истеблишмента. Если в 1982 году зелёные отказались от коалиции с SPD, то три года спустя они пошли на попятную и организовали таки с ними первую красно-зелёную правительственную коалицию. Называя Ёшку Фишера «зелёным Макиавелли», журнал «Шпигель» сообщил, что 80% из двадцати тысяч членов партии проголосовали за его кандидатуру. В 1985 году, когда Фишер стал первым в Хессе министром по защите окружающей среды, многие кризис промышленники заговорили о «зелёном кошмаре». TAZ гордо заявила, что «долгий марш по учреждениям начался». Пытаясь не обижать союзников по коалиции, Фишер успокоил власть предержащих, заявив, что он готов пойти на конструктивный диалог с промышленниками.

Положение фанди было двояким. С одной стороны они вели активную «низовую» экологическую работу, организовывали

широкомасштабные антиядерные и антивоенные выступления. В то же самое время фанди были членами партии, в которую входили такие личности как Ёшка Фишер, которые шли на явное соглашательство. Такое положение дорого обошёлся реало. Во время оффенбаховской конференции фанди взяли под контроль всю деятельность партии.

Чернобольская катастрофа стала первой серьёзной угрозой раскола партии. Фанди заявили, что все «374 АЭС мира объявили им войну». Атомными террористами и ядерной мафией они называли и SPD, и Пентагон, и Советское правительство. Чернобыльская катастрофа радикализовала фанди. Уже через месяц после Чернобыльских событий демонстрации в Брокдорфе и Ваккерсдорфе усилились и стали носить воинственный характер. Зелёные обрядились в агрессивные одежды автономистов. Но были и такие зелёные, которые помогали полиции осматривать автомобили при въезде в «зону боевых действий» и отсеивать подозреваемых людей.

На федеральном партийном уровне фанди настаивали на остановке всех АЭС и на разрыве партии зелёных с SPD в Хессе. Чернобыль помог зелёным победить на национальных выборах в январе 1987 года (8,3%). Они получили 44 места в Бундестаге. Почти сразу же возобновились споры между фанди и реало. Фишер и Хессинские зелёные были вынуждены прекратить свои отношения с SPD. Тем не менее, фанди, контролировавшие исполкомы и финансовые ресурсы, не были в состоянии контролировать так же весь денежный поток, что приводило к многочисленным скандалам. Деньги из партийных фондов куда-то утекали. Контроль над испокомами и денежными мешками в 1988 году вновь перешёл к реало. 12

марта 1989 года во Франкфурте вновь появилась «красно-зелёная» коалиция.

Падение фанди было горьким событием. В ноябре 1987 года горечь этой неудачи усилилась расстрелом 11 полицейских (двое из которых скончались) на Стартбаан Вест. СМИ драматизировали раскол в стане зелёных. Такие сторонники жёсткой линии как Томас Эберман и Дитферз пытались как-то опровергнуть это убийство, но большинство членов партии осудили теракт. Правительственная партия зелёных стала отмежёвываться от автономного движения. Например, для Кон-Бендита антогонизм между ним и автономистами достиг своего предела. В 1987 году его пригласили прочесть лекцию в Свободном Университете Берлина, но он отменил своё решение, так как автономно настроенные студенты пообещали прервать его речь. Подобное уже произошло в Карлсруэ. Покинуть аудиторию измазанным краской ему явно не хотелось. Автономисты не любили Кон-Бендита не только за предательство, но и за компромизм, который раньше он так неистово критиковал. Они не любили его и за ту поддержку Израиля, которую он вырождал во время Ливанской войны 1982 года на страницах своего франкфуртского журнала Pflasterstrand. Даже в глазах своих сторонников он был «культурным реликтом 1968...года интегрированным в управление урбанистическим конфликтом». Для прессы Кон-Бендит был либо любимым сыном, используемым либералами в дискредитации автономистского движения, либо козлом отпущения, которого пользовались даже анти-левые реакционеры, дававшие воли антисемитским сентиментам. Кон-Бендит был

ярким примером вырождения и деполитизации партии зелёных.

К 1987 году, как уже ранее отмечалось, женщины заняли все руководящие посты в партии. Они избирались на все уровни власти. Засилие женщин, потривавших Манифестом Матери, сменилось господством матриархата. Прагматизм реало достиг своего апогея. Зелёные отказались от «утопических мечтаний» и заговорили об «экологическом капитализме». Зелёные собирались реформировать рыночную систему, заставив её взвалить всю ответственность за сохранение окружающей среды. Повторилась история возникновения оппортунизма в среде социал-демократии в начале XX века. Зелёные продолжали ещё создавать видимость того, что им интересны проблемы, которые волновали феминизм и прочие прогрессивные движения. Но многим немцам уже было видно, что они просто игнорируют их обсуждение.

С 1983 по 1987 годы зелёные внесли множество биллей, запросов и законопроектов на рассмотрение парламента и правительства. Их главной целью было привлечь внимание СМИ и заставить правящие партии страны включить в свои платформы «зелёные» идеи. Так, после чернобыльской катастрофы и последовавшей за ней волны антиядерного движения, социал-демократы изменили свою политику и решили выступить за закрытие всех АЭС в течение 10 лет. Даже склеротическая бюрократия зашевелилась. В 1994 году был легализован гомосексуализм. Без давления зелёных этого бы не случилось. Теперь геи и лисбиянки при поддержке партии зелёных перешли к борьбе за право гомосексуалистов

заключать между собой брачные соглашения. Это, кстати освобождало их от налогов за холостяцкую жизнь.

Но вернёмся к женскому вопросу. Итак, женщины составляли в партии 35%. При этом они занимали 50% партийных постов. Такая же квота была и на выборах. Женщины имели право вета в системе принятия решений внутри партии. В 1995 году парламентская фракция зелёных состояла из 29 женщин и 20 мужчин. В то же время, женщины уже вполне вжились в существующую государственную систему.

Успехи зелёных во власти были всё же скромны. На национальном уровне за первые четыре года нахождения зелёных в Бундестаге прошёл только один билль, запрещавший импорт морских черепах. В правительстве Хессе не было ни одной уступки требованиям зелёных. Даже в сфере прав женщин красно-зелёная коалиция смогла внести лишь мелкие поправки. В Берлине за 20 месяцев правления красно-зелёного правительства было проведено только несколько реформ. Почти все они были связаны с дорожным строительством. «Верхи» партии были оторваны от своих «низов». На местном уровне зелёные были более дееспособны и воинственны. Более того, они занимали автономную позицию по отношению к своим партийным боссам. Хотя свои действия они всё же были вынуждены координировать с генеральной линией партии.

Часто чиновники, члены Гринпис, вынуждены были подчиняться своему вышестоящему начальству. Так, в Нижней Саксонии министром внутренних дел была член партии зелёных. Когда началась блокада входа на стройплощадку Горлебенского завода по переработке ядерных отходов, она вызвала полицию, и по приказу своего начальства дала

команду разогнать манифестантов. За время её правления в землю Нижней Саксонии были зарыты тонны ядерных отходов.

Зелёные называли себя поборниками ненасильственных действий, отмежевываясь при этом от автономистов. Для многих пацифистов ненасилие есть сама революция, и какие-то отклонения от данного принципа репродуцируют властные отношения в существующей системе. Автономисты просто ни во что не ставили зелёных, называя их «агентами государства». Этот антогонизм напоминает трагический раскол левых в Германии в 1930 годах, который привёл к власти нацистов. Будущее движения как целого, зелёные и автономисты, может быть связано с существующей до сих пор связью между внепарламентским движением и парламентскими действиями. Если антогонисты не найдут точек соприкосновения, их постигнет участь итальянской автономии 1970 годов, чьи победы сейчас мало кто помнит. Высокомерность власти одних и фетишизация маргинализма других заводят их в тупик.

Автономия и левые

Обычно демократия понимается как управление большинства. Правительство считается демократическим, если оно способно обеспечить свободные выборы. В выборах также должны участвовать несколько партий, а СМИ имеют полное право на свободное освещение хода предвыборной кампании. Выборы – это особый механизм, посредством которого «демократически» решаются конфликтные ситуации. Когда голосование проходит по принципу: один человек – один голос, - депутаты считаются свободно избранными. В настоящее время представительная демократия вытеснила менее демократические

формы политического принятия решений (монархия, диктатура, племенной вождизм). Никогда демократические формы правления не достигали такого широкого международного распространения как сейчас. Францис Фукуяма верил в то, что существующие демократические государства предельно совершенны и что мы пришли «к концу истории».

Альтернативная точка зрения выступает за консенссуальные непосредственно-демократические формы принятия решений. Существует здоровая и давно известная форма демократии – демократия участия – совместные действия организованной группы лиц: афинская демократия, ророло эпохи Возрождения и т.д. В этом случае вовлекается как можно большее количество людей в процесс принятия решений. Коммуны охотников-собирателей, в которых человечество пребывало 99% своего существования почти универсально. «Лицом к лицу» они решали свои проблемы на своих собраниях. Чаще всего решение достигалось через консенсус. На высшем уровне развития эта форма принятия решений почти исчезла, но её остатки ещё теплятся в местных поселковых и городских советах, на семейных встречах, в кооперативах, коллективах и в различных общественных движениях. Политолог Джейн Мэнсбридж утверждала, что подобная форма демократии проявляет себя чаще, чем формула большинства. Различия между этими двумя формами демократии указаны в таблице, которая поможет нам понять некоторые причины появления автономистского движения, а также её отличие от партии Гринпис. Здесь видно, что такое прямая демократия.

Формы демократии

	Участие	Представительство
Исходное положение	Общие интересы	Конфликтные ситуации
Главный эгалитарный идеал	Равное уважение	Равная защита
Принцип принятия решений	Консенсус	Принцип большинства
Уровень отношений	Лицом-к-лицу	Тайное голосование

В противовес зелёным, которые работали внутри существующей государственной системы представительной демократии, власть которой довлеет над людьми, автономисты пытаются защитить и утвердить независимость гражданского общества. Они оберегают своё освобождённое пространство и свои коллективистские отношения от вездесущей иерархии существующей системы и потребительских отношений. Естественность принципов демократии участия в эпоху Нового времени повсеместно заменялась искусственностью представительной демократии: США – 1776 год, Франция – 1789 год, Россия – 1917 год. Всё это приводило к результатам, которые, в конце концов, подчиняли общество структурной логике глобальной экономики.

Парадигма переместилась с позиции «больше – лучше» к позиции «маленький – красивый». Это свидетельствовало о переходе от «модернистской» централизации к «пост-

модернистской» децентрализации. Огромная концентрация власти и ресурсов в гигантских национальных государствах и ТНК повернули исторический процесс вспять. Как организационный принцип общества автономия создаёт средства перестройки правительств и корпораций, изменяя модернистские императивы однообразия. Автономия стремится передать всю власть народу. Коммуны, альтернативные образования и регионы будут управляться самими жителями, а не управляющей верхушкой. Автономия есть политическая форма присущая постмодернистским обществам. Она уже стала главным определяющим качеством социальных движений. Автономия проявляет феноменологическую форму свободы: не в схолистических спекуляциях, а в реальной конкретной всеобщей истории. Автономные движения подразумевают под собой больше свободы не только для того, кто находится на политически выверенном пути, а вообще для всех граждан. Она решает конкретно проблему бедности. Создаются кооперативы и центры самопомощи не только для своих соратников, но и преимущественно для всех нуждающихся в этом людей.

Для автономистов республиканская форма правления обеспечивает слишком мало места для широкого участия граждан в процессе принятия решений, влияющих на повседневную жизнь. Модернистские политические формы скорее отрицают различия, а не усиливают уникальность группы или личности. В связи с этим, дистанция между автономными движениями и движением Старых Левых огромна. И социал-демократия и ленинизм выступали за необходимость централизма. В противоположность Старым Левым, автономисты критикуют представительную демократию как мало демократическую структуру общества. Они не

связывают это с тем, что подобная форма демократии служит интересам богатых классов. Просто для них она не является системой прямого принципа общественного принятия решений. Советские марксисты критиковали представительную демократию с позиций «диктатуры пролетариата». Диктатура партии в СССР не распространялась на широкие массы пролетариата и крестьянства. Здесь была создана такая государственная система, в которой горсть высшей бюрократии жила в достатке и довольствии, а народ бедствовал. Ленинское сокращение свободы для богатых привело к уменьшению свободы для всех. Этот решительный шаг обрёл Советскую систему, а также и весь порождённый ею строй.

Свобода, в понимании советских марксистов, означала, прежде всего, равенство. Это ярко отражено в их архитектуре. Одинаковые квартиры, типичные дома, безликие городские улицы. Кругом единообразие. То же самое, но в другом виде происходило на Западе.

И на Востоке, и на Западе во времена Холодной войны гигантские проекты централизации власти были скорее правилом, чем исключением. В то же самое время, миллионы людей сгинули в ГУЛАГе. «Социалистическое равенство» было полностью дискредитировано. То же самое можно сказать и о Западной свободе, культивируемой на нищете и рабстве народов Третьего мира. Осуществление принципов Равенства и Свободы стало определённой чертой Новых Левых.

Уроки СССР ещё полностью не усвоены, но ясно одно: некое правительство может быть свергнуто, появиться другое. Но в любом случае оно останется частью мировой системы, зависящей от экономических циклов, военных столкновений и

политических интриг. По крайней мере, как нам всем известно, национальное государство обязано поддерживать суверенный контроль над своей территорией и народом. Это полностью противоречит автономным принципам самоуправления. В большей части Западной Европы избранные социалистические правительства терпели неудачи из-за вынужденного приспособления к условиям капиталистической системы. Во Франции миттерановский –социализм приватизировал банки и корпорации, демонизируя обновлённую тенденцию социалистической демократии – помощь ТНК в обогащении. Репрессии немецких социал-демократов и итальянских коммунистов были, иногда, страшнее, чем действия христиан-демократов. И это не было случайностью. Черта, отделяющая коммунистов и социал-демократов от автономистов, заключалась в том, что последних часто связывали с анархистами. Этот ярлык не совсем точен. Автономисты чаще не считали себя анархистами. Порой они относились к анархистам безразлично, а иногда и откровенно враждебно: «Мы действуем, а анархисты только говорят!». Автономисты, также как и анархисты верят в свободу. Они часто приводили в пример самодисциплину и самоорганизацию не навязанную извне. Как радикальные критики Советского строя, некоторые автономисты считали себя анархистами. Анархизм имел последовательную теорию, объясняющую причины банкротства «реально существующего социализма». Это помогало приверженцам автономии в анализе собственной политической практике (сквотеризм, антиядерные компании). После падения Советской империи анархическая теория потеряла свою ценность и актуальность. Хотя анархическая критика власти могла укрепить понимание проблем

коллективизма существовавшего в странах соцлагеря, либертарные марксисты и другие течения левой мысли, без сомнения, также содержали в себе важные идеи. Примером может служить марксистская способность анализировать экономические силы в процессе труда в существующей мировой системе (работы Иммануила Воллерштайна). Такого вы не увидите у анархистов.

В отличие от организаций компартии, состоящих из ячеек (куда входят от 3 до 15 человек) и подчиняющихся ЦК, автономные движения имеют горизонтальную структуру или даже округлую. В противовес коммунистическим планам захвата и централизации власти, автономисты считают, что система сама себя разрушит, либо экономически деградирует, либо не переживёт кризис или застой. Всё большее и большее число людей откажутся от услуг правительства. Коллективизм станет новой формой общественной организации гражданского общества. Автономисты, у которых были более оптимистические прогнозы на будущее, видели роль автономного движения в том, что оно низвергнет существующие концепции политики и поможет в переустройстве остатков представительной демократии в демократию участия. Жизненно важно было для автономистов то, что у них не было ни централизованной организации, ни единой идеологии. Но это не значит, что движение было не теоретическим или даже антитеоретическим. Активисты читали левую классику: от Бакунина и Маркса до Мао и Маркузе. К прочитанному они относились критически, и всё подвергали сомнению. Брли для себя только то, с чем были согласны и легко отказывались от своих идейных приобретений, если видели их ошибочность. К Старым Левым они часто относились с иронией. Так, Индейцы Метрополии часто глумились над правящими в

стране коммунистами. В Западном Берлине на первомайских демонстрациях некоторые автономисты переодевались в старых современных вождей и с импровизированной трибуны, как на Красной площади, приветствовали демонстрантов.

Большевики пришли к власти на плечах спонтанного народного движения. Они извратили понятие «спонтанность» своей деловитостью и манипуляторством. Только самоорганизация, самоуправление, творческая инициатива и сотрудничество способны сделать спонтанность продуктивной.

В истории этому есть множество примеров: Парижская коммуна, восстание и самоорганизация в Барселоне и Берлине. В Испании 1930 годов многие активисты гибли за эти идеи. Подобным движениям не удавалось развиваться в нечто стабильное. Не ждёт ли такая участь и автономистов? Покажет время.

В XIX веке и анархизм, и марксизм развивались из необходимости резюмировать опыт существующих движений и найти путь, который бы привёл их к успеху. И тот, и другой были ответом на развитие промышленной революции и последовавшей за ней трансформации мира. Причины их неудач заключены в неадекватности их теорий. Эти недостатки должны быть осознаны через анализ истории, а не просто через призму их теорий.

История общеевропейских восстаний 1848 года неизвестна многим людям, которые придерживаются точки зрения, что эти движения развивались в течение 100 или 50 лет. Теория отличалась от генезиса и практики. Текущий исторический процесс был заменён окаменелостями теорий. Теория была механична и слаба. Она не способна была приспособиться к изменяющимся условиям. Когда идеология превращается в ярлык, она обедняет интеллектуальный процесс, стремящийся к

независимому, свежему пониманию. Тем не менее, в XX веке марксизм стал основой освободительного движения во всём мире. Но мода на него прошла. Пришло время для новых исканий.

Политика ниспровержения?

Ветеран итальянского автономного движения 1970 годов Антонио Негри остался верен идеи революционного изменения общества. Он переосмыслил проблемы, с которыми столкнулись социальные движения в новой фазе революционной борьбы. Этот человек провёл за решёткой много лет. В Италии его несправедливо обвинили в принадлежности к Красным Бригадам. В конце концов, он был избран в парламент. Это было единственное средство, способное освободить его из под стражи (депутаты обладают иммунитетом). Теперь Негри живёт во Франции, где он следует по стопам своих наставников, французских структурных марксистов Никаса Поулантаза и Луиса Алтузера. Несомненно, активное участие Антонио Негри в автономном движении наложило отпечаток на его идеи. Большое место в своих работах он отводит практической деятельности. Не смотря на свою скромность («Мы не изобретатели. Мы просто читатели Маркса и политические революционеры-агитаторы современности»), Антонио всё же опроверг важные положения Маркса. Негри критически относился и к своим собственным недостаткам. В 1989 году он и Феликс Гваттари признали тот факт, что пролетариат уже не является гегемоном, поэтому он не может служить основой для организации новых политических и производственных объединений. В этом же –году Негри признал свою неудачу в понимании «участия Советского Союза в интегрируемом мировом капитализме». Уходя от своей бывшей

«рабочей политики», Негри теперь считает, что интеллектуальная работа должна стать центром производства. Вместе с Феликсом Глваттари он отмечает важность борьбы в школах, во всей образовательной системе, в извилинах социальной изменчивости, в местах, где формируется рабочая мощь. По его мнению, необходимо развивать широкий анализ процесса организации бунта, который только начинает зарождаться. Негри развивает термин «социальная фабрика», чтобы включить в него таких «производителей» как женщины-домохозяйки, студенты и превеликое множество других людей. Он продолжает полемизировать по поводу того, что капитал сам разрушает свои условия производства (Джим О'Коннор называл это вторым противоречием капитализма). Он писал: «Нам следовало бы признать не только необходимость защиты природы от опасностей разрушения и надвигающейся угрозы катастрофы, нависшей над нею, но и [признать – В.Я.] необходимость создания новой системы и условий для воспроизводства человеческого вида, а также определения способов и графиков революционного действия в этом направлении. Легко понять, что наш текст был написан до Чернобыля». Этот текст был написан также и до падения берлинской стены. Негри заявлял, что главным образом, бунтуют не рабочий и не средний классы, тесно связанные с бюрократией, а интеллектуалы: студенты, учёные и рабочие, связанные с передовыми технологиями: «Бунтари...были новой разновидностью производителей. Социальный производитель – хозяин своих собственных средств производства, способный обеспечить себя и работой, и интеллектуальным планированием, и инновационной активностью и кооперативной социализацией». Хотя он и не говорит на прямую, но всё же адаптирует идею

Новых Левых о «новом рабочем классе», сформулированной Серджем Мэллетом и более полно развитой Андре Горцом и Гербертом Маркузе.

Несмотря на свою самокритику, Негри стал непогрешимым мыслителем для многих академических марксистов в США. Герри Кливер (Harry Cleaver), например, утверждал, что «если Маркс и не думал, как думал про него Негри, то тем хуже для Маркса». Как и Алтуссер (Althusser) и Поуленцас (Poulantzas), Негри, чтобы доказать свою правоту, часто апеллирует к Марксу. Он развил многие политические установки Маркузе, но сохраняет идеологические категории Альтуссера и Третьего Интернационала, которые несут его в том же направлении, что и 30, 20 лет тому назад, в направлении, к которому он теперь относится иронически. Его способность анализировать гибко, тонко связана с его догматическим отношением к текстам Маркса. В этом его проблема. Она мешает ему проанализировать историческую специфику революционного движения. Новая система Негри не является обиталищем многообразия различных точек зрения.

Последователи Негри пытаются отнести автономные движения к рабочему движению и используют тексты Негри в качестве единственно верного средства для анализа.

Отход от свободы – вот удел всех разновидностей Левого движения. Необходимо переосмыслить роль спонтанности в социальных движениях. Критикуя явление спонтанности, Советские коммунисты постепенно пытались откорректировать идеи популярных движений: будь то в России, Китае или где-либо ещё. Их теории всегда были непогрешимы и универсальны.

Моя критика теории Негри делится на четыре части: его фетишизация производства, его сохранение догматического наследия Советского марксизма, его низведение патриархального доминирования до категорий капиталистической эксплуатации и его неудачная попытка сформулировать потребность в культурных и политических формах сопротивления.

От фетишизации производства к производству фетиша

Для Негри «коллективный рабочий опыт» является более чем основным. Это единственно легальная активность человека. Негри создаёт свою собственную теоретическую схему, согласно его понимания производства. Все разновидности взаимодействия понимаются им через эту призму: «Работа и жизнь почти не делимы». Антуссер, наставник Негри, видел в теории форму производства; Deleuze и Guattari описывали подсознательное как производителя страсти. И вот теперь Негри рассказывает нам о том, что революция – это производство, направленное «машинами борьбы». А вот какую метафору он использует для обозначения революционных организаций: «органы двойной силы», «транспорт для движущих сил революционного сознания», «ремень трансмиссии революционных идей для рабочего класса». Теперь Негри называет их машинами борьбы или (новая формулировка) – киборгами: «Киборг является теперь единственной моделью, находящейся в нашем распоряжении для теоретизации субъективности. Тело без органов. Люди без качеств. Киборги – это субъективные фигуры, поддерживающие

сегодня коммунистов». Такой подбор слов ярко демонстрирует фетишизацию процесса труда в его идее о том, что человеческие существа могут быть легко опустошены социальной экономикой, так легко могут быть превращены в киборгов. Из-за того, что Негри способен мыслить только такими категориями, немудрено, что его стратегия трансформируется в тип производства: «Всё возвращается к одному утверждению: производство – это производство полезных продуктов, производство коммуникации и социальной солидарности, производство эстетических миров, производство свободы».

В последнее время Негри критикует свои ошибки прошлых лет, но его метод остаётся фундаментально неизменен. Часто ссылаясь на Маркса, как на несомненный авторитет, Негри забывает о том, что сам Маркс утверждал, что он не марксист, что сам Маркс указывал на абстрактность своих теорий, на их оторванность от изменяющихся условий современности. Маркс признался в том, что он так и не смог решить проблему перепроизводства, в том числе и капитала. Добавив к анализу Маркса «третью персону» (маргиналов), Негри так и не заметил, что многое в системе товарного производства изменилось. Негри игнорировал эту проблему, слепо фетишизируя марксову категорию производства. Его попытки анализа всей реальности через призму одной категории производства является частью его систематического низведения жизни к работе, миропорядка к системе, эроса к производству. То есть принижение человеческих существ происходит по вине существующей системы. Негри превращает весь мир в фабрику.

На первый взгляд точка зрения Негри ясна: повседневная жизнь женщин, студентов и других людей пронизана товарными

отношениями и механизацией. Негри понимал эти категории людей как центральную часть трансформирующегося проекта. Он рассматривает феминизм с точки зрения зарплаты, а не патриархата. Он всё сводит к производственному вопросу.

Низведение марксизма с революционной философии к науке партии советскими марксистами привело к появлению трудовой метафизики и фетишизации государства, которое являлось собой воплощение власти пролетариата. Утверждение, что организация труда является одной из нескольких родо-образующих активностей (искусство, революция, коммуникация) совсем не обязательно означает отказ от марксистского проекта, также как и антигосударственная позиция не обязательно должна быть связана с автономией. Несмотря на то, что Негри утверждал, что он сумел преодолеть ленинизм, он, тем не менее, сохранил его словарь и грамматику. Подобно Советским коммунистам, он употреблял в 1971 году такие понятия как «масса» и «авангард». Вместе с Феликсом Гваттари, в 1985 году он переформулировал большевистскую концепцию базиса и надстройки, употребив при этом такие понятия, как молярные антагонизмы и молекулярная пролиферация (распространение). Подобная лексика свидетельствует о том, что его «политика ниспровержения» всё ещё представляет собой иерархическую статистику. Он отвергает почитание власти, а не пытается уничтожить наслаждение властью, «наслаждение, которое класс ищет – это настоящее наслаждение властью, а не подача иллюзии». В этом «наслаждении властью» весь Негри.

Подобно большевикам, он говорит об авангардной партии, не смотря на то, что эта идея разрушила разнообразие революционного движения. Моноцентрический вождизм

логически привёл к преступлениям Сталинского режима. Сегодня в моде многоцентричность и терпимость. Негри не совсем правильно понимает их значение. Он не смог переосмыслить наследство советского марксизма. Особенно это касается такого явления как спонтанность. Подобно большевикам, он низвёл её до абсурда. Более того, он называл её «красным терроризмом». Спонтанность была для него чем-то «незрелым». Лидерство не должно превращаться в вождизм. Маркузе как-то заметил, что функцией революционного лидерства должна стать трансформация «непосредственной спонтанности» в «организованную спонтанность». Негри не замечает, что революционная борьба с 1960 годов кристаллизуется не вокруг фабрик, а вокруг университетов. Спонтанность играет важную роль в революционном движении со времён революции 1905 года, когда повсеместно в России стали спонтанно образовываться Советы.

Женщины стали играть важную роль в революционном движении. И этого также не замечает Негри. В его текстах часто проглядывается неприкрытый сексизм и оправдание насилия вообще: «Давайте поговорим начистоту. Насилие является нормальным состоянием отношений между мужчинами. Оно является также ключом к прогрессу в производительных силах». Борьба женщин за свои права и освобождение укладывается, в его понимании, в обычные производственные отношения.

Ниспровержение политики – полное искоренение авторитаризма из нашей повседневной жизни – начинается с изменения нашей самонадеянности и включение в изменение исторических категорий, являющихся прообразом практики. Размещая источник революционных движений в циклах и формах

капитала, Негри низводит человеческий фактор до экономического факта. Я же понимаю автономию как феноменологическую форму революции. Автономия является внутреннеобразуемым стремлением, которое появлялось спонтанно в недрах разнообразных движений. Скорее всего, автономия – самостоятельное движение, не зависящее от конкретной разновидности общества, в котором мы живём. Более того, автономия – это универсальная форма революционных изменений, творение новых категорий, выходящих за пределы существующей реальности. Низведение человеческих способностей до категорического императива производства существенно опустошает свободу чувственного человеческого содержания. Если свобода что-то значит, то она подразумевает под собой зависимость производства от целого ряда человеческих потребностей, а не, как утверждает Негри, от предопределения революции производством. В XIX веке Маркс и Энгельс считали жизненно важным отношение между свободой и необходимостью. Современное понимание этого отношения включает автономию как необходимость.

К рациональности сердца

Автономия противопоставляет механицизму Негри и всей существующей системе динамику сердца. Чувственность и интуиция выступают здесь против засилья разума. Существующая система колонизирует эрос, превращая любовь в секс, а секс в порнографию. Автономные движения освобождают эрос от наслоений товарности и потребительства, расширяя его сферу, выходя за рамки патриархальных отношений, за рамки понимания любви как физического акта. Политика эроса вселяет в нашу

повседневную жизнь то удовлетворение, которое способно низвергнуть этих колонизаторов и сохранить жизненные силы. В противоположность киборгам Неги, у автономистов люди мыслят как самодостаточные свободные личности, которыми движут сердце, старость, порыв и всё то, что противостоит машинной культуре.

Индивидуальная трансформация внутренней сущности стала основным проектом авангардизма (что нельзя сказать об авангарде партии). После того, как кубисты стали рисовать объекты так, как они их мыслят, а не так, как они их видят. Эстетические устои реализма подверглись сомнению. Перспектива и реалистический образ эпохи Возрождения уже не трактовались однозначно как нечто красивое. Трансформация кубизмом эстетических правил привела и к политическим сомнениям. Случайность и спонтанность стали базисом рационально постигаемых нормативных стандартов. Когда сюрреалисты раскрывают царство фантазии, грёз и бессознательного, они исследуют территорию, которая противоречит предвзятым мнениям присущим предмету искусства. Соцреализм видел в искусстве служанку политики. Трансформация эстетических ценностей и установок смешала искусство и политику в единое целое, растворив их в повседневной жизни.

Автономные молодежные движения руководствовались принципами, представленными художниками. От появления костюмированных Индейцев Метрополии в итальянских городах до нудистских маршей в Цюрихе и Берлине, автономные движения везде использовали элементы импровизации, напоминающие джаз, абсурд, взятый у дадаистов и освобождение

подавляемых психических потребностей, служащих моделью для сюрреализма. В этом случае подлинная революция является собой арену, на которой искусство становится жизнью. Коментируя деятельность молодёжных движений Цюриха, Макс Шмидт заметил, что «несмотря на все эти многочисленные соответствия в мотивациях, экспрессии и формах проявления, имеется существенное историческое различие между текущим движением и дадаизмом: движение 1916 года называло себя дадаизмом, движение 1980-1981 годов есть дадаизм».

Автономисты являются ядрами свободно детерминированных общественных отношений, но на них ещё заметна печать насилия и культурных ценностей существующего социального порядка. Они как бы остались в состоянии детства: разбрасывание экскрементов в фешенебельных ресторанах, разрывы дружеских связей по мелочным политическим причинам и т.д. Если история сюрреализма малоизвестна в автономистских кругах, то история эстетического авангарда уже слилась с политическим активизмом.

Иерархический императив существующей мировой системы противоречит нашему естественному стремлению к равенству и свободе. Современное глобальное неравенство противоречит этой естественной предрасположенности. Нам абсолютно всё равно насколько это неравенство может быть рационально. Неразумность современной рациональности зиждется на её картезианских категориях, особенно на её отречении тела. Необходимо строить общество на основе равенства и автономии, важным опровержением которых является истинность сердца. Развитие страстной рациональности, которая является разумной, начинается с освобождения страсти от смирительной рубашки

строгих ограничений. Так как действие становится частью теории, социальные движения переходят в разряд разносчиков освобождения психических потребностей и целителей ран, наносимых жестоким современным обществом. По словам одного психоаналитика, симпатизировавшего автономному движению в Цюрихе, участие в движении может быть самоосвобождением: «Чувства депрессии выплёскиваются в индивидуальных и коллективных действиях, а также вербализируются в малых и больших группах и прорабатываются. Сексуальные и агрессивные реакции почти не сдерживаются; инстинктивная блокировка и сублимация возможны, но ещё не совсем выражены (проговорены)...Если правда то, что позднее капиталистическое общество, посредством распада семьи, ценностных систем и позитивных моделей, дестабилизирует нарциссический баланс её субъектов, то молодёжные субкультуры и, в частности, движения, которые появились из них, можно понять как коллективный процесс самолечения».

Включение эмоций и тела в политику требует пересмотра роли воинственности. Социальное насилие может функционировать как важный проводник реинтеграции счастья в политику. Если, как утверждал Нго Вин Лонг во время борьбы вьетнамцев против США, радость и романтика царила среди бойцов сопротивления, то имеем ли мы право критиковать автономистов за их веселье во время уличных боёв? Политическая борьба должна быть весёлой.

Высвобождение глубоко укоренившейся злости и вражды, бок о бок стоящей с любовью и солидарностью представляет специфическую проблему. Требуется осторожный пересмотр роли насилия. Высвобождающееся насилие – целый ряд акций,

ненаправленных на причинение вреда вводит страсть и отрицает рассчитанный порядок, который делает политику архисерьёзным делом. Во время демонстраций факты ранений полицейских были единичны. Подобные бунты в США вообще считались ненасильственными в 1960 годах. Кто, вообще, может осудить человека, который сопротивляется вооружённому до зубов полицейскому. Насилие страшно тогда, когда оно приходит вместе с паранойей в нашу повседневную жизнь.

Другая проблемой, связанной с тактикой сопротивления, является эскалация воинственности: от массовых митингов до акций гражданского неповиновения, от гражданского неповиновения к восстаниям и от восстаний к вооружённой партизанской борьбе. С нарастанием воинственности редуют ряды активистов. Движение начинает носить явно мачистский характер. Существуют два водораздела: от пацифизма до воинственного сопротивления; и от массовых уличных акций до партизанской террористической борьбы. Действия террористической группы, как мы уже видели, превращают население в пассивных зрителей и усиливают репрессии государства. Эта тактика почти всегда деструктивна, даже когда партизанские группы связаны с массовым движением. Воинственное народное сопротивление, напротив, способно развить элементы прямой демократии и, как пусковой механизм, ввести в действие огромные слои общества. Иногда подобное сопротивление было успешным как, например, на Хафенштрассе. Замечательным примером успешной защиты освобождённых зон является опыт Христиании и Кройзберга. В этих местах успешно распространялся бунт и радикализировались огромные массы народа. Не смотря на то, что это часто приводило к вооружённому сопротивлению, подобную проблему все же

можно было –преодолеть, сохранив при этом основополагающую цель движения сопротивления – опора на народ. Франц Фенон смотрел на эту проблему со своей позиции психополитического преимущества. Он понимал функциюнасилия как необходимую процедуру в реконструкции общества: «Без такой борьбы, без знания практики действия нет ничего, кроме костюмированного народа и грохота барабанов». Как бывало говаривал Фенон, одно насилие способно заставить людей понять социальную правду, которая далеко спрятана от нас. Здесь стоит заметить, что насилие ради насилия, будь то «дни хаоса» в Германии или Дьявольская ночь в Детройте, воспроизводит проблему агрессии ради агрессии. Если насилие ради насилие воспроизводит угнетение, то насилие против неонацизма, например, является актом самоосвобождения для немецкой молодёжи. Уже американские Новые Левые заметили, что различие между насилием против собственности и насилие против людей отражает рациональное освобождение оппозиции страстей. Несмотря на кажущуюся неуместность такого мнения, в контексте которого эфимерная стабильность общества потребеления неминуемо ведёт нас к «концу истории», исторический опыт социальных движений в конце XX века оставляет нам мало сомнений в том, что современные концепции рациональности часто неразумны.

Теория автономии

Никогда история человечества не была такой стремительной как в новейшее время. За один год мы потребляем столько ресурсов, сколько человечество брало у природы в течение 500 лет. За один год более 14 миллионов детей в возрасте до 5 лет уходят в мир иной. Это вдвое больше, чем погибло евреев во

время Холокоста. В каком обществе мы живём? В постиндустриальном? В посткапиталистическом? В обществе услуг? В технократическом обществе мультинационального капитализма? В обществе потребления? В постмодернистском, государственно-монополистическом, имперском обществе зрелищ? Этот список далеко не полон. Он постоянно пополняется. Теория, казалось бы, должна помочь нам разобраться в этом. Но всем нам давно известно, насколько далеки идеальные модели от действительности. Все эти понятия во многом ограничены. Когда я использую термин «постмодерн», например, то это не значит, что я постмодернист. Но, не смотря на это, я нахожу, что этот термин во многом полезен. Как говорил Фредерик Джеймсон: «постмодернизм не является культурной доминантой всего нового общественного закона...Он лишь отражение, нечто сопутствующее другим модификациям капитализма».

Дабы избежать трудностей в идентификации этого явления на основе какой-либо философской школы, я буду использовать несколько описаний общества. При обсуждении архитектуры гражданского общества я часто использую терминологию постмодернизма, так как её словарный запас наиболее приемлим. Если я обсуждаю проблемы глобальной экономики, я предпочитаю пользоваться теорией мировых систем. Критическую теорию применяю в исследовании культуры. Я не схоласт. Любые теории можно использовать с пользой. Мой анализ теории автономии имеет несколько уровней. Начинаю я с исследования некоторых фундаментальных особенностей современного общества. Автономные движения – это коллективный ответ, нарастающей социальной трансформации. Я пытаюсь раскрыть контуры этих изменений. Я верю в то, что на

основе анализа социальных движений в первых шести главах моей работы можно уже делать кое-какие выводы. Итак, в моём анализе существует три уровня.

1. Внутри производства, автоматизации, в куре с общественными капиталистическими отношениями усиливается безработица и маргинализация огромной части (возможно, трети) населения передовых капиталистических обществ. Я уже не говорю о миллионах обездоленных людей, живущих на периферии мировой системы.
2. Существует всевозрастающая потребность системы в расширении своей активности, в колонизации мира, в колонизации нашей повседневной жизни. Возникает ответная реакция общества – деколонизация.
3. Ненависть системы к «внешнему», вкупе с структурным императивом постоянно возрастающей прибыли, ведёт к разрушению среды обитания и неоправданному производству инфраструктуры, например, гигантских АЭС, супер-мостов и супер-туннелей, которые являются частью ненужных, экологически деструктивных систем магистралей.

Социальные движения не просто жизненно необходимы для распространения демократии и свободы, они также являются ключом в понимании самого общества. Очень часто социальные движения меняют свои стереотипы и представления, трансформируют «объективные факты». Что, например, удивляло иатльянцев в 1970 годах? Их поразило то, что северяне и южане, между которыми раньше существовала вековая вражда и недоверие, сумели объединиться в одном движении и преодолеть

традиционные антогонизмы. Диалектическое соотношение теории и практики, человеческих факторов и фактов социальных, важно в понимании социальных движений. Понимание и поиск скрытых явлений в социальных движениях важно ещё и потому, что всё плохое, что мы осознаём и обозначаем в категориях (например, рабство, изоляция, антисемитизм) вскоре превращается в анахронизмы.

Постмодернистские особенности позднего капитализма

Мы стоим на пороге перерождения промышленного капитализма. Само производство сейчас трансформируется автоматизацией и глобализацией коммуникаций и транспорта. Сборочный конвейер Генри Форда заменён новой техникой производства (роботы, круги качества (quality circles), компьютерное управление обрабатывающей промышленности), трансформирующей производство. Появился новый термин «постфордизм». Производительность достигла поразительных масштабов. Так, с 1970 по 1977 годы производство немецких компьютеров и офисного оборудования подскочило на 48,9%, в то время, как количество рабочих мест упало на 27,5%. Рассеивание производства или, как ещё говорят, «рассеивающаяся фабрика» означает то, что, не смотря на рост числа производимых объектов, их размеры чрезвычайно миниатюризируются. Современные ремесленные фабрики содержат на службе от 100 до 200 рабочих. В промышленном городе (часть огромного Лос-Анджелеса) среднее число рабочих металлургических заводов составляет 113 человек. В Германии автомобильная промышленность пережила

переход от сборочных конвейеров к введению «гибкой специализации», вовлекающей небольшие компоненты производства на основе синхронной работы всех производственных звеньев. Производство автомобилей на заводах, принадлежащих крупным корпорациям, упало по сравнению с 1970 годом вдвое. Главным в постфордистской экономике стало производство информации (в таких областях как образование, реклама, программирование, расчётные и финансовые сведения, продажи, технические знания). Выросла значимость сферы услуг. Периферийные зоны стали центральными в функционировании общества, а интегрированные стали рассыпаться.

Основываясь на «дерегуляции» и на «гибком накоплении», новые механизмы социального контроля влекут за собой всё возрастающую фрагментацию производства и деконцентрацию рабочего класса, силу, которую в течение последних двух столетий консерваторы и либералы считали революционной. Пространственная деконцентрация в постфордистском городе проявляется в её рассеивающем характере, в разрушении соседских и коммунальных связей. В противоположность центростремительной силе централизованных промышленных корпораций, концентрирующих параллельно экономические и революционные силы, пост-фордистский город имеет множество рассеянных в пространстве центров, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Глобальные перемещения производства, трансформация городов, миллионы бездомных людей, оказавшихся на улице благодаря процессам джентрификации и миграции, говорят о типах стремительных перемен, которые и определяют постмодернистский капитализм.

Главный принцип фабричного капитализма – «обязанность работать» - трансформировался в постфордистскую борьбу за «право работать». Чтобы понять это достаточно взглянуть фактам в глаза. В 1950 годах в ФРГ практически было упразднена безработица. В 1960 году безработных насчитывалось всего 271 тысяча человек. В 1960 годах здесь говорили об «экономическом чуде» и беспрецедентном изобилии и стабильности. В то время безработица никогда не превышал 2%. В 1970 году она составляла 0,7%. В 1974 – 2,6%. В 1975 – 4,8%. В 1980 – уже более 10% и, с тех пор этот уровень не падал ниже этой отметки. В 1994 году в ФРГ насчитывалось уже более 4 миллионов безработных – рекордная величина с послевоенных времён. На самом же деле эта цифра занижена вдвое реальной. В настоящее время ситуация ухудшается, так как новая технология производит продукции больше при меньших затратах человеческого труда. Когда немецкие сталелетейные корпорации в 1990 годах урезали производство в рамках программы реконструкции развития Европейского Союза, металлурги объявили о своей готовности начать забастовочную войну. 17 февраля 1995 года они блокировали автомагистрали в Руре, протестуя против увольнений. Через месяц уже 100 тысяч рабочих устроили демонстрацию в Бонне. Чтобы избежать массовых увольнений, корпорация Фольксваген сократила рабочую неделю до 4 дней (28,8 часа). В сталелетейной промышленности произошло то же самое. БМВ и Хьюлет-Пекард сократили рабочую неделю до 31 часа, продолжая платить рабочим как за 37 часов. Немецкие рабочие трудятся сейчас меньше своих коллег, живущих в индустриально развитых странах. Общее количество часов в год (на 1992 год): в ФРГ – 1667, США – 1912, Япония – 2080, Италия

– 1788. У промышленных рабочих Германии, входящих в профсоюзы, 40 оплачиваемых дней отпуска ежегодно (в США – 23, в Японии - 25). Не смотря на то, что сектор обслуживания растёт стремительными темпами, производственные – специальности остаются особо важным компонентом немецкой экономики. В 1970 годах Германия и Италия имели наименьший процент безработицы в сфере обслуживания среди промышленно развитых стран. В 1990 году Германия уже лидирует, опережая всех по уровню безработицы в производственной сфере. Рабочим Германии всё же лучше жилось, чем их итальянским коллегам, видимо, поэтому их было так мало в среде автономистов. Это, скорее, говорит о мощи немецких профсоюзов и о высокой степени участия рабочих в управлении заводами. Те рабочие, которые активно принимали участие в автономном движении, были, как правило, малоквалифицированы. В постфордистской Германии процветание 2/3 общества существовало за счёт 1/3 «низов». Профсоюзные политические партии, рабочие организации и правительство совместно регулировали экономическую интеграцию и политическую стабильность для этого большинства. Интересы объединённой верхушки «2/3 общества» расходились с интересами всё более изолируемого меньшинства. Новые социальные условия, такие как безработица. Рост доли низкооплачиваемых профессий, уменьшение реального заработка – всё это признаки описываемых процессов. Постфордистские условия производства означают, что, в то время как ТНК расширяются и колонизируют мир, молодёжь этих стран не может найти работу и место жительства. ТНК переносят рабочие места в страны, где существует дешёвая рабочая сила и минимальный контроль государства. Десятки миллионов людей

оттесняются на периферию общества потребления. Их права на труд и жильё постоянно нарушаются. В 1993 году 20% молодёжи от 16 до 24 лет в странах ЕС были безработными. Не смотря на то, что это самый трудоспособный и творчески активный возраст, существующая система не способна обеспечить их работой и жильём (не смотря на обилие пустующих квартир). Это противоречие является источником массовой неудовлетворённости европейской молодёжи.

Безработица не является главной причиной появления молодёжных движений в странах, где молодёжь не проявляет такой активности как в Германии или Италии. Почему же в этих странах не было «двух обществ» как в Италии или «двух культур» как в ФРГ? Главная причина кроется в широком распространении университетов. Менее трети немецкой молодёжи учились в колледжах (менее четверти – в Италии, в США – 3/5). Итальянские студенты колледжей 1970 годов, в основном, были вынуждены жить дома и постоянно работать. Лишь на короткое время они могли посетить свои переполненные классы. В Германии студенты учились регулярно, жили чаще отдельно от родителей и имели независимые средства поддержки (либо от своих родителей, либо от государства). Это различие означает то, что, не смотря на разные условия существования, и в ФРГ и в Италии существовали проблемы между поколениями. Отсюда и происходят итальянская фраза «два общества» и немецкое выражение «две культуры». В Италии движение подверглось репрессиям, а в ФРГ оно стало субкультурной частью общества потребления. В обеих странах появление автономного движения соответствовало послевоенному росту рождаемости, детскому буму.

Конечно, противоречивые формы реакции молодёжи на её маргинализацию зависят от многих социальных условий. В 1990 годах возродились расизм и ксенофобия. Международная солидарность не смогла предложить что-то новое, поэтому и в Германии и в Италии среди молодёжи стали распространяться неонацистские идеи. Можем ли мы предположить, что молодёжь является новой разновидностью «люмпен-пролетариата», политическая ориентация которой зависит от конкретных ценностей и лидеров? Население бывших фашистских стран никогда не питало долгих симпатий к своим правительствам. Более того, так как на протяжении всего XX столетия Германией и Италией управляли остатки феодальной аристократии, региональные разновидности в культуре не были здесь так однородны как в других странах, где капиталистический рынок имел достаточно времени, чтобы трансформировать и унифицировать свои периферийные районы. Эти региональные идентификации возможно и были одним из источников автономного движения.

Молодёжные ценности очень быстро наполнялись культурой постмодерна. Ослабление протестанской этики, контркультурные потребности в коллективной жизни и стремление к достижению международной справедливости, экологическая гармония и демократия участия - вот проявления нового взгляда на жизнь. Клаус фон Доонаний (Klaus von Dohnanyi) заметил, что в 1960 – 1970 годах во всех развитых странах «развивалась мера независимости, самоуверенности и радости жизни, которые раньше не были известны. Изменившаяся система ценностей выдвинула на первый план любовь, дружбу и товарищество. Работа и карьера отошли на второй план. Власть и

завершённость были поставлены под сомнение критичным самосознанием...». Молодёжь останется источником этической оппозиции и просветительского действия. Но подобные ценности противоречат структурам общества потребления.

Колонизация повседневной жизни

Период экономического спада – не лучшее время для прогрессивных движений. Итальянские и автономные немецкие движения являются иллюстрацией того, как в постфордистских условиях содержание социальных движений приобретают новые формы. Рабочий класс при поддержке профсоюзов кооптировался в существующую систему. Молодёжь и женщины, оставшиеся на периферии, стали главной движущей силой современной истории в Италии и Германии. Существуют два уровня их маргинализации: экономическая и политическая. Происходит проникновение товарной формы в сугубо частную сферу жизни («колонизация жизни-мира») и систематическое разрушение среды обитания. Разрушение природы увеличивает деградацию прав меньшинств, усиливает репрессии против женских центров и прав геев, а также маргинализацию молодёжи. Всё это приводит к появлению оппозиционных движений. Хабермас (Habermas) описывал эти движения новыми терминами. Новые конфликты, возникшие в передовых западных странах, по его словам, «по большей мере, не относились к сфере материального производства. Они не были результатом деятельности партий и организаций, и, скорее всего, они не могли быть урегулированы системой. Скорее всего, новые конфликты возникали в сферах культурного воспроизводства, общественной интеграции и социализации. Они выражались в суб-институциональных, вне-

парламентских формах протеста...Короче, новые конфликты вспыхивали не от проблем распределения, а имели отношение к науке форм жизни». По Хабермасу, новые движения защищают «жизнь-мир» от всевозрастающих атак системы на органические основы жизни: «разрушение сельской местности путём изрыда вон выходящего жилищного планирования, индустриализация и загрязнение [среды обитания – В.Я.], ухудшения здоровья, вызванные общим воздействием деструктивных сил цивилизации, военные разрушения, АЭС, ядерные отходы, манипуляции генетиков...».

Проникновение капитала в частную жизнь, колонизация повседневной жизни и превращение её в арену накопительства – всё это проявление новой ситуации в мире, которую Альберто Мелуцци объяснял так: «по сравнению с индустриальной фазой капитализма, производительный характер передовых обществ требует контроля, выходящего за пределы производственных структур в области потребления, услуг и общественных отношений. Механизмы аккумуляции (накопления) питаются, скорее, не простой эксплуатацией рабочей силы, а манипуляциями сложными организмами системы, контролем над информацией и над процессами и институтами образований-символов. Всё это также проникает в межличностные отношения».

Экспансия товарных отношений в сферу повседневной жизни и стремительная интеграция миллионов женщин в производственные процессы – вот две стороны медали, каждая из которых питает ненасытные потребности капитала. Падение реального заработка заставляло женщин искать работу. Двойная смена – на работе и дома за плитой – создала предпосылки для экономической независимости женщин и вызвала отчуждение их

от семьи. Всё это привело к проявлениям с их стороны сопротивления очевидным формам патриархального контроля. Всё возрастающие возможности привели женщин к финансовой независимости от мужчин, к материальной основе феминистской автономии. Старые общественные отношения, тем не менее, в силе. Сексизм в повседневной жизни, политическая импотенция, мужской медицинский контроль над женским телом и патриархальная иерархия на работе – всё это вызвало стремление у женщин к независимости.

Возрастает правительственная регуляция автономных сфер жизни: деторождение, развод и индивидуальное потребление – от еды до наркотиков. То, что Хабермас и Оффе (Offe) называли «рефеодализация» общества (то есть, возростание вмешательства государства в частную жизнь – динамика, подобная средневековой) драматически воздействует на молодых людей. Бегство от действительности, беспробудное пьянство, сексуальное подавление и все виды оскорблений – вот индикаторы упадка социальных механизмов регуляции. Чем больше производство вмешивается в частную жизнь, тем больше растёт сопротивление этому.

Автономные движения становятся средством воссоздания формы группового и индивидуального контроля над условиями повседневной жизни. Система семьи рушится. Дети растут без родителей. Усиливается возрастное разделение и недоверие поколений. Жизнь-мир, в котором люди участвуют как члены семей, разрушается под тяжестью общества потребления. Человеческие отношения всё больше инструментализируются. Почти все традиционно частные функции семьи стали общественными и даже превратились в часть денежного обмена

системы. Почти всё время человек находится вне семьи, на работе.

Атомизация и отчуждение стали той ценой, которую приходится платить за высокое качество жизни. Родители и дети не понимают друг друга. Автономные движения предлагают путь создания новых групповых связей. Так, в сквотах коммунальная жизнь предполагает возможность личной жизни. Появляются новые типы близких отношений и новые модели воспитания детей. Как показано в таблице, оппозиционная культура автономных движений часто отрицает примеры подавления, происходящих по вине существующей социальной системы.

СИСТЕМА	КОНТРКУЛЬТУРА
1. Индивидуальное накопление богатства	Равное участие в разделе доходов
2. Конкуренция	Кооперация
3. Патриотизм	Гуманизм
4. Иерархия	Равенство
5. Патриархальная моногамия	Открытые отношения
6. Карьера	Личный рост
7. Отдельная семья или одиночки	Групповые дома

Не смотря на то, что бытует антропологическая точка зрения, что люди общественные животные, современность указывает на обратное. Противоречия между потребностью в групповом сотрудничестве и реальностью атомизации является одной из мотиваций участия многих людей в социальных движениях. Хотя постмодернизм иногда означает укрепление

групп, по сравнению с атомизацией модернизма, подводные течения капитализма всё же угнетают это стремление к коллективизму. Потребность выгоды – путы для потребности в самопостроении коллектива.

Новые социальные движения и политика идентичности

Почему же женщины, меньшинства и молодёжь принимают участие в радикальных социальных движениях в постмодернистских обществах? Мой анализ автономных движений, предпринятый в этой книге, был частично обусловлен безличностными экономическими силами и политической динамикой. Для постмодернистов «общество» является констрактом. Мы живём во множественном, децентрализованном мире (контекстах). Пользуясь языком постмодернистов, симулакра (*simulacra*) – промежуточные подобия жизни – является более важным в определении наших действий, чем история. В этом случае, социальные движения не являются движителем трансформации порядка как целого (так как это просто фантом). Скорее всего, «новые социальные движения» ориентированны на особые спорные места и вопросы идентификации (расовые, половые, возрастные). Каждая форма политики самобытности, идентичности вмещает в себя скрытую универсальность. Половое равенство – универсальная цель, приносящая пользу всем нам. Расовое разнообразие и совместное осознание нашей гуманности – всё это в наших общих интересах. Раскрытие сексуального подавления и отказ от обязательной направленности либидо только в гетеросексуальном смысле – это тоже идёт нам на

пользу. Очищение окружающей среды и разоружение государства – это тоже в интересах всего человечества. Автономные движения сумели осознать эти скрытые связи. Они выделили универсальное содержание одно-проблемной политики идентификации. Функция революционной теории не в том, чтобы убедить феминисток и националистов отказаться от их партикуляризма, а в том, чтобы развить их внутренние течения в новый конкретный универсализм через внутреннюю критику, а не через внешнее воздействие. Как часть борьбы за переформулирование конкретной универсальности, члены автономных движений могут быть подвергнуты обвинениям, например, в расизме, когда они выступают против расизма чёрных, в сексизме, когда они критикуют феминисток за их давление и партикуляризм, в антисемитизме, когда они утверждают, что евреи не являются избранным народом.

Существующая фрагментация социальных движений обуславливает универсальную идентичность человеческих существ как вида, а не как нации, пола, расы. Путь от абстрактного универсализма «модернистского» мышления к будущему формулированию конкретной мультикультурной универсалии пройдёт через политику идентификации. Ни одна идентификация не охватывает всё общество, ни одна идентификация не способна остановить функционирование системы и её воспроизводство. Следовательно, многочисленные центры революционной мысли и действия являются исторически обоснованными признаками грядущего децентрализованного развития общества. Политика идентификации начинает процесс раскрытия структур господства, процесс, который может, в конечном счёте, закончиться разрушением идентичности по

социальному происхождению. Это приведёт людей к осознанию себя автономными человеческими существами, внутренне свободными от внешних оков системы.

Большинство исследователей упускают ещё один важный момент. Одной из отличительных характеристик новых социальных движений является их специализация, их существование в качестве фрагментарной критики общества. Это больше чем просто политика групп по интересам, которая использует нетрадиционные средства борьбы. Например, антиядерные движения работают только с АЭС и заводами по переработке ядерных отходов. Попытки связать экологов с феминистским движением, которое выступает за новые технологии неугнетающие, экологически чистые, будут ошибочны, так как это разные движения. Движения чёрных также мало общего имеют с экологическими движениями, не смотря на то, что в 1990 годах в США они участвовали в акциях зелёных.

Новая теория социальных движений может быть точна в описании их акций, но вот внутренние источники протеста

Когда студенческий ненасильственный координирующий комитет исключил из своих рядов белых активистов в 1965 году, он, как раз, и сыграл главную скрипку в общем оркестре политики идентификации. Пройдя через фазу «чёрной силы» (прототип политики идентификации), новая конкретная универсалия выразилась в Конституционной Конвенции Партии Революционных Людей «Чёрная Пантера». Как писал Тод Гитлин: «Разрастание политики идентификации ведёт к свёртываемой, отвратительной и магической паранойи, к групповому мышлению постмодернизма, культовым жертвоприношениям и стилизованной маргинальности».

Политика идеи подавляет свои собственные внутренние противоречия: внутри каждой формы существует и универсальное начало и партикуляристическое. И адвокатов и оппонентов политики идей объединяет их неспособность понять её противоречивый характер. Сама по себе она не в силах качественно трансформировать политико-экономические структуры. В эпоху, когда скорость и мобильность капитала достигла невероятного уровня, политика идей отражает фрагментацию универсальной субъективности пролетариата. Эта выживаемость и всепроникаемость капитала обуславливает фрагментацию пролетарской субъективности. В постфордистских условиях глобальная природа капитала делает захват национальной политической власти невероятно избыточным, как, например, в Кубе Никарагуа, Вьетнаме. Даже в мире корпораций демографическая реконструкция рабочего класса вызывает мультикультурный анализ. Рабочий класс не состоит преимущественно из белых европейских мужчин. Глобализация экономики и рост уровня участия женщин в производстве тому пример. В настоящее время сотрудничество рабочих носит многокультурный, глобальный, а не просто «социальный» характер. Их деятельность выходит за рамки просто рабочего вопроса внутри нации-государства. В их программы вошли такие статьи как экология, феминизм, расовая солидарность и стремление к миру. С этой точки зрения, политика идей обеспечивает основу для существования свободного общества. Необходимо приступить к развитию новой универсальности, которая включала бы в исторический процесс расовые и половые проблемы. Необходимо перестроить структуры господства в повседневной жизни.

Исследователи в разных странах определяют социальные движения по-разному. Во Франции анализ социальных движений связан с влиянием их на государство (Alain Touraine). В США этот анализ базируется на парадигме мобилизации ресурсов. В ФРГ вообще на эти движения навесили ярлык «террористы». Очень мало существует теоретиков, разрабатывающих методы, посредством которых мы могли бы универсально понять социальные движения и исторические причины их порождающие. Одним из таких редких мыслителей является ученица Хабермаса Сейла Бенхабиб (Seyla Benhabib). Она исследует феминизм, постмодернизм и коммунаризм в своём философском трактате «Западная мысль со времён Древней Греции». Критически рассматривая идеи многочисленных современных теоретиков, она пытается возродить дебаты на эту тему. Она верит, что подобный диалог сам по себе станет средством и целью для более свободного общества. Таким образом, она адаптирует метод Хабермаса, метод имманентной критики отдельных мыслителей. Бенхабиб отвечает на вопросы изменяющегося гражданского общества после 1968 года. Её теоретическая работа является попыткой обосновать понятие «автономия» как часть проекта рационально реконструируемой социальной географии. В сущности её философия представляет социальную демократию повседневной жизни – демократию XX века. Как и Хабермас, она пытается заставить существующую систему жить по более высоким этическим принципам и стандартам. Её усилия были направлены на реформирование нации-государства и усиление международных организаций, таких как Европейское Сообщество, НАТО, Международный Суд, ООН, а не на строительство форм «двойной силы (власти)» и прямой

демократии. Без всяких сомнений её мир разумной аргументации, как базис социальной жизни был бы возвеличен. Но сможем ли мы демилитаризировать международные отношения, очистить планету и покончить с нищетой без социальных движений? Международная общая забастовка, конечно, обеспечила бы главный стимул к демонтажу милитаризма национальных государств. Но эта давно обсуждаемая тема отсутствует в её теории. Так как она является одним из выдающихся теоретиков, использующих термины «автономия» и «феминизм», я остановлюсь на более детальном рассмотрении её теории. Ранее я писал, что рабочая теория Антонио Негри не смогла сокрушить патриархат. Он недооценил возможности автономного движения. Моя цель в споре с Бенхабиб та же самая – показать, как её феминистская теория ограничивает дискуссию коллективной автономии и направляет движение на реформистский путь решения проблем.

От невидимости частного к его рационализации:

Разумный проект?

Для Бенхабиб «обычные моральные беседы» имеют «неясно выраженные структуры речи и действия», которые, если универсально подойти к делу, привели бы к решению социальных проблем. Главный проект её книги – объединить её «интерактивный универсализм» с феминистским пониманием того, что патриархальные властные отношения основанные на половом признаке проникают во все видимые сферы нашей жизни. Она пытается преодолеть и модернистские и постмодернистские представления об отношении между личным

и политичным. В опустошительной критике постмодернизма, Бенхабиб делает вывод, что это не совместимо с феминизмом: «Социальный критицизм без определённой формы философии невозможен, а без социального критицизма проект феминистской теории...невозможен». Используя свой феминизм как фон, она одновременно критикует гегельянские и кантовские представления о справедливости, относящейся к политическим делам. Они по её мнению, доминируют над повседневностью. Для неё «жизнь в семье ничуть не меньше [значит – В.Я.], чем жизнь в современном конституционном государстве». Её необходимо прожить «согласно этическим стандартам, которые возникали бы из политики участия в демократическом государстве». Её оптимизм, основанный на бесконечном демократическом потенциале современных демократических форм, является одним из наследий её учителя Хабермаса. Хотя Бенхабиб распространяет его метод имманентной критики и производит свою модель интерактивного универсализма их дискурса этики Хабермаса, она критикует его за «половую слепоту» теории, которая игнорирует «различия в опыте [воздействия – В.Я.] мужчин на женских субъектов во всех проявлениях доминирования в жизни». Она так же не согласна с тем, что он рассматривает властные отношения в повседневной жизни (в интимной сфере), как несуществующие. Для неё освобождение женщин является завершающей силой стимулирующей переход от модернизма к эгалитаризму.

Выдвигая частную сферу на всеобщее обсуждение, феминизм отвергает границы, установленные Западной философией мужчин, которые рассматривали повседневность, как тему фундаментально отличную от темы справедливости в

государстве. Бенхабиб отличает то, что она отличает «общего другого» (те, с кем мы взаимодействуем на уровне правительства) от «конкретного другого» (те, с кем мы разделяем нашу повседневную жизнь и интимность). Здесь у неё появляются трудности, так как её справедливость раскрытия интимной сферы обнажает всю отвратительную подноготную патриархальной практики: избиение жён, оскорбление детей и т.д., которые до этого патриархальный порядок пытался скрыть. Она допускает существование двойной проблемы: утрата уединённости и создание правительственной бюрократии, надзирающей за женщинами. Она считает, что феминистки нуждаются в критическом переосмыслении хабермасовской модели социального пространства как средства позволяющего избежать смертельного завершения «либерального легального реформизма»: «всякая борьба против угнетения в современном мире начинается с переопределения того, что рассматривалось как «частное»...В этом смысле движение женщин, движение за мир, экологическое движение и движение за новую идентификацию следуют одной логике». В диалектике индивидуального и системного, тем не менее, Бенхабиб теряет из поля зрения промежуточные социальные созвездия. Таким образом, она просто хочет создать более рациональную версию существующего строя. В её интересе к радикальному переустройству патриархальной капиталистической системы просматривается недооценка центростремительного импульса этого чудовища. Утверждая модель публичного правительства, она собирается подчинить всех людей светским либерально-демократическим нормам дискурса и взаимодействия. Были бы способны приверженцы полигамии создать свою автономную

коммуны? Было бы позволено лесбиянкам иметь их собственные частные сообщества. Скорее всего, Бенхабиб ответила бы «нет!». Справедливость, которую она предлагает, не может быть создана, так как некоторые обычаи более правильны и справедливы, чем другие.

Автономия как организующий принцип коллективной жизни не утверждается на предлагаемом Бенхабиб моноцентрическом понятии «публичное правительство». Только в разнообразии сила автономии. Неокантианский этический императив Бенхабиб создаёт возможность появления центральной власти. Её стремление к свободе превращается в путь к возрождению угнетения. Она выступает за рационализацию контролирующего центра системы, а не ставит под вопрос разумность его существования. Как и все современные адвокаты социал-демократии, она верит в рациональность её проекта, не замечая при этом подводные камни иррациональности существующих структур. Как выражение антисистемной политики участия, автономные социальные движения пытаются жить без контролирующих центров. Им просто нет дела до того, насколько рациональными могут быть их операции.

Атомизированный индивидуал и скованность

автономии

В своей тщательной разработке категорий Западной философии, Бенхабиб некритически принимает точку зрения атомизированного индивидуала. Так как весь её анализ проходит в этом одностороннем ключе, модернисткой, больше полагаясь на централизующие силы системы, чем на полицентрические

коллективные конструкции. «Собственное Я», личность, в её понимании, является фиксированной «архимедовой точкой зрения», стоящей за исторической и культурной случайностью. Это «собственное Я» - метафизическая иллюзия эпохи Просвещения заменяется «постметафизическим» пониманием «ограниченного, материального и хрупкого создания», вместо осознания освобождённого от телесной оболочки cogitos (мыслью) или абстрактных союзов трансцендентальной апперцепции (сознательное восприятие, самосознание). Она развивает более «адекватное, менее вводящее в заблуждение и менее мистифицированное видение субъективности» в противовес Западной философии. Она вновь заявляет то, что субъект сохраняет традиционные качества, такие как автономия, саморефлексивность, способность действовать согласно принципу и отвечать за последствия собственных действий. Она свято верит в то, что феминистки могут переделать универсальность, так как феминистский импульс направлен на полное изменение социального мира, а не просто на создание изолированных «постпатриархальных» анклавов внутри патриархальной мировой системы. Она призывает «постмодернистских» феминисток переосмыслить их исходные положения о том, что половая идентичность может быть приписана «поступку без того, кто его совершает».

Если для Маркса мир в «Капитале» был одной большой фабрикой, то для Бенхабиб он представлялся непрерывным разговором: «только если кто-то ещё способен понять значение наших слов, а также сущность наших деяний может обнаружить собственную идентичность. В случае же если чьи-то действия приносят вред другим людям, разговор вряд ли удастся». Она

настаивает на необходимости универсального согласия в том, что диалог в этом случае не состоится. Диалог между антагонистами невозможен. Для неё «основные принципы справедливости порядка были бы морально нейтральны». Она верит в то, что основы свободы никогда не должны быть урезаны. Такое утверждение само по себе является моральным. Физически, - когда необходимо, - индивидуалы трансформируются, освобождаются от пассивности, жертвоприношений и притяжения господства и власти. Рациональность разума для Бенхабиб далеко отстоит от рациональности сердца. В бестелесном мире нет никакого дела до того, существует ли попрание чьих-то прав или нет. Здесь свобода каждого, конечно, была бы гарантирована. Но когда мы обращаемся к реальному миру, различие между разумными аргументами и интеллектуальным безразличием достигает высшей точки.

Теоретики, которых я выбрал для критики (Сейла Бенхабиб – феминизм, Антонио Негри – пролетаризм, Гунтер Грасс – критический германизм (Germanity)) являются одними из прогрессивных в своих областях учёных, которые рассуждали о проблемах автономного движения.

Расист может быть рационален, но он не разумен. Автономист может быть иррационален, но действия его разумны (reasonable).

Тысячи людей, участвуя в социальных движениях, воплощают конкретную реализацию свободы. Они действуют вне установленных норм и существующих правил. Тысячи людей сознательно действуют спонтанно и в согласии. В такие моменты, которые я называю моментами «эротического влияния», подлинная индивидуальность проявляется в зависимости от того,

как человеческие существа располагают себя в коллективных контекстах, которые отрицают их индивидуальность. Жизненные демократические движения усиливают автономию индивидуума и одновременно создают группы, которые освобождаются от централизованного единообразия корпоративно-государственного зверища.

Декolonизация и Демократия

Начиная с 17 века, политические революции в Европе порождали нации-государства и, одновременно, создавали их идеальный образ для разрешения различных конфликтов. 200 лет назад французская политическая история создала сценарий, по которому развивались различные местные вариации человеческой мысли. В то же самое время Германия почти ничего не внесла в этот сценарий истории демократии. Но немецкие философы извлекли такую сущность из наследия французской революции и представили её результаты в универсальном и ясном виде (через марксизм), в котором теория приобрела материальную силу. Европейская история 1970 –1980 годов повторилась с точностью до наоборот. В Германии появились движения невероятной важности, а философия работала больше над распространением модернистской критики Канта и Гегеля (проект Хабермаса, например). Жизнь во Франции, в условиях жёстко централизованного государства, в этом отношении была спокойна. Французские же философы разрабатывали концепции деконструктивизма и проекты постмодернистских децентрализованных правительств, рассеивающих власть.

Современные нации-государства, основанные на авторитете универсальных интересов, присвоили себе чрезвычайные

полномочия, исключительную власть, над повседневной жизнью людей. Подобно международному стилю в архитектуре, нации-государства создают и ТНК, по принципу «больше - лучше». Небоскрёбы освободили людей от императива горизонтального строительства. В современных же условиях это походит не на освобождение, а на закабаление. Аналогично, представительная демократия, которая когда-то освободила людей от аристократического абсолютизма, теперь уже не способна исполнять своё историческое предназначение – распространять свободу для всех и обеспечивать эффективные средства для участия общества в процессе принятия политических решений. Если термин «постмодерн» имеет возвышенное значение, то ясно, что он потенциально должен переустроить человеческий мир. И в архитектуре, и в политике перспектива вновь обновлённого коллективного взаимодействия и лучшего качества жизни всё дальше отступает от нас, и делается это не без помощи современных форм демократии участия и международного стиля в архитектуре. Не смотря на то, что постмодернистская архитектура является продуктом капитала, она всё же пытается слиться с её окружением, не в пример модернистскому стилю (от Луиса Салливана до Корбузье). Очень похожий процесс происходит и в политике: автономисты предлагают такую форму демократии, какая была во времена Древней Греции и о которой мечтали во времена Ренессанса.

Существующая система всё больше отказывает нам в экономической стабильности и экологической безопасности. Государство относится к нам как к врагам. Внутренние ресурсы и международная мобильность ТНК часто заменяет функции нации-государства в принятии критических экономических

решений, воздействуя при этом на целые регионы. Роль нации-государства в решении многих внутренних и внешних проблем падает. Принятие экономически ответственных решений уже приводит к переосмыслению значения политической власти нации-государства и повышению демократического контроля над технологиями.

То что я называю «гражданским луддизмом» может иногда принимать замечательные формы демократического контроля, лучшие формы чем голосование раз в четыре года и уплата профсоюзных взносов. Не смотря на то, что и свобода и собственность необходимы и важны, их реализация существенно разнится. Помимо реальной автономии, как части творческих сил человечества, существует фальшивая автономия общества потребления.

Целью автономных социальных движений является ниспровержение политики: деколонизация повседневной жизни и гражданского общества, а не захват государственной власти. Основанные на приоритете личности и на желании учредить прямую демократию, эти движения противостоят ложной универсальности контролирующего центра, с помощью которого правительства и ТНК пытаются навязать свою волю. Ниспровержение политики предполагает больше демократии, больше, чем могли себе представить граждане Афин или Флоренции, больше, чем представляла себе Американская революция и намного больше, чем было до сих пор. Чтобы выжить необходимо именно эта форма демократии.

